

**O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
YA. G'ULOMOV NOMIDAGI
ARXEOLGIK TADQIQOTLAR INSTITUTI**

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМЕНИ Я. ГУЛОМОВА**

O'ZBEKISTON ARXEOLGIYASI

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

МУНДАРИЖА

Шамукаррамова Ф.Ш.

Академик Яхъё Гуломов ва унинг Ўзбекистон археологияси ва тарих фани ривожига қўшган ҳиссаси 3

Буриев О., Ражабова Н.

Академик Яхё Гуломовнинг Қашқадарё воҳаси археологиясини ўрганишга қўшган ҳиссаси 19

МАҚОЛАЛАР

Сулейманов Р.Х., Гордеева Е.

Сийпантош – ибтидоий давр санъатининг муҳим ёдгорлиги 23

Богомоллов Г.И.

Чоч ва Суғда тоғ эчкиси тасвири семантикаси 28

Тошбоев Ф.

Уструшона мозорқўрғонлари конструкцияси ва уларнинг шаклланиши 46

Матбобоев Б.Х., Реутова М.А.

Мунчоктепа мозорқўрғони. Органик материалларда тайёрланган буюмлар реставрацияси (V-VI асрлар) 56

Шоназаров Ш.Б.

Қашқадарё вилояти Лангарсой воҳасидаги археология қузатувлар 63

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

Хамидов О.А.

Шимолий Бактрия Кучук I даври митти ўғири ва ўғирдасталари 71

ТАНҚИД ВА ТАҚРИЗ

Шайдуллаева Г.

Майк Тойфер. Шимолий Бактрия ва унга ёндош худудларининг бронза даври мозорқўрғонлари // Archäologie in Iran und Turan. Band 13. - Berlin. 2014. - P.685. 82

ЮБИЛЯРИМИЗ

Қадимги металсозлик ва кончилик иши мутахасиси, олим Владимир Дмитриевич Рузанов 70 ёшда 89
Ғайратдин Хожаниязов 70 ёшда 102
Рустам Хамидович Сулаймонов 80 ёшда 109

**№ 1 (18)
2019**

**Журналга 2010 йилда
асос солинган**

**© Ўзбекистон Республикаси
Фанлар академияси
Археологик тадқиқотлар
институти**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Шамукаррамова Ф. Академик Яхъя Гулямов и его вклад в развитие исторической и археологической наук в Узбекистане	3
Буриев О, Ражабова Н. Вклад академика Яхъя Гулямова в изучение Кашкадарьинского оазиса	19
СТАТЬИ	
Сулейманов Р.Х., Гордеева Е. Сийпанташ – важный идеологический памятник первобытного искусства	23
Богомоллов Г.И. Семантика изображений горного козла в Чаче и Согде	28
Тошбоев Б. Конструкция Уструшанских могильников и их возникновение	46
Матбабаев Б.Х., Реутова М.А. Могильник Мунчактепа. Реставрация изделий из органических материалов (V-VI вв.)	56
Шоназаров Ш.Б. Археологические разведки Лангарсайский оазис Кашкадарьинской области	63
Трибуна молодого исследователя	
Хамидов О.А. Миниатюрные ступки и пестики Северной Бактрии эпохи Кучук I	71
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Шайдуллаева Г. Майк Тойфер. Могильники эпохи бронзы северной Бактрии и прилегающих регионов // Archäologie in Iran und Turan. Band 13. - Berlin. 2014. - P.685.	82
НАШ ЮБИЛЯР	
Ученому, специалисту древней металлургии и горного дела Владимиру Дмитриевичу Рузанову 70 лет	89
Гайратдину Хожаниязову 70 лет	102
Рустаму Хамидовичу Сулейманову 80 лет	109

Главный редактор
д.и.н. **Темур Ширинович Ширинов**

Редакционный совет:
к.и.н. Ф. А. Максудов
(председатель)
к.и.н. М. М. Саидов
(Ответственный секретарь)
акад. А. А. Аскарлов
д.и.н. Ванг Цзяньсинь (Китай)
д.и.н. Ф. Грене (Франция)
акад. А. П. Деревянко (Россия)
д.и.н. М. Ш. Кдырнязов
д.и.н. П. Лериш (Франция)
д.и.н. Б. Х. Матбабаев
к.и.н. Ш. Р. Пидаев
акад. Э. В. Ртвеладзе
д.и.н. Р. Х. Сулейманов
д.и.н. У. Такао (Япония)
д.и.н. М. Фрачетти (США)
к.и.н. Г. Ходжаниязов

Редакционная коллегия:
к.и.н. А. А. Анарбаев
к.и.н. Т. Дж. Аннаев
к.и.н. А. Э. Бердимуратов
к.и.н. Г. И. Богомоллов
(Ответственный за выпуск)
к.и.н. Д. К. Мирзаахмедов
к.и.н. М. Х. Пардаев
к.и.н. А. А. Раимкулов
к.и.н. М. А. Реутова
к.и.н. В. Д. Рузанов
к.и.н. Б. К. Сайфуллаев
к.и.н. С. С. Суюнов
к.и.н. М. М. Хужаназаров

На обложке:
Логотип Института археологических исследований АН РУз.

Адрес редакции:
140151, Самарканд,
ул. акад. В. Абдуллаева, 3
Телефон: (8-366) 232-12-90

Журнал зарегистрирован
в Агентстве печати и
информации
Республики Узбекистан
Удостоверение № 0592

Сдано в набор 02.02.2019
Подписано в печать 26.03.2019
Формат 60x84 1/8
Усл. печ. л. 12,7
Тираж 200 экз. Заказ 443

Отпечатано в Институте
археологических исследований
АН РУз
140151, Самарканд,
ул. акад. В. Абдуллаева, 3

Если мы не сохраним историю,
будущее поколение нам этого не простит.

Яхья Гулямов

УДК:

**АКАДЕМИК ЯХЬЯ ГУЛЯМОВ
И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ**

© 2019. Ф. Ш. Шамукармова

Институт истории Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: Узбекистан, Самарканд, Ташкент, Хорезм, археология, хорезмская экспедиция, памятники культуры, историческая наука, востоковедение, Зарафшанская долина, П. Салиев, В.Л. Вяткин.

Мазкур очерк машхур тарихчи археолог, тарих фани ва кўп сонли археологик экспедициялар ташилотчиси академик Яхё Гуломович Гуломовнинг серқирра илмий ва амалий фаолиятига бағишланади. Унинг ёш тадқиқотчидан то Ўзбекистонда тарих фанининг буюк арбоби бўлиб шаклланишигача босиб ўтган йўли ёритилган. Очерк тарихий-тарихиунослик характерга эга бўлиб, уни Ўзбекистон Марказий давлат архивида сақланаётган Я.Ф. Гуломовнинг шахсий фонди ҳужжатлари, "Умр дафтари" ҳужжатли фильм маълумотлари, шунингдек унинг илмий ишларидан фойдаланилган. Шунингдек, олимнинг Ўзбекистон ҳудудидаги йўқолиб кетиши хавфи бўлган археологик ва тарихий ёдгорликларни сақлашдаги ролига эътибор берилган.

ACADEMICIAN YAHYA GULIAMOV AND HIS CONTRIBUTION TO DEVELOPMENT OF HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL SCIENCES OF UZBEKISTAN

F.Sh. Shamukaromova

This essay is devoted to the vast scientific and practical activities of the famous historian - the academician Yahya Gulyamov, who was archaeologist, great specialist in history, head of numerous archaeological expeditions. The article presents the way of his rising from a young researcher to the immense specialist in historical science of Uzbekistan. The essay is of historical and historiographical character. In research there were used the documents of Ya.G. Gulyamov's personal fund stored in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan, as well as the materials of documentary film "Umr Daftari," and his studies. A special attention is paid to his participation in protection of archaeological and historical monuments threatened to be destroyed.

*Люблю страницы древних книг
Их шелест робкий в тишине.
Доносит слово, плач и крик
Как будто эхо старины.*

*Я погружаюсь вглубь веков,
Листая старые тома.
Последний лист – резная дверь
Вдруг в прошлое затворена¹.*

Первый археолог-узбек, известный специалист по древней истории Средней Азии, организатор науки, педагог Яхья Гулямович Гулямов родился 1 мая 1908 г. в махалле Акмечеть города Ташкента. Его отец Гулям Махсум был учителем в медресе Ходжа Ахрара, мать Сорахон-отин – учительницей. У Гулям Махсума было

шестеро детей – Эшонхон, Одилкори, Яхья, Саид Ахмад, Акромхон и Рокия. Чтобы помочь мужу прокормить большую семью, Сорахон-отин держала у себя дома мактаб для девочек. В махалле она считалась самой образованной женщиной и пользовалась большим уважением (Мухаммаджонов, 2000. С. 4-5).

В 1918 г. после смерти отца десятилетний Яхья остался на иждивении матери, а с 1921 г. воспитывался в детском доме-интернате, где получили образование многие представители местной интеллигенции. Примечательно, что однажды при встрече со студентами в ответ на вопрос – «Кто был Вашим первым учителем?», Я. Гулямов ответил: «Моим первым учителем была моя мать, ее образ всегда передо мной, и всегда в моей памяти» (Академик Яхё

Гуломов, 1998. С. 4). Благодаря матери уже в 7-8-летнем возрасте Яхья Гулямов свободно читал книги на арабском и персидском языках.

По окончании шестого класса школы в 1923 г. он продолжил учебу в Узбекском мужском институте просвещения в Ташкенте (Узинпрос), который окончил в 1926 г. К 1930 г. Я. Гулямов окончил также общественно-экономическое отделение Узбекского государственного педагогического института в Самарканде (Лунин, 1976. С. 180).

В период учебы в Самарканде Я. Гулямов посещал лекции таких известных ученых, как П. Салиев, М. Саиджанов, В. Вяткин и др., которые оставили в его памяти неизгладимые впечатления. В последующем, вспоминая эти времена, Я. Гулямов характеризовал Пулата Салиева как знатока арабского, фарси и турецкого языков, глубоко изучившего письменные источники по истории Средней Азии. Именно лекции П. Салиева во многом определили его интерес к истории региона. Пулат Салиев, будучи первым узбекским историком, являлся ярчайшей фигурой в начуной общественности того периода. Как один из наставников Я. Гулямова – П. Салиев ввел молодого студента в историческую науку, оказывал всемерную поддержку, в том числе и финансовую в годы учебы в Самарканде.

Однако наибольшее влияние на исследовательские интересы Яхьи Гулямова, в археологическом и востоковедческом направлениях, оказало знакомство с Василием Лаврентьевичем Вяткиным, известным знатоком Самаркандских памятников и археологом, обратившим внимание на любознательного студента, задававшего множество вопросов после каждой лекции.

Первая встреча Я. Гулямова с В.Л. Вяткиным произошла еще в 1921 г. во время экскурсии в Самарканд учеников 8-интерната Ташкента. Позже он вспоминал: «В августе 1921 года некоторую часть воспитанников повезли на экскурсию в Самарканд, среди которых был я, будущий кинорежиссер Наби Ганиев, несколько учите-

лей. Тогда нас разместили в ташкари (мужская часть дома) Усманбая в махалле Кошховуз. Тогда к Юсуфу Алиеву (преподаватель. – Ф.Ш.) часто приходил русский человек – высокий, с широким лбом, с лысиной на голове, в очках, примерно лет пятидесяти. Одет он был в солдатские ботинки с толстой подошвой, сильно изношенные и выцветшие светлые брюки и рубашку-каламинку с четырьмя карманами, а на голове плотная фуражка. Руки у этого человека были с выступающими венами как у кузнецов, пальцы огрубевшие и очень крупные» (Фуломов, 1969. Б. 45).

Однако эта первая встреча оставила далеко не приятное впечатление у тринадцатилетнего Яхьи. В немалой степени этому также способствовало то обстоятельство, что при представлении В.Л. Вяткина ученикам интерната была названа его прежняя деятельность в качестве заместителя военного губернатора области и миссионера.

Позднее, уже в период студенчества в Самарканде, узнав, что лекции по курсу «История мусульманского Востока» будет читать В.Л. Вяткин, Я. Гулямов вместе с другими студентами обратились к директору института профессору Меркуловичу с выражением недовольства. Однако их позиция в корне изменилась сразу же после первой лекции В.Л. Вяткина (Фуломов, 1969. Б. 45).

Таким образом, очевидно, именно В.Л. Вяткин был тем человеком, который постепенно пробудил интерес Я. Гулямова к археологии, день за днем, поэтапно, раскрывая юному студенту премудрости археологической науки. Одновременно В.Л. Вяткин регулярно снабжал своего протеже уникальными историческими произведениями Мухаммада Джарира Табари, Мухаммада Наршахи, Жувайни и других средневековых летописцев, приобщая его, таким образом, к богатейшему письменному историческому наследию.

Педагогическая деятельность Яхьи Гулямова началась в 1929 г. там же в Самарканде в качестве ассистента открывшегося при Самаркандском педагогическом институте кабинета истории Средней Азии. На эту должность Я. Гулямова рекомендовали П. Салиев, В.Л. Вяткин и А. Фитрат. В 1931 г. он был принят на работу преподавателем Педагогического техникума в Ташкенте. Одновременно с этим он проходил обучение в аспирантуре Узбекского научно-исследовательского института при Совнарком УЗССР.

Первые научные публикации Я. Гулямова, посвященные изучению и сохранению памятников материальной культуры Узбекистана (Фуломов, 1934; Фуломов, 1939д; Фуломов, 1939е), истории ремесла (Фуломов, 1935), проблеме спасения северо-восточного минарета медресе Мирзо Улугбека в Самарканде (Фуломов, 1938; Фуломов, 1939г) и другие (Фуломов, 1937, Фуломов, 1939а), стали появляться в начале 1930-х годов.

С 1933 по 1940 г. Я. Гулямов работал в должности научного сотрудника и ученого секретаря Узбекстанского комитета по охране памятников старины и искусства (Узкомстарис). Здесь собственно и началось его систематическое участие в различных археологических экспедициях и разведках, в частности, в экспедиции М.Е. Массона на городище Айртам (Фуломов, 1939б; Фуломов, 1939в; Фуломов, 1940), где он прошел большую практическую школу. В 1936 г. в отрогах Султан-Уиздага (Хорезм) Я.Г. Гулямов провел первые самостоятельные археологические изыскания. С 1938 г. ученый принимал участие в работе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) Института истории материальной культуры АН СССР под руководством С.П. Толстова. Очевидно, в эти годы и сформировался его интерес к истории и культуре древнего Хорезмского оазиса.

С 1940 г. Я. Гулямов – сотрудник Узбекистанского филиала Академии наук СССР – сначала в качестве заведующего отделом археологии, а с 1943 г., с созданием Академии наук Узбекистана – заведовал отделом истории древних и средних веков при вновь созданном Институте истории и археологии АН УзССР. С ноября 1956 г. по октябрь 1959 г. Я. Гулямов исполнял обязанности директора данного института.

Параллельно с научной Я. Гулямов осуществлял и преподавательскую деятельность, в частности, в Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами (ныне ТГПУ им. Низами), где читал лекции по истории Узбекистана и археологии.

Достаточно разносторонней была сфера научных интересов Яхьи Гулямовича, однако, доминирующими направлениями оставались проблемы истории орошения Узбекистана с древнейших времен до середины XX века, а также истории древнего общества Средней Азии.

В 1943 г. Я. Гулямов под научным руководством С.П. Толстова защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Хива и ее памятники».

В 1950 г. он уже защитил докторскую диссертацию на тему: «История орошения Хорезма с древнейших времен до настоящих дней». Впоследствии эта работа была издана отдельной монографией (в 1957 г. – на русском (Гулямов, 1957), в 1959 г. – на узбекском языках), которая не утратила своей научной значимости и по сей день. По сути, данное исследование явилось первой попыткой последовательного освещения на основе археологического материала истории возникновения и развития системы орошения в низовьях Амударьи с древнейших времен до 50-х годов XX в.

Важной составляющей указанной работы, наряду с археологическими материалами, стали сведения письменных источников. Сопоставляя материалы источников, Я. Гулямов попытался ответить на ряд вопросов, основной среди которых: *«Почему страна, располагавшая в древности огромной земельной площадью, громадными, удобными для орошения водными ресурсами Аму-Дарьи, не смогла выйти из состояния земельной тесноты ...»* (Гулямов, 1957. С. 7).

В процессе работы с письменными источниками, в частности, с произведением хивинского хана Абулгази «Шаджара-и турк» («Родословное древо тюрков»), Я. Гулямов внес существенные коррективы в вопросе полноценного авторства. Известно, что Абулгази-хан в связи с болезнью завещал завершить свой труд своему сыну и преемнику Ануша-хану. Сопоставив различные списки рукописи, ученый пришел к заключению, что сочинение «Шаджара-и турк» было завершено не Ану-

ша-ханом, как считалось прежде, а по поручению последнего «неким Махмуди бин Мухаммед Заманом Ургенджи». Более того, не только продолжено, но и «в значительной степени дополнено с введением новых глав». Несмотря на это, Я. Гулямов констатировал, что «самая ценная и самая основная часть этого труда принадлежит именно перу самого Абулгази» (Гулямов, 1957. С. 12). Тем самым исследователь внес значимые коррективы относительно истории создания этого ценнейшего исторического произведения, посвященного истории Хорезма.

Как отмечалось Я. Гулямов построил свои исследования на основе сопоставления сведений письменных источников с результатами археологических работ. Так, работая в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова, начатой в 1936 г., он осуществлял археологическую разведку Южного Хорезма. В течение восьми лет он вел археологический надзор при строительстве Ташсакинского и Суанли-Ленинградского магистральных каналов, наблюдая за процессом чистки отдельных каналов и строительства железнодорожной линии Чарджоу–Кунград, где ученому удалось собрать, постоянно беседуя с местным населением и строителями, сведения по многим аспектам ирригации региона (Гулямов, 1957. С. 16). В результате систематизации сведений письменных источников, народных преданий, материалов археологических работ, Я. Гулямову удалось собрать и обобщить значительный материал, результатом чего и явилась фундаментальная научная монография «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней».

Важность данной работы была среди прочих особо отмечена руководителем Хорезмской археолого-этнографической комплексной экспедиции С.П. Толстовым:

«Работа Я.Г. Гулямова является крупным вкладом в разработку одного из важнейших – по моему мнению, самого важного вопроса истории материальной культуры, точнее – истории хозяйства народов Хорезма и Средней Азии в целом. Я.Г. Гулямов не только обобщает весь этот огромный материал (имеется в виду новый материал, накопленный естественниками, инженерами-ирригаторами, археологами и историками. – Ф.Ш.), подвергая его критическому пересмотру – что одно было бы достаточным основанием для настоящей необходимости публикации его книги. Он поднимает новый большой материал первоисточников. В течение долгих лет Я.Г. Гулямов работал заместителем начальника Хорезмской экспедиции, которая, как он правильно отмечает, внесла значительный вклад в историю древней ирригации Хорезма. Очень значительная часть этого вклада принадлежит непосредственно Я.Г. Гулямову. Им, кроме того, проведена огромная историко-этнографическая собирательная работа – у местного населения, особенно у старых мирабов, собран интереснейший, исключительно важный материал по ирригации Хорезма XIX – начала XX века. Наконец, весьма важное значение представляет введение Я.Г. Гулямовым в научный оборот целого ряда новых, неизвестных хивинских письменных источников (надо особо отметить практически до сих пор неизвестный труд последнего хивинского хрониста Баяни, хивинскую агиографическую литературу, неопубликованные вакуфные документы и др.), а также использование под новым углом зрения ранее известных источников (Мунши Агахи, Абулгази и др.) ...» (ЦГА РУз, ф. 2883, оп. 1, д. 31, л. 1-3).

Исследователь Т. Ширинов, характеризуя научную деятельность Я. Гулямова, отмечал следующее:

«Изучая его исследования, я могу утверждать, что домла Яхья Гулямов сделал много научных открытий и научных подвигов. На примере Хорезма домла представил всю картину истории орошения Средней Азии с древнейших времен до наших дней» (Из 4-серийного док. фильма. 1-серия).

В марте 1955 г. Я. Гулямову было присвоено звание профессора. Уже через год, т.е. 5 октября 1956 г., он был избран членом-корреспондентом АН Узбекистана, а 25 февраля 1966 г. – действительным членом национальной Академии наук. В июне 1958 г. Я. Гулямову присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекистана.

Известный среднеазиатский археолог, коллега Я. Гулямова – В.А. Шишкин особо подчеркивал, что *«Я.Г. Гулямов из рядового научного сотрудника вырос в маститого ученого, хорошо известного своими научными трудами по археологии»*².

Другой близкий соратник и коллега Я. Гулямова проф. Х.З. Зияев в своих воспоминаниях отмечает:

«... Домла Яхья Гулямов был для всех нас примером. Он был наставником не только для меня, но и для всех молодых исследователей. Он был очень скромным, смелым, щедрым и гостеприимным человеком и пользовался большим уважением. Я познакомился с Яхья-ака в 1946 году и до конца его жизни вместе работал в одном институте. Его жизнь и научную деятельность я могу разделить на три периода. ... Но, прежде всего, Яхья Гулямов был первым археологом-узбеком, ставшим кандидатом и доктором наук, и основоположником узбекской археологической науки» (Из 4-серийного док. фильма. 1-серия).

Во второй половине 60-х годов XX в. в Узбекистане археологические изыскания обретают широкий размах. Этому способствовало создание в Институте истории и археологии АН РУз, вероятно, усилиями Я. Гулямова, двух отделов: 1) по изучению эпохи камня и бронзы, 2) по изучению истории орошения. Деятельность новых отделов дополнила и расширила круг научных направлений отдела археологии данного института. Исследования велись, в частности, по изучению древних и средневековых городов, поселений, культовых сооружений, могильников. Кроме того изучались стратиграфия, топография вышеназванных объектов (Гулямов, 1972).

В эти годы под руководством Яхья Гулямовича продолжались интенсивные археологические работы на городище Афрасиаб в Самарканде, для сохранения целостности площади которого ученый приложил немало усилий (см. далее). Масштабные стационарные исследования на городище проводились археологами Академии наук Узбекистана, Самаркандского и Ташкентского государственных университе-

тов, Института искусствознания, в результате которых был осуществлен значительный научный прорыв в данном направлении (Гулямов, Буряков, 1969).

Наряду с академической деятельностью Я. Гулямов не забывал и об учебном процессе. Так, в 1969 г. в соавторстве с Р.Н. Набиевым был издан учебник по истории для 7-8-х классов восьмилетних школ на узбекском языке (Гулямов, Набиев, 1969). А в 1971 г. данное учебное пособие было издано на русском языке (Гулямов, Набиев, 1971).

Возвращаясь к научным исследованиям Я. Гулямова по истории орошения Узбекистана, следует указать, что они имели большое народно-хозяйственное значение, способствовали выявлению крупных земельных массивов древнего искусственного орошения, пригодных для этой цели и в наши дни: это западная часть Бухарского оазиса, низовья реки Кашкадарья, район Нурата и др.

В дальнейшей научной деятельности, Я.Г. Гулямов руководил археологическими отрядами, исследующими стоянки времен палеолита, неолита, энеолита и бронзового века в низовьях Зарафшана и в других районах Узбекистана. В результате которых, например, был установлен исторический возраст города Бухары, опубликована книга «Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана» (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966). В рецензии на данную работу отмечалось, что выход монографии «с таким нетерпением ждали не только археологи Средней Азии, но и специалисты по истории широкой зоны степей Евразии ... Выход книги ... является крупным научным событием ... открытие культуры на Махандарье – огромным достижением авторов» (Советская археология, 1968, № 2), так как в работе были затронуты важные научные проблемы.

С именем Я.Г. Гулямова связаны, в частности, первоначальные раскопки ныне широко известного могильника Заман-Баба (заманбабинской энеолитической культуры степного типа) в районе западнее Бухарского оазиса.

Ученик Я. Гулямова, академик АН Узбекистана А. Мухаммеджанов, вспоминая об этих годах, писал:

«После Хорезмской археологической экспедиции домла организовал новый отряд из молодых, только встающих на научное поприще ребят, куда входил и я, и начал исследование южных районов Узбекистана. Цель работы состояла в выявлении первобытных стоянок в низовьях Зарафшанской долины. Мы приехали на археологический объект, где произошел интересный момент. Домла поднялся на холм, и указывая рукой, стал показывать: «здесь был древний город, там были городские стены, вон там была цитадель, городские ворота находились с этой стороны, дальше был хауз (водоём. – Ф.Ш.)». Я удивился и подумал про себя: «Домла всезнающий гений что ли (домла луқмонмилар)». Однако не решился задать вопрос – «Откуда Вы это знаете?».

Через два года в очередной сезон археологических раскопок мы поехали в Ромитанский район Бухарской области. Там мы наняли рабочих из местного населения, среди которых был мужчина постарше по имени Ешпулат. Этот мужчина стал объяснять молодым парням-рабочим, что Гулямов - домла – инженер, имеет большую подзорную трубу, наблюдая через которую из Ташкента выявляет места для поиска. Если он говорит «Копайте, здесь есть золото», значит так оно и есть» (Из 4-серийного док. фильма. 1-серия).

Яхья Гулямович непосредственно участвовал и в археологическом исследовании древнего Ташкента. В частности, он возглавлял Ташкентский археологический от-

ряд, созданный в 1967 г. на базе Института истории и археологии АН Узбекистана, в связи с ликвидацией последствий землетрясения 1966 г. Подавляющее большинство данного отряда составляли женщины-археологи, хотя Я. Гулямов не очень приветствовал их участие в археологических экспедициях, видимо, из-за тяжелых условий полевых работ, негативно влиявших на их здоровье.

Цель первого этапа работ Ташкентского отряда заключалась в оказании так называемой «скорой помощи» обреченным на гибель и исчезновение памятников древней культуры Ташкента, на основе изучения которых следовало определить время сложения и развития древнейшего городского образования в районе долины Чирчика (Древний Ташкент, 1973. С. 4). Следует отметить, что это был беспрецедентный случай в истории градостроительства, когда столица

Узбекистана превратилась в одну огромную строительную площадку, что в свою очередь способствовало проведению широких археологических исследований территории города как на застраиваемых площадках, так и в районах, наиболее интересных в археологическом плане.

Ташкентский отряд начал свою работу на всех строительных площадках города параллельно. Финансирование этих исследований закладывалось уже в сметы строительства новых микрорайонов. Каждый сотрудник отряда отвечал за закрепленный за ним сектор, на которые была разделена вся территория города³. В процессе работ практически рождалась новая методика «городской археологии», когда зачистки стенок котлованов и траншей сочетались с извлечением из ковшей экскаваторов археологического материала или сбора его из уже вывезенного грунта (Филанович, 2004).

С работой Ташкентского отряда под руководством Я.Г. Гулямова связано открытие многослойной пещерной стоянки мустьерского времени, расположенной в Юго-Западных отрогах Тянь-Шаня в 70 км от Ташкента (грот Обирахмат), с работой Ферганского отряда – обнаружение палеолитических и неолитических стоянок.

Начиная с конца XIX в., в различных академических периодических изданиях республики регулярно публиковались статьи и очерки, освещающие ход археологических работ на территории Узбекистана. Подобные публикации были подготовлены Н.С. Лыкошиным, М.Е. Массоном, В.А. Шишкиным. Эта традиция была продолжена и Я.Г. Гулямовым (Гулямов, 1969; Гулямов, 1972). В частности, в одной из таких статей-отчетов об итогах археологических работ АН Узбекистана за 1966 г. сообщается, что год «ознаменовался созданием в Узбекистане Республиканского общества охраны памятников материальной культуры и истории». В том же году был проведен I учредительный съезд созданного Общества (30 марта 1966 г.), на

котором при содействии Совета Министров Узбекистана было принято постановление: «1) об объявлении городища Афрасиаб археологическим заповедником и об улучшении его археологического изучения; 2) о проведении юбилея города Самарканда в связи с 2500-летием со дня основания» (Гулямов, 1966. С. 8).

Мы не случайно затронули проблему охраны археологических объектов на территории Узбекистана, так как этот аспект научной деятельности Яхьи Гулямовича занимает особую нишу. В годы своего директорства в Институте истории и археологии АН Узбекистана ученый приложил огромные усилия в борьбе за сохранение археологических объектов, вплоть до неоднократного обращения к руководству Узбекистана и лично Первому секретарю ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидову. Одно из таких обращений было связано с сохранением целостности древнего городища Афрасиаб в Самарканде. В 1966 г. Министерство дорог СССР начало строительство автодороги прямо через территорию городища. Узнав об этом, Я.Г. Гулямов добился приема у Ш.Р. Рашидова *«и доложил о неслыханном кощунстве и издевательствах над выдающимся памятником»*, так как в результате строительства дороги городище Афрасиаб фактически разделялось на две половины. К тому же экскаваторы начали разрушать здание с уникальными настенными росписями, датированными VII-VIII веками. После доклада Я.Г. Гулямова Ш.Р. Рашидов лично посетил городище, и вызвав министра дорог республики, провел рабочее совещание непосредственно на городище. В ходе совещания руководитель республики отметив важное культурно-историческое значение городища, подчеркнул, что его уничтожение – неуважение к историческому наследию узбекского народа. Присутствовавший на встрече министр дорог попытался обосновать свои действия тем, что *«строящаяся дорога просто делит памятник на две половины и особого урона он в этом не видит, не такой уж это грех»* (Ахраров, 2009. С. 30). В ответ на это заявление археолог И. Ахраров, ученик Я.Г. Гулямова, спросил чиновника: *«Что бы вы сказали, если такую же дорогу проложить через центр древнего Новгорода?»* (Министр дорог Узбекистана русской национальности – Ф.Ш.), на что министр без промедления ответил о невозможности подобного шага. *«А почему же здесь на Афрасиабе можно это делать?»* – с возмущением бросил И. Ахраров. Министр покраснел, но смолчал (Ахраров, 2009. С. 30).

Представленная ситуация – это лишь одно из многочисленных усилий Яхья Гулямовича в деле сохранения археологических объектов. Значительные усилия были приложены в 1970 г. в борьбе за сохранение гигантского городища Ахсикент в Наманганской области, когда *«местные власти у подножия городища построили кирпичный завод и начали с одного края долбить штольни для добычи земли, из которой формовали сырцовые кирпичи, обжигали их и продавали тем, кто в них нуждался»* (Ахраров, 2009. С. 27-37).

В этом важном деле Яхья Гулямовича можно назвать преемником В.Л. Вяткина и М.Е. Массона, которые также прилагали немало усилий, регулярно вступая в переговоры и переписку с властями для сохранения уникальных исторических объектов. Это позволяло также добиваться выделения дополнительного финансирования для реставрации исторических архитектурных памятников Узбекистана.

Необходимо отметить, что с именем Я. Гулямова связаны мероприятия, направленные на определение возраста Самарканда (2500-летие). Начало было положено в 1958 г., когда в Самарканде на Афрасиабе начались стационарные раскопки, в дальнейшем превратившиеся (1965) в крупную археологическую экспедицию под руко-

водством В.А. Шишкина. Накопившийся археологический материал вызвал бурную дискуссию в среде научной общественности, связанную с датировкой города. Одна группа ученых придерживалась позиции, сформировавшейся еще в конце XIX в., что Самарканд (Мараканда) – это столица Древнего Согда эпохи Александра Македонского. Другая группа занимала более сдержанную позицию, заключающуюся, в частности, в том, что «в античное время на этой территории находились лишь временные поселения, а городская жизнь здесь началась с сооружением первой и второй городских стен и стены цитадели в IV – VI вв. н.э.»⁴.

Вспоминая эти годы, академик Ю.Ф. Буряков писал:

«Возглавивший экспедицию после кончины В.А. Шишкина Яхъя Гулямович поставил в качестве одной из важнейших задач изучение возраста города. ... Эти исследования позволили утверждать, что материалы и фортификация дают возможность датировки возраста Самарканда не менее 2500 лет. Когда весной 1969 г. Я.Г. Гулямов выехал на сессию археологов и этнографов в г. Ленинград, его доклад на секции среднеазиатских специалистов вызвал такой резонанс, что возглавлявший конференцию руководитель ИИМК Б.Б. Пиотровский вынес этот доклад на заключительное пленарное заседание всесоюзной сессии. Доклад Я.Г. Гулямова был полностью поддержан всеми археологами страны, и материал экспедиции явился базовым для выдвигения первой датировки юбилея Самарканда» (Прим. 4).

Значителен вклад Яхьи Гулямовича Гулямова и в подготовке высококвалифицированных кадров-археологов. Работа в составе ХАЭЭ утвердила его в важности проведения комплексных исследований всех этапов древней истории Узбекистана, для чего необходима была подготовка высококвалифицированных национальных кадров. Для осуществления этого плана ученый стал готовить молодых специалистов-археологов из числа выпускников Ташкентского педагогического института им. Низами. Работая в данном направлении, он осуществлял важные организационные мероприятия для отправки молодых специалистов на стажировку в ведущие научные центры Москвы, Ленинграда, Новосибирска и других регионов бывшего Союза. В частности, благодаря усилиям Я.Г. Гулямова подобную стажировку в свое время прошли ныне известные археологи – акад. А. Аскарлов, акад. У. Исламов, Т. Мирсаатов, акад. А. Мухаммеджанов, д.и.н. Р. Сулейманов и др. (Прим. 4) Под руководством Я.Г. Гулямова около тридцати исследователей из числа академических сотрудников и преподавателей вузов успешно защитили кандидатские и докторские диссертации по археологии и древней истории Узбекистана. Благодаря стараниям ученого в Узбекистане была подготовлена целая плеяда специалистов - археологов, чьи исследования нашли широкое признание в мировом академическом сообществе.

Комплекс мероприятий, осуществленный Я.Г. Гулямовым в деле подготовки высококвалифицированных кадров-археологов, способствовал образованию в Самарканде самостоятельного Института археологии в системе Академии наук Узбекистана, который ныне носит имя Яхьи Гулямова. Обосновывая важность образования отдельного Института археологии, ученый отмечал:

«... Задача охвата больших территорий республики, отдельных городов и городищ как археологических объектов, да еще и подготовка научных кадров совершенно не под силу Институту истории и археологии АН УзССР, где археология представлена в двух секторах из девяти существующих. Практика организации и проведения археологических мероприятий показала невозможность дальнейшего соче-

тания этих двух самостоятельных видов научного исследования в рамках одного института. Эта практика пережита несколькими академиями союзных республик. Каждая из них исходила из обилия исследуемых памятников, объема задач и требования подготовки кадров и оказалась вынужденной поставить вопрос об организации самостоятельного института археологии. ...

В настоящее время археология в Институте истории и археологии АН УзССР представлена: 1) сектором археологии эпохи камня и бронзы, 2) сектором археологии рабовладельческого и феодального периодов, 3) лабораторией археологической технологии, консервации и реставрации стенных росписей. Объем и разнообразность археологических памятников чрезвычайно велики, а перспективы расширения археологических работ и подготовки кадров требуют придать работе новую организационную основу – учреждения самостоятельного Института археологии Академии наук Узбекской ССР» (ЦГА РУз, ф. 2883, оп. 1, д. 16, л. 10, 12).

В результате было принято решение об открытии в 1970 г. Института археологии АН Узбекистана в Самарканде. Переезд в Самарканд столичных специалистов-археологов вместе с членами их семей создал для последних определенные бытовые трудности, что не могло не отразиться на качестве исследований. Эта проблема, как показывают материалы личного архива Я.Г. Гулямова, также не осталась вне поля его внимания. В частности, нами обнаружена докладная записка, адресованная в 1973 г. в вышестоящие органы, в которой он характеризовал сложившуюся ситуацию следующим образом:

«Вывоз Института в 1970 г. в гор. Самарканд, как показала его трехлетняя практика работы, несколько не способствовал укреплению кадров и процветанию института, потому что: во-первых, еще ни один институт из системы Академии наук УзССР на практике не перебрасывался в областной город. Особенно нежелательно было это в момент организации, в результате чего новый и не имеющий еще опыта Институт сильно пострадал как в организационно-финансовом, так и в моральном отношениях.

Во-вторых, для успешной работы археологов в Самарканде почти отсутствует научная база: ... (имеются в виду библиотеки, фонды музеев, центральные и ведомственные архивы, картографические учреждения – Ф.Ш.). ... сотрудники Института археологии больше половины своего рабочего времени тратят на разъезды между Самаркандом и Ташкентом. ...

В-третьих, в связи с переездом в гор. Самарканд, в момент своей организации Институт лишился почти половины квалифицированных археологов и опытных научно-вспомогательных кадров, которые в силу своих семейных и других серьезных обстоятельств остались в Ташкенте и работают не по специальности ...

Что же касается тех археологов, которые переехали в г. Самарканд ..., то трудно утверждать, что подавляющее большинство их охотно шло на это и едва ли сжилось с обстановкой. Тем более, что почти все они – уроженцы Ташкента, где имеют свои собственные дома, обжитые квартиры, личное хозяйство и окружающих родственников. От всего они оторвались ради службы в другом городе. ... Кроме того, постоянные разъезды между Самаркандом и Ташкентом стоит им больше половины их заработной платы.

В-четвертых, вся эта обстановка привела к тому, что у некоторых из сотрудников Института наступили серьезные семейные осложнения, ...» (ЦГА РУз, ф.

2883, оп. 1, д. 24, л. 1-4). В качестве подтверждения в документе приведены имена более десяти известных археологов, которые оказались в сложной ситуации.

Следующим шагом в борьбе за интересы ученых-археологов республики стало письмо Я.Г. Гулямова, адресованное 17 декабря 1973 г. Председателю Бюро Отделения языка, литературы и истории АН Узбекистана М.Х. Нурмухамедову с инициативой организации в Ташкенте Отделения института археологии АН Узбекистана. Приводя доводы в пользу организации подобной структуры, ученый отмечал:

«Это полезное мероприятие помогло бы: во-первых, сосредоточить и рационально использовать археологические кадры в стенах Академии наук УзССР; во-вторых, эффективно обеспечить организационные и научные связи Института археологии с академическими учреждениями, музеями, библиотеками, архивами, лабораториями, Республиканским обществом по охране памятников, Главным управлением по охране памятников и др.» (ЦГА РУз, ф. 2883, оп. 1, д. 69).

Следует также отметить вклад Яхья Гулямовича в развитие музейного дела в Узбекистане. В одной из своих докладных записок исследователь выражает искреннюю озабоченность состоянием дел в данной сфере:

«В деле упорядочения охраны памятников большое место занимает систематизация и научная пропаганда памятников материальной культуры в музейных экспозициях. Каждая экспозиция музея, безусловно, должна основываться на новейшие результаты исторических, археологических и этнографических исследований, проводимых, в основном, в академических институтах. В этом деле соответствующие коллективы научных работников должны быть неразрывно связаны с отделами и секторами институтов.»

Комплексы археологических находок с городищ, курганных могильников и иных видов памятников в обязательном порядке и в полном комплексе должны поступать в фонды одного музея и вноситься в единую фондовую книгу. Передачу дублетов и целых комплексов в другие музеи нужно производить из того же музея. Таким главным музеем в республике является Республиканский музей истории, ранее находившийся в системе АН УзССР. Его необходимо вернуть в систему АН УзССР и сделать главным академическим музеем, тесно связанным с Институтом истории и археологии АН УзССР» (ЦГА РУз, ф. 2883, оп. 1, д. 16, л. 11).

Один из учеников Яхья Гулямовича, академик У. Исламов, в своих воспоминаниях коснулся и этого вопроса:

«Яхья Гулямов внес большой вклад в организацию, образование и обогащение экспонатов Музея истории Узбекистана и многие годы был его научным консультантом. Нас он приводил в музей для тщательного изучения его экспонатов – археологических находок, хранящихся там, после чего вывозил на археологические раскопки. Потому что изучение экспозиций музея, их анализ является своеобразным искусством и требует немалых усилий и знаний. ... Он всегда повторял, что в изучении истории роль музея имеет большое значение» (Из 4-серийного док. фильма. 3-серия).

Другой ученик Яхья Гулямовича – И. Ахраров, работавший со своим наставником с 1954 г. вплоть до последних дней жизни последнего (1977 г.), особо отмечает сложность политической и идеологической обстановки, в которой Я.Г. Гулямову удавалось реализовывать свои организационные и исследовательские начинания:

«... Было трудно академику Я.Г. Гулямову, директору крупного института работать честно и бороться за развитие науки, испытывая давление даже со сто-

роны верховной власти. Я в этой борьбе был всегда рядом с ним и мне были понятны все его тревоги» (Ахраров, 2009. С. 36).

Немаловажное значение в научной деятельности Я. Гулямова занимала его редакторская деятельность. Под его непосредственным редакторством был издан ряд крупных научных исследований, в частности, такие фундаментальные работы, как перевод знаменитого произведения Захириддина Мухаммада Бабура «Бабурнамэ» (Бабур, 1947), обобщающая коллективная работа «История Узбекской ССР» (История Узбекской ССР, 1955. Т. 1), исследования С.А. Азимджановой (Азимджанова, 1957), Х.З. Зияева (Зияев, 1962; Зияев, 1965), В.А. Шишкина (Шишкин, 1963) и множество других.

Я. Гулямов был одним из авторов и членом главной редакционной коллегии нового, дополненного четырехтомного издания «История Узбекской ССР» (1967 – 1968) (История Узбекской ССР. В 4-х томах, 1967-1968).

В 1966 – 1969 гг. Я.Г. Гулямов являлся Председателем Объединенного Ученого совета Отделения истории, языкознания и литературоведения АН Узбекистана по приему и защите докторских диссертаций, в 1969-1975 гг. – Председателем Объединенного Ученого совета по истории Отделения истории, языкознания и литературоведения АН Узбекистана и с 1976 г. до конца жизни – Председателем специализированного Ученого совета по защите докторских диссертаций при Институте истории АН Узбекистана.

Я.Г. Гулямов был награжден рядом правительственных наград: в 1948 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», в 1970 г. медалью «За доблестный труд», двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ККАССР и др. В 2002 г. Указом Президента Республики Узбекистан ученый посмертно награжден медалью «Буюк хизматари учун»⁵.

Примечательно то, что Яхъя Гулямович не был членом партии. В процессе написания данной работы я пыталась найти причину не вступления его в ряды членов коммунистической партии, так как он жил в тот период, когда идеологический прессинг был настолько сильным и человек, будучи занимающий определенный официальный пост, был обязан быть членом партии. Однако ответ на этот вопрос я получила случайно и неожиданно, в присланном на мою электронную почту письме внуком П. Салиева. Оказывается, в одной из бесед-воспоминаний с дочерью П. Салиева Я. Гулямов сказал: «Фаридахон⁶, мой домла не был членом партии и я вступить в неё не буду».

Известный отечественный медиевист Р.Г. Мукминова, в судьбе которой Я. Гулямову также было суждено сыграть важную роль, вспоминала:

«Он был приветливым, доброжелательным не только на работе, но и дома был очень гостеприимным человеком. Мы к нему домой приходили как к своим родителям. Супруга Яхъя Гулямовича – Собирахон-ая, когда бы мы не приходили, приветливо встречала, накрывала на стол, готовила вкусные блюда. Ворота их дома всегда были открыты.

Когда женился мой старший сын, Яхъя-ака и Собирахон-ая пришли на свадьбу и дали благословение молодым. Я вспоминаю многие моменты в моей жизни, когда Яхъя-ака давал мне правильные советы. Он всегда был для нас примером» (Из 4-серийного док. фильма. 3-серия).

Д.А. Алимова, руководитель Республиканского научного семинара «История узбекского народа и его государственности» имени Я.Г. Гулямова⁷, отмечает:

«Есть такие личности, сила, образ и дух которых оказывают очень большую поддержку и после их смерти. Яхъя Гулямович входит в число таких людей. В 1998 году Президент Узбекистана на встрече с группой историков поставил перед учеными две задачи: первая – когда начала формироваться государственность на территории Узбекистана; вторая – когда формировалась и как развивался этногенез узбекского народа. Ставя эти задачи перед учеными-историками, первым кого вспомнил Президент, был Яхъя Гулямович» (Из 4-серийного док. фильма. 4-серия).

Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, отмечая заслуги Я.Г. Гулямова, подчеркнул:

«Я всегда горжусь тем, что на протяжении своей жизни и деятельности общался с людьми всесторонне развитыми, с обладателями высокого интеллекта и являюсь их современником. Одним из таких наших соотечественников был знаменитый ученый-археолог Яхъя Гулямов...» (Каримов, 2008. Б. 165-166).

* * *

За последние годы был издан ряд сборников, брошюр, посвященных памяти крупного ученого-историка, востоковеда, археолога, организатора науки, защитника исторических памятников Узбекистана Яхьи Гулямовича Гулямова (Академик Яхъё Фуломов, 1998; Мухаммаджонов, 2000; Академик Яхъё Фуломов, 2009). Узтелерадиокомпания создала замечательные документальные фильмы под названием «Биринчи қалдирғоч» («Первая ласточка») и «Умр дафтари» («Тетрадь жизни»), в которых отражены все грани научной деятельности ученого. И это не спроста. Переоценить вклад Яхъя Гулямова в развитие и организацию исторической науки, особенно археологии, не представляется возможным. Его жизнь и научная деятельность еще долго будут служить примером не для одного поколения ученых.

Примечания

1. Из 4-серийного документального фильма «Умр дафтари». Мы благодарим Лолу Мухитдинову (внучку поэтессы Зульфии) за перевод стихов с узбекского языка.
2. Протокол № 1 заседания Ученого совета Института истории и археологии АН УзССР от 4 января 1966 г. – Архив АН Узбекистана.
3. Филанович М.И. Ташкентский археологический отряд. Путевка в жизнь. (Рукопись статьи, любезно предоставленная автором).
4. Буряков Ю.Ф. Роль Я. Г. Гулямова в изучении цивилизации и городской культуры Средней Азии / Рукопись выступления Ю.Ф. Бурякова на научном семинаре, посвященной 100-летию Я.Г. Гулямова, любезно предоставленная мне самим автором.
5. Награда была вручена его дочери Сакине Гулямовой.
6. Фарид Пулатовна Мухитдинова (Салиева) – историк-востоковед, 30 лет проработала в НИИ Востоковедения АН Узбекистана.
7. На протяжении 16 лет в Институте истории Узбекистана плодотворно функционирует республиканский научный семинар «История узбекского народа и его государственности» имени академика Яхъя Гулямова, председателем которого является профессор Д.А. Алимова. Данный научный семинар на сегодняшний день провел 72 научных заседания республиканского и международного масштаба в городе Ташкенте и почти во всех учебных заведениях республики, где со своими докладами выступали ведущие ученые республики по всем актуальным проблемам исторической науки Узбекистана.

Использованная литература

- Азимджанова С.А. К истории Ферганы второй половины XV в. / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент, 1957.
- Академик Яғё Гуломов. Тошкент, 1998.
- Академик Яхё Гуломов замондошлари ва шогирдлари хотирасида. Тошкент, 2009.
- Ахраров И. Академик Яхъя Гулямович Гулямов – мой учитель и наставник // Академик Яхё Гуломов замондошлари ва шогирдлари хотирасида. Тошкент, 2009.
- Бабур Захириддин Мухаммад. Бабур-намэ / Перевод Салье. Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент, 1947.
- Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
- Гулямов Я.Г. Некоторые итоги археологических работ Академии наук УзССР в 1966 г. // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
- Гулямов Я.Г., Буряков Ю.Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967-1968 гг. // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Гулямов Я.Г., Набиев Р.Н. История Узбекской ССР. Учебник для 7 и 8 классов восьмилетних школ. Ташкент, 1969.
- Гулямов Я.Г., Набиев Р.Н. История Узбекской ССР. Учебное пособие для 7–8 классов школ Узбекистана / Перевод с узбекского. Изд. 4-е, исправленное. Ташкент, 1971.
- Гулямов Я.Г. Некоторые итоги археологических работ в Узбекистане в 1967-1968 гг. // ИМКУ. Вып. 9. Ташкент, 1972.
- Гуломов Я.Ф. Ўзбекистондаги моддий маданият обидаларини саклаш ва ўрганиш йўлида // Моддий маданият обидаларини саклаш ва ўрганиш Ўзбекистон кўмитаси. Материаллар. 9-тўплам. Тошкент, 1934.
- Гуломов Я.Ф. Ёғоч ўймакорлиги санъати тарихидан // Машъал. Тошкент, 1935. № 3.
- Гуломов Я.Ф. Қадимият изларидан (Кўба-Товдаги қадимий Хоразм зардуштийлар кабристони қазилмалари) // Гулистон. 1937. № 4.
- Гуломов Я.Ф. Мирзо Улуғбек мадрасасининг шимолий-шарқий (қулаётган) минорасини тўғирлаш // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1938. № 11-12. Б. 22-24.
- Гуломов Я.Ф. Қадимий Пойканд // Гулистон. 1939а. № 11.
- Гуломов Я.Ф. Қизилкумда (Хоразмнинг қадимий суғорилиш тарихидан) (1939 й. қазилмалар бўйича) // Гулистон. Тошкент, 1939б. № 6.
- Гуломов Я.Ф. Қизилкумдаги қадимий маданият излари // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1939в. № 7-8.
- Гуломов Я.Ф. Миноранинг таъмирланиши. (Самарқанд) // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1939г. № 11.
- Гуломов Я.Ф. Тарихий обидалар (Самарқанд ва Бухоронинг тарихий-меъморчилик обидалари) // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1939д. № 12. Б. 23-25.
- Гуломов Я.Ф. Ўзбекистонда қадимий обидаларни ўрганиш // Социалистик фан ва турмуш. Тошкент, 1939е. № 1.
- Гуломов Я.Ф. Хоразмнинг суғорилиш тарихидан // Гулистон. 1940. № 8-9.
- Гуломов Я.Ф. В.Л. Вяткин ҳақида хотиралар // ОНУ. 1969. № 11. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
- Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент, 1962.
- Зияев Х.З. Средняя Азия и Поволжье / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент, 1965.
- Из 4-серийного документального фильма «Умр дафтари».
- История Узбекской ССР. Книга первая / Под ред. Я.Г. Гулямова и др. Т. I. Ташкент, 1955.
- История Узбекской ССР. В 4-х томах / Редколлегия: Я.Г. Гулямов и др. Ташкент, 1967-1968.
- Каримов И.А. Юксак маънавият – энгилмас куч. Тошкент, 2008.

Лунин Б.В. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Ташкент, 1976.

Мухаммаджонов А. Яхё Гуломовни хотирлаб. Тошкент, 2000.

Советская археология. М., 1968. № 2.

Филанович М.И. Вера Андреевна Булатова // Археологические исследования в Узбекистане. 2004 – 2005. Вып. V. Ташкент, 2006.

ЦГА РУз, ф. 2883 – личный фонд Яхья Гулямов.

Шишкин В.А. Варахша / Отв. ред. Я.Г. Гулямов. М., 1963.

“Бизнинг ҳавас қилса арзийдиган буюк тарихимиз бор,
Ҳавас қилса арзийдиган улуғ аجدодларимиз бор”

Шавкат Мирзиёев

УДК:

**АКАДЕМИК ЯХЁ ҒУЛОМОВНИНГ ҚАШҚАДАРЁ ВОҲАСИ
АРХЕОЛОГИЯСИНИ ЎРГАНИШГА ҚЎШГАН ҲИССАСИ**

© 2019. О. Бўриев, Н. Ражабова

Қариш давлат университети

Калит сўзлар: Я. Ғуломов, Қашқадарё воҳаси, археология, меъморий, Зарафшон экспедицияси, Термиз археологик экспедицияси, Узкомстарис, Шаҳрисабз, Темурийлар даҳмаси, Яккабоғ, Қариш, Зарафшон дарёси, гидрография

Данная статья посвящена вкладу академика Я.Г. Гулямова в археологическое изучение Кашкадарьинского оазиса.

**CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN YAKHYA GULYAMOV TO ARCHAEOLOGICAL STUDY
OF THE KASHKADARYA OASIS**

O. Buriev, N. Rajabova

This article is devoted to the contribution of academician Ya.G. Gulyamov to the archaeological study of the Kashkadarya oasis.

Ўзбекистон тарихи ва археологиясининг зукко билимдони, академик Яхё Ғуломович Ғуломов биринчи ўзбек қадимшуноси сифатида меросимизни сақлаш ва мукамал ўрганишга қатъий бел боғлаган буюк олимлардан биридир. Аллома қарийб ярим асрлик илмий фаолияти даврида Қашқадарё воҳаси археологияси муаммоларига ҳам жиддий эътибор берган ва уни ўрганишга бевосита раҳнамолик қилган эди.

Я. Ғуломовнинг илмий фаолияти асосан 1933 йилдан бошланган. Айнан шу йилдан Ўзбекистоннинг тарихий ёдгорликларини сақлаш ва илмий ўрганиш Республика кўмитаси (“Узкомстарис”) да дастлаб илмий ходим, кейинчалик илмий котиб сифатида фаолият юритган. Илк бор у 1933 йилда М.Е. Массон раҳбарлигида Термиз, 1934 йилда эса Россия Давлат Эрмитажи ва “Узкомстарис” томонидан уюштирилган Зарафшон экспедициясида иштирок этган. Олим дастлабки тадқиқот ишини Қашқадарё воҳасидаги меъморий ёдгорликларни тиклаш ва муҳофаза қилиш бўйича қисқа муддатли экспедиция уюштириб, Шаҳрисабз шаҳридаги Темурийлар даврида бунёд этилган меъморий ёдгорликларни ўрганиш учун ташриф буюради. Чунки, XX асрнинг 20-30-йиллари XV аср меъморий ёдгорликлари муҳофазасига оид кўплаб тадбирлар амалга оширилганлиги билан ҳам алоҳида ажралиб туради.

Шаҳрисабз шаҳридаги меъморий ёдгорликлар XV асрдаёқ, хорижий сайёҳ ва элчилар нигоҳида бўлганлиги тарихий манбалардан маълум. Шундан келиб чиқиб, археологлар Я. Ғуломов, Т. Мирғиёсов, С.К. Кабанов, С.А. Судаков ва фотограф Н.С. Ложкин биргаликда мазкур ноёб ёдгорликларнинг аҳволи, тиклаш ва таъмирлаш ишларини олиб боришга қайси ёдгорликлар муҳтож эканлигига аниқлик киритишган.

Я. Ғуломов бошчилигидаги қадимшунослар томонидан, айниқса Шахрисабз шаҳридаги Ҳазрати Имом, Кўкғумбаз, Гумбази Саййидон каби йирик меъморий ёдгорликларни текширишга ва тиклашга доир ишлар олиб борилган. Бу борада фотограф И. Завалин томонидан юзлаб суратлар туширилиб, Узкомстарисга тақдим этилган. Я. Ғуломовнинг фикрича, Шахрисабздаги Ҳазрати Имом мақбарасидан шарқда даставвал “Жаҳонгир даҳмаси”, деб белгиланган сағана жойлашган. Доруссаодатнинг шарқий ўқида жойлашган сағана шахзода Жаҳонгирники, Тарағай мақбараси эса Дорут-тиловат мадрасасида жойлашган (Гулямов, 1949. С. 102-103, 106).

Я. Ғуломов Ўзбекистоннинг қадимги даврига оид ёдгорликларни ўрганишга (тош, энеолит ва жез даврлари) айниқса катта ҳисса қўшган. Олим Зарафшон воҳасида дастлабки деҳқончилик манзилгоҳларининг вужудга келиши ва ривожланишини ўрганиш, Муборакнинг Бухоро вилояти билан чегарадош ҳудудидаги тош ва жез даврига тааллуқли ёдгорликларни аниқлаш учун Қашқадарёнинг қуриб қолган қадимги ўзанида қидирув ишлари олиб борган. Чунки, 1963 йилдан Аму-Бухоро канали қурилиши бошланади ва Қарши чўлининг шимоли-ғарбий қисмида археологик тадқиқот ишлари ҳам олиб борилади. Қашқадарёнинг гидрографиясини махсус ўрганиш, энеолит ва жез даврига тааллуқли ёдгорликларни излаб топиш ўзининг самарасини беради (Гулямов, 1965. С. 20-21).

Археологик тадқиқотлар жараёнида топилган моддий ашёлар ва қуриб қолган қадимий ўзандан маълум бўлдики, Қашқадарё XIII асргача Зарафшон дарёсига қуйилган. Ўз навбатида қадимги даврларда эса Зарафшон дарёси Амударёга қуйилган.

1963 йилда Я. Ғуломов раҳбарлигидаги Моҳандарё археологик отряди (А. Асқаров, А. Муҳаммаджонов, Р.Ҳ. Сулаймонов, Э. Дадабоев ва бошқалар) Қашқадарёнинг қадимги қуруқ ўзани бўйлаб текширишлар ўтказди. Натижада, унинг Зарафшонга томон оққан излари ва қуйилган жойи ҳамда сув оққан даврлари аниқланди. Қуйи Қашқадарёдаги Хўжамуборак, Сарик, Ших ва Кўҳнашаҳар қишлоқларигача зўрға етиб келадиган Қашқадарё ирмоғи бир неча минг йиллар муқаддам кучли оқим билан шимоли-ғарбга томон давом этган. Бу масалалар кейинчалик, Я. Ғуломовнинг шогирдларидан бири, академик А.Р. Муҳаммаджонов томонидан олиб борилган илмий тадқиқот ишларида ҳам ўзининг аниқ исботини топди (Муҳаммеджонов, 1973. С. 16).

Қашқадарё воҳасидаги иккинчи жаҳон урушидан кейин, 50-60 - йилларда, айниқса, XX асрнинг 70-йиллар бошларида кенг қамровли, археологик изланишларнинг ҳам илк маслаҳатчиси академик Я. Ғуломов ҳисобланган. Академикнинг шогирди И. Аҳроров билан биргаликда Яккабоғ туманидаги даҳмалар бўйича изланишлари натижаси ҳам матбуотда эълон қилинади (Гулямов, Аҳроров, 1969. С. 26-30).

1999 йил баҳорида Қарши шаҳри тарихига бағишланган халқаро илмий анжуман ўтказилиб, Я. Ғуломовнинг шогирдлари – қадимшунос олимлар ҳам фаол қатнашдилар. Бу йирик анжуман Қарши шаҳри ёшини аниқлашда муҳим якуний босқич бўлиб хизмат қилди. 2002 йилда Шахрисабзнинг 2700 йиллигига, 2006 йилда эса Қарши шаҳрининг 2700 йиллигига ва Соҳибқирон Амир Темур таваллудининг 670 йиллигига бағишлаб, вилоятда академик Я. Ғуломов номидаги Республика илмий семинари анжуманлари муваффақиятли ўтказилди. Шунингдек, 2006 йил 27 октябрда Қарши шаҳрининг 2700 йиллигига бағишланган халқаро илмий конферен-

ция уюштирилди. Буларнинг бари академик Я. Ғуломов орзулари рўйбга чиққанлигининг яққол исботидир.

Академик Я.Ғуломовни жаҳон илм-фан намояндалари ҳам тан олишган эди. Масалан, дунёга машхур россиялик олим (Санкт-Петербург), академик Б.Б. Пиотровский куйидагича ёзади: “Яхё Ғуломовнинг Ўрта Осиё хўжалик ҳаётининг асоси ҳисобланган суғориш соҳасидаги тадқиқотлари ҳақиқатан ҳам ниҳоятда буюқдир” (Муҳаммеджонов, 1998. С. 5-6).

«Ўтган XX асрнинг 70-йиллари ўрталарида азим Тошкент шаҳрининг Гоголь (ҳозирги академик Я. Ғуломов) номидаги кўчасида жойлашган ЎзР ФА Президиуми биносидаги Тарих институтига илмий тадқиқот ишлари юзасидан ҳурматли устозимиз Карим Шониёзов ҳузурига борганимда академик Яхё Ғуломовни яқиндан кўришга муяссар бўлганман. Алломанинг К. Шониёзов ва бошқа етакчи илмий ходимлар ҳамда аспирантлар билан мулоқотларини тинглаб, у кишининг ниҳоятда оддийлиги, камтарлиги ва билимдонлигининг гувоҳи бўлганман. Я. Ғуломов ўз навбатида маҳаллий этнограф – элшунослардан ҳам ўзининг самимий маслаҳатларини асло аямас эди» (О. Бўриев).

Академик Я. Ғуломов ўз касбини чиндилдан севган етук тадқиқотчиларнинг бир-галикда қилган меҳнати нақадар самарали бўлишини, дўстона жамоада ишлаш эса устоз учун ҳам, шогирд учун ҳам чинакам бахт эканлигини уқтирган: “Дўстлик ва ҳамкорликда фазилат катта, ҳар бир ишни бажаришда у улуғ кучдир; биз бизнинг мамлакатамизда фидокорона меҳнат қилиш – бу Ватанни севиш демакдир” (Муҳаммеджанов, 1986. С. 40).

“Ана шундай ватандошларимиздан бири машхур археолог олим, академик Яхё Ғуломов эди. Ўз даврининг фидойи алломаси бўлган бу инсонни мен яхши билардим. У ўзининг мустақил фикрга эга бўлган, керак бўлса юқори лавозим эгаларига ёқмайдиған тўғри гапларни ҳам дадил айта оладиган улкан олим эди.

Тарихчилар яхши билади, одатда, тепаликлар қаърида тарихий обидалар, бутун бир шаҳар қолдиқлари ястанган бўлади. Шўро даврида фақат томлардагина пахта экилмай қолган бир пайтда ана шундай қадимий тепаликларни ҳам текислаб, пахта даласига айлантиришдек бемаъни сиёсат авж олган эди. Бундай номаъқул ишга жасур олим Яхё Ғуломов қарши чиққанини мен яхши эслайман. Унинг ана шу фазилати туфайли тазйиқ кўрганини ҳам эшитганман. Лекин бу инсон ўзининг қалбидаги маънавий жароҳат ҳисси туфайли ҳаётий ва илмий қарашларида собит турганини маданий жамоатчилигимиз яхши билади.

Мен ўйлайманки, адолатни ҳамма нарсадан устун деб биладиган, тарих ва келажак олдидаги масъулиятини ҳис этадиган, ҳақиқий ватанпарвар одамгина шундай мардликка қодир бўлади” (Islom Karimov, 2008. С. 166-167).

Хуллас, Ўзбекистон мозий тарихи ва қадимшунослиги фанини юксак поғонага кўтарган ўзбек археологлари яловбардори академик Яхё Ғуломовнинг илм-фан оламида қолдирган буюқ мероси тарихшунослигимиз саҳифаларида ўчмас ва ёрқин саҳифа бўлиб абадий қолаверади.

Фойдаланилган адабиётлар:

Гулямов Я.Г. Склеп Джахангира в г. Шахрисабзе // Известия АН УзССР. Ташкент, 1949. № 2.

Гулямов Я.Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана // ИМКУ. Вып. 6. 1965.

- Гуляммов Я.Г., Ахраров И. Раскопки мавзолея в Яккабаге // *Общественные науки в Узбекистане*. Ташкент, 1969. № 8-9.
- ИНВ. А 1528/Г. G'ulomov Ya.G', Mirg'iyosov T., ZavalinI. 1933 yil IX-X oylarda O'zasotirkom tomonidan Termiz rayoniga yuborilgan arxeologiya ekspeditsiyasining Shahrisabzda qilgan ishlari. Ўзбекистон Республикаси маданият вазирлиги архиви жамғармаси. Тошкент, 1933.
- Мухаммаджанов А.Р. История орошения низовьев Зарафшана. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1973.
- Муҳаммаджонов А.Р. Яхё Гуломов. Тошкент, 1986.
- Муҳаммаджонов А.Р. Яхё Гуломов илмий фаолиятининг асосий йўналишлари // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. 1998 йил, 4-5 сонлар.
- Профессор О. Бўриевнинг шахсий архивидан.
- Islom Karimov. Yuksak ma'naviyat – yengilmas kuch. Toshkent, 2008.

МАҚОЛАЛАР

СТАТЬИ

ARTICLES

УДК: 902.1 (737 / 671.4)

**СИЙПАНТАШ – ВАЖНЫЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК
ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА**

© 2019. Р.Х. Сулейманов, Е.А. Гордеева

Институт истории Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: Сийпанташ, наскальная живопись, сакральное значение, Кашкадарьинская область, святилище, духовная жизнь, первобытное мышление, культовое пространство, ритуал, знаки и символы.

Мақола Сийпантош ёдгорлигининг ноёб қоятош тасвирлари семантикаси, одамларнинг қадимги даврлардаги дунёқараши. Ўзбекистон ҳудудида илк топинчгоҳларнинг пайдо бўлиши шу билан бирга. Сийпантошда санъатнинг рамзий тимсоллардаги ривожланиши боқичлари кузатилиб, масалалари ёритилган. Унда қамарий тақвимга ҳос тасвирлар ўз аксини топган. Муаллифлар томонидан ёдгорликнинг даврий санасига ҳам аниқлик киритилиб. Одамларнинг ҳўқизга топиши жараёни тимсолида табиатнинг инсон маданиятини шакллантиришидаги ўрни, диний дунёқарашларнинг шаклланишида инсон ва табиат ўртасидаги ўзаро боғлиқлиги. Сийпантош тасвирларида инсоннинг самовий жисмлар ва коинотдаги ҳаракатлар билан узвий боғлиқлиги илмий асосда таҳлил этилган.

**SIYPANTASH – AN IMPORTANT IDEOLOGICAL MONUMENT OF PREHISTORIC ART
Suleymanov R.H., Gordeyeva Ye. A.**

In the article, the authors discovered the uniqueness of the Siypantash Site. It represents aspects of interpretation of semantics of rock art. It shows the rock drawings as evidence of spiritual and cultural outlook of people in the most ancient period. The early elements of the sanctuary in the history of Uzbekistan are revealed. It is indicated that the development of the art of conditional symbols can be traced in Siypantash, where the images appeared in lunar shape. Also the image of the lunar calendar is identified and the cult of the bull is revealed. The analysis of the influence of images of nature on the formation of culture are discussed. The connection between human and nature in the composition of religious worldviews are revealed. The connection between the painting Siypantash and astral and cosmic symbols are highlighted.

Памятники наскального искусства Узбекистана являются неотъемлемой частью мирового культурного наследия. Они считаются важным источником познания социальных, культурных, художественных и ритуальных аспектов далёкого прошлого. В горных и предгорных районах республики в настоящее время зафиксировано около 150 памятников наскального искусства с периода глубокой древности до позднего средневековья (Хужаназаров, 2004. С. 109). Одним из примеров уникального наскального искусства в Узбекистане является памятник наскальной живописи – Сийпанташ.

Сийпанташ – уникальный памятник искусства далёкого прошлого. Находится в долине Куруксай, Кашкадарьинской области и обнаружен в 2001 году. Рисунки Сийпанташа были нанесены когда-то на стенах и потолке округлых навесов под грано – диоритовыми глыбами к северу от посёлка Куруксай. Гладкие поверхности основного свода и несколько боковых были покрыты группами разнообразных символических знаков, исполненных живописной охрой различных оттенков – от тёмно – коричневого и бордового до розового и жёлтого. Известно, что первобытные народы отождествляли цвета с наиболее ценными для них веществами и жиз-

ненно важными стихиями. Таковыми являлись кровь, молоко, огонь, земля. Им соответствовал красный, белый и чёрный цвета. Эта триада надолго сохраняет значение. При этом, целостное восприятие мира первобытными людьми не позволяет уж слишком настойчиво выделять какой-либо элемент и сосредотачивать на нём всё внимание. Модель их мира сохраняет свою цельность, диалектически противоречивые элементы ещё слишком тесно связаны. Поэтому большей частью чёрный цвет соседствует с белым и красным. Важно отметить, что белый цвет – мифологический эквивалент дневного света, молока и семени – жизненных начал, модель воды, утоляющей жажду и очищающей тело; белый цвет также – признак верхних потусторонних сфер, поскольку он связан с облаками, неземной чистотой и светом. Поэтому за белым цветом уже в древнейшие времена закрепляется образ блага, приумножения и святости. Это цвет добра, исцеления, удачи, победы над злыми духами, цвет приумножения, очищения, приобщения к миру добрых духов (богов) (Электронный ресурс: studopedia.ru /4... figur - i...). Но в Сийпанташе господствует красная охра.

Красный цвет – цвет огня и Солнца (тепла). Он символизирует такие важнейшие для человека понятия, как жизнь, сила, энергия.

Сюжеты живописи Сийпанташа носили геометрический характер. Однако это не был досужий орнаментализм прикладного характера (Сулейманов, 2002. С.3). Так как люди в древние времена придавали росписи сакральное значение, они верили, что помогают себе в настоящем и будущем. Это были символические изображения Солнца в виде креста или круга с точкой или крестом в центре, стреловидные изображения, цепочки ромбов или ряды чёрточек. Один из таких рядов насчитывает 28 чёрточек, что совпадает с количеством дней месяца лунного цикла. Для прочтения и понимания того, о чём думал первобытный человек, важно научиться читать таинственные письмена – рисунки. Интересно, что с точки начинается любое явление. Она лежит в основе всех измерений, порождает в своём развитии линию, служит центром и опорой креста и круга. Будучи сама неизменной и не подвижной, она порождает движение: например, вращение колеса и т.д. Первичная точка – это непроявленное. Единое, образующее тройственное, символ Начала, Середины, Конца. Считается, что точка символизирует центр человеческого «Я»: дойдя до центральной точки, мудрец достигает сердца – покоя, божественного присутствия.

Символика круга имела тройное значение: круговорот жизни, временной цикл и божественное начало. Если центром является точка, именно откуда берёт начало своё движение и, в более широком смысле сама жизнь. Круг – это «развитие» центральной точки, расширение во всех смыслах, цикличное повторение времени года, жизни, смерти, дня, ночи и т.д. Круг – это также «ноль» нашей нумерации, обозначающий потенциальные возможности, эмбрион.

Круг, имеющий центральную точку, является воплощением «проявленной сущности», гармонии, порядка Космоса. Квадрат, связанный с символикой числа «4», воплощает идею равновесия и упорядоченности Космоса, идею Совершенства.

Квадрат лежит в основе Космоса: Земля является квадратной и делится на квадраты. Квадрат является совершенной фигурой, символизирующей постоянство, основательность.

Ромб – один из восьми китайских символов счастья, воплощающей благополучное положение дел в государстве. Он является также и эмблемой победы.

Треугольник – первая геометрическая фигура, встречающаяся в древних орнаментах. В герметической идеографии треугольник с вершиной, устремлённой кверху, символизирует Огонь (поднимающееся вверх пламя) и отвечает идее вознесения, духовности, сухости, теплоте, лету, красному цвету. Треугольник с горизонтальной чертой считается пассивным и означает воздух, умеренный огонь, соответствует теплоте и влажности, осени. Перевернутый треугольник означает чашу, готовую принять воду, и соответствует женскому началу. Также относится к пассивности, мудрости, порождающей главную идею, кроме этого влажности, холоду, зиме.

Крест означает гармонию между Богом и землёй, является одним из древнейших космических символов. Указывая на 4 стороны света, он лежит в основе всех символов ориентации: земной, небесной, пространственной и временной. Вертикальная ось связывает полюса относительно экватора, горизонтальная – соотносится с равноденствиями и солнцестояниями. В точке их пересечения находится центр. Крест символизирует также единство противоположностей. Вписанный в круг крест олицетворяет процесс творения и выступает как символ Солнца (Электронный ресурс: studopedia.ru /4... figur - i...).

В центре свода находится схематизированное силуэтное изображение дикого быка, близкое по стилю изображениям быков из Зараутсая, а так же на керамике протогородских цивилизаций.

На своде, под нишей в соседней скале, видны отпечатки рук, небольших, с изящными удлинёнными пальцами, возможно, женских.

Видимо, это отпечатки рук тех, кто занимался художественным творчеством, украшая символическими знаками свода этого уникального творения природы. Можно предположить, что это святилище первобытного человека, ритуалы священнодействия в котором осуществляла женщина. Ею же наносились символические знаки, преисполненные для нашего далёкого предка глубокого смысла и значения.

Уместно отметить, что и сейчас это место почитается как сакральное, помогающее роженицам, бездетным и больным. Так важную роль в первобытном мышлении играли символы. Искусство того периода, изображает сверхъестественные существа, обладающие временной и не зависящей от обстоятельств реальностью. Наскальные изображения имеют сакральный смысл и создают особое культовое пространство для совершения ритуального действия. Изображение – это феномен, который выделен из природы и включён в культуру. Таким образом, происходит сложение собственно культурного ландшафта, так как объект природного ландшафта, начинает выполнять культуру - созидательную функцию (Леви – Строс Клод, 1994. С. 111).

По сей день, здесь режут жертвенный скот, петухов в честь духа мифического Сийпанташ – ота, т.е. в понимании современных жителей это – местонахождение святого духа – исцелителя.

На известных в Средней Азии древнейших первобытных памятниках искусства, грота Зарауткамар и пещеры Шахты, датируемых мезолитической эпохой, сцены охоты на быков, кабанов, медведей выполнены охрой по скальной поверхности. Изображения же Сийпанташа демонстрируют развитие искусства условных символов (если не считать единственной фигуры дикого быка в центре основного «полотна» или «галереи» изображений основного свода святилища).

Следует отметить, что это изображение близко по манере исполнения изображениям быков Зараутсая, являвшихся объектом добычи охотников с луками и собаками. На рисунке Сийпанташа бык или корова имеет непропорционально укороченные ноги, голова с двумя едва заметными рожками неправдоподобно уменьшена, или голова животного повёрнута назад, как часто трактуется в палеолитическом искусстве. В этом случае рогом животного может быть дуговидная линия над его головой, а брюхо его непомерно увеличено, чем резко отличается от поджарых длиннорогих быков Зараутсая. На спине выделяется небольшой бугор, характерный для зебувидной породы этих животных. Фигура животного трактована статично с широко расставленными ногами, как у изображений быков Зарауткамара.

Изображение быка, как известно, во всех наиболее архаических мифологических циклах связано с лунарной символикой, а изображение коровы, очевидно, отражает сцену рождения нового месяца. В то же время бык – бог грозы и дождя, и рождение нового месяца всегда связано с осадками. Вообще культ быка был широко распространён в древних культурах Евразии, который появился в верхнем палеолите и продолжал своё долгое существование (Грязнов, 1977. С.80-87).

Изображения лунного календаря в виде ряда из 28 – 30 точек или чёрточек типичны для палеолитического искусства.

Часто встречающиеся стреловидные знаки типичны для охотничьей тематики изображений эпохи палеолита и мезолита.

Есть более сложные и нестандартные сюжеты, такие, как нанизанные вдоль одного стержня стреловидные знаки, образующие фигуру в виде схематической ветви или ёлочки. В отдельных случаях продольная полоска имеет несколько поперечных коротких перекалинок, и всё это обрамлено овальной рамкой.

Имеется символ в виде квадрата, рассечённого по диагоналям крестом на четыре, равнобедренные треугольника с точками посередине, что заставляет вспомнить деление Космоса и неба на четыре части, известное в мифологиях многих древних народов.

К редким символам относится колоколовидная фигура с двумя вертикальными полосами внутри на горизонтальной подставке с двумя короткими ножками по краям. Но в живописи Сийпанташа этот знак напоминает, скорее всего, лёгкое жилище с овальным перекрытием.

Уникальным являются два ряда ромбовидных фигур. Что они могли означать – непонятно (Сулейманов, 2002. С.4).

В соседнем малом своде преобладают отпечатки рук разных размеров. Обычно это отпечатки левой руки. Часто четыре пальца кисти имеют почти одинаковую длину, а ладонь обозначена в виде несимметричного овала, что указывает на сложную технологию исполнения знаков. Отпечаток руки затем обводился и дорисовывался. Здесь, помимо отпечаток рук, имеются стреловидные и другие знаки. Знак руки обычно истолковывается как магический оберег.

Таким образом, тематика живописи Сийпанташа целиком связана с астральной и космической символикой. Особенно важно изображение лунного календаря как результат измерения времени и упорядочения изначального космического хаоса. В данном случае цикличность времени вполне осознана и зафиксирована количеством дней лунного месяца. Солярные знаки, возможно, следует истолковывать как начало счёта годичным циклам. В одном из поясков, составленных из ромбиков, их 12 или 13 (сохранность поясков не очень удовлетворительна), что может соответст-

воват количеству месяцев в году. Хотя, во втором, хуже сохранившемся, ряду ромбиков больше.

Для живописи Сийпанташа в целом характерно отсутствие единых сцен, продуманной композиции или преднамеренной ориентации различных символов, хотя супер позиции или наложения различных рисунков почти нет. Эти рисунки, видимо, были нанесены не сразу, а в течение, длительного периода. В наскальных изображениях отмечены древнейшие пласты человеческого самосознания, которые распространились на культуру народов, разделённых исторически пространством и временем. В момент своего возникновения данные изображения носили дохудожественный, ритуально-магический характер (Электронный ресурс: [naskalnoe – iskusstvo – kak – kulturnoe – nasledie. pdf](#)).

Таким образом, Сийпанташ – самое древнее в Центральной Азии святилище, где получили отражение представления людей каменного века о структуре космоса и времени. Исходя из приведённых аналогий, можно полагать, что возраст уникального памятника – святилища Сийпанташ видимо имеет не менее 10 тыс. лет. Возможна и более поздняя дата, но здесь отсутствуют сюжеты тематики производящего хозяйства.

Знаки и символы этого святилища являются одной из древнейших в мире систематизаций представлений о ритме времени, пространстве и космических явлениях, зафиксированных абстрактными символами. Это – символическая письменность об основных явлениях и свойствах сложного мира, осознанная и зафиксированная нашими далёкими предками. В этом – отличие живописи Сийпанташа от живописи всех известных памятников искусства, оставленных древними охотниками и собирателями Евразии, где основной темой изображений служили различные сюжеты из жизни промыслового зверя. Видимо, творцов изобразительных сюжетов Сийпанташа занимали не столько забота о плодородии, дичи и ритуале охотничьей магии, сколько вечные вопросы устройства мира.

Использованная литература:

- Грязнов М.П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977 г.
- Леви – Строс Клод. Первобытное мышление. М., 1994 г.
- Сулейманов Р.Х. Новый памятник первобытного искусства в Центральной Азии // *San`at*. Вып. №1, Ташкент, 2002 г.
- Хужаназаров М.М. Памятники Узбекистана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алма-Ата, 2004 г.
- Электронный ресурс: [studopedia.ru /4... figur - i...](#) (использован в июне 2018 г.)
- Электронный ресурс: [naskalnoe – iskusstvo – kak – kulturnoe – nasledie. pdf](#) (использован в сентябре 2018 г.).

УДК:

СЕМАНТИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ ГОРНОГО КОЗЛА В ЧАЧЕ И СОГДЕ

© 2019. Г.И. Богомолов

Институт археологических исследований Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: Чач, Согд, Канка, Кафиркала, тамга, ибекс, геммы, буллы, петроглифы, балбалы, Ходжикент, Каракиясай, Саймалыташ, Каунчинская культура.

Мазкур мақола Ўзбекистоннинг икки йирик тарихий-маданий вилоятлари, Тошкент воҳаси ва Сўғдда аниқланган археологик топилмалардаги тоғ эчкиси тасвири семантикасини ўрганишга бағишланган. Археологик материаллар таҳлилига кўра илк ўрта асрлар Чоч ва Сўғд аҳолиси диний тасаввурларида тоғ эчкиси муқаддас саналганлигини кўриши мумкин. Буларнинг кўпчилиги ўз илдизини ибтидоий эътиқодлар шаклларида олган.

SEMANTICS OF THE IMAGE OF IBEX IN CHACH AND SOGD

G.I. Bogomolov

This article is devoted to the study of the semantics of images of an ibex (mountain goat) among the archaeological finds of two major historical and cultural regions of Uzbekistan, Chach (Tashkent oasis) and Sogd. Analysis of archaeological materials has shown that the religious ideas of the early medieval population of Chach and Sogd reflect the sacred attitude to the mountain goat, where many of them are rooted in primitive beliefs.

В Ташкентском оазисе в процессе раскопок на городище Канка городского храма начала VII века н.э. (храм Б) в шахристане I была собрана значительная коллекция булл. Вероятней всего, они были частью сгоревшего архива храма. Среди них выделяется крупная булла с изображением горного козла (Рис. 1,4). Булла представляет собой глиняную лепешку, уплощенно-овальной формы из глины темно-серого цвета. Размеры ее 6,3x5,1 см, толщиной от 1 до 1,6 см. В центре лицевой стороны нанесен оттиск круглой геммы (2,8x2,4 см). Причем печать нанесена неровно, слегка наискосок от длинной оси. Все поле оттиска занимает сильно схематизированное профильное изображение геральдического животного – бегущего¹ козла, обращенного влево. Его крупные саблевидные рога закинута к спине. Вытянутое, заостренное на конце ухо животного показано почти на затылке.

Это не единичная находка с образом этого животного с городища Канка. Отсюда происходит ряд других предметов с изображением горного козла, в том числе терракотовая фигурка животного, печати и оттиски печатей с его изображением на керамике и терракоте (Рис. 2,2). К позднеантичному или раннесредневековому периоду относится недавняя находка – небольшой литой перстень из светлой бронзы. На его округлом в плане щитке короткими насечками передано схематическое изображение горного козла, идущего влево. Размеры: высота перстня – 2,2 см, внутренний диаметр – 1,9 см, щиток – 1,2x1 см.

Изображения горного козла которые, как и домашний козел, относятся к роду *Sarqa*², широко распространены во всех регионах Средней Азии, и встречаются как на природных объектах (скалах, отдельных валунах), так и в качестве декоративно-

го элемента в оформлении ремесленных изделий из различных материалов и самых разных эпох.

Все это показывает на некогда значительную роль изображения горного козла среди культовых образов древнего населения Среднеазиатского Междуречья. Немаловажно, что в последнее время этому образу пытаются приписать определенную этническую идентификацию (Грач, 1973. С. 323), а его схематическое изображение постулируется как «ханская (каганская) тамга». Больше того, в связи с этим схематическое изображение козла выдвигается как знакообразующий базовый элемент в ряду типов тамгообразных знаков на монетах Западно-Тюркского каганата (Бабаяров, 2007. С. 34-35). На чачских монетах практически все тамги вдруг «становятся» стилизованными вариантами тамги правящего рода Ашина. Так что же представляет собой изображение козла – родовой тотем, государственный символ («тамга правящего рода Ашина») или культовый символ, образ которого имел глубоко архаические корни вселял надежду на магическое, сакральное покровительство. Попробуем в этом разобраться на примере двух крупных историко-культурных регионов, Чача (Ташкентский оазис) и Согда. Материалы археологических исследований показывает, что здесь происходили близкие этнокультурные процессы, в том числе и в религиозной сфере. Одним из широко распространенных явлений религиозной и бытовой культуры раннесредневекового населения Чача и Согда было особое почитание отдельных видов животных. Среди них особое место занимал горный козел.

Наиболее ранние изображения горного козла в Чаче относятся к эпохе бронзы. Его изображения зафиксированы на многочисленных местонахождениях петроглифов на скалах и отдельных валунах в бассейне рек Пскема, Чаткала, Чимгана, в горах Каразау, Кунгара, в долине реки Ахангаран, Алмалыкская и других местах Ташкентского оазиса (Буряков, Касымов, Ростовцев, 1973). Практически везде количественно они занимают доминирующее положение среди персонажей петроглифов Ташкентского оазиса. Большая часть их выбита в виде отдельных или сгруппированных в сцены фигур. Преобладают изображения в силуэтно-стиле (сплошным силуэтом) либо линейно-схематичном, но встречаются также контурные изображения (Рис.1,1). Например, среди петроглифов Каракияся и Ходжикента выделяется шесть типов изображений горных козлов (Хужаназаров, 1995. С. 51). Не исключено, что в основной своей массе они относятся к эпохе бронзы и раннежелезного века. Всё это отражает широкую популярность и культовую значимость животного. В период бытования в Ташкентском оазисе Каунчинской культуры (III в. до н.э. – VI в н.э.) изображение горного козла чаще всего встречается на печатях-подвесках, большинство которых служили амулетами. В качестве примера приведем две печати с городища Кендыктепа (Грицина, Алимов, 1986. С. 40). Одна из них медная, дисковидной формы с двусторонним изображением. На одной стороне помещен стоящий горный козел влево, на другой – олень³. Вторая печать - керамическая, тоже дисковидной формы.⁴ На одной ее стороне вырезано схематическое изображение горного козла, идущего влево, с немного поднятой вверх головой, так что крупные рога почти касаются спины. на другой – помещено изображение стоящего быка (Рис. 1, 3). Обе печати относятся к эпохе Каунчи II и датируются III-IV вв. н.э.

В эпоху раннего средневековья изображения этого животного или его рогов наносились на керамику, оформлялись в виде слива или бытовали в качестве небольших терракотовых фигурок. На платье божества-музыкантши на керамическом

рельефе из окрестностей городища Канка нанесен крупный медальон, в центре которого помещен идущий вправо горный козел. Шея его повязана развивающимися за спиной лентами (Рис. 2,2). Включение этого животного в композицию неслучайно. Конечно, его образ может намекать на популярные (и дорогие) в раннесредневековую эпоху шелковые ткани с медальонами с изображениями животного, но и там эти медальоны помимо декоративной функции играли роль благопожелательных символов. Наличие лент на шее животного было призвано подчеркнуть его священный характер. Вкупе с растительными мотивами, которые служат фоном для божества-музыкантши, медальон с изображением горного козла явно использован как дополнительный элемент символики плодородия. Наконец, из Ташкентского оазиса происходит керамическая курильница в виде мелкого горшочка с четырьмя ручками, которые оформлены в верхней части протомами горных козлов (Смагулов, 2013. С. 243).

Кроме устойчивых представлений о связи горного козла с плодородием, видимо, бытовали представления о связи его с потусторонним миром, что нашло отражение в атрибутике погребальной практики. Не случайно протома горного козла и барана венчают ручку крышки оссуария из Пскентского могильника (Буряков, 1968) (Рис. 2, 3). Хотя, возможно, в данном случае животные символизировали горный рай. Тем не менее изображения горного козла все же встречается на оссуариях Чача и Согда. И даже больше того, рога горного козла до сих пор украшают почитаемые мазары.

В эпоху средневековья, несмотря на утверждение ислама в регионе, в декоративном и народном искусстве сохранялись элементы, восходящие к доисламским представлениям. Так с городища Кавардан (Ташкентская область) происходит керамический котелок середины XI века со схематическим изображением головы горного козла.⁵ В функциональном плане ручкам помимо своего прямого практического назначения, видимо, придавался определенный символизм, то есть использование их в качестве апотропея, призванного отпугивать злых духов, (учитывая драчливый характер животного) и наделение благодатью приготовленную в нем пищу. Схожие представления зафиксированы у многих народов, например, у народов Памира и Кавказа. Так среди лезгин бытовало устойчивое поверье, о необходимости держать в стаде козла с большими рогами от сглаза и нечистой силы (Гаджиев, 1977. С. 118).

К этому же кругу образов относится главный зооморфный элемент глазурованной чаши XI в.⁶ с городища Шахрухия (древний Бенакет) (Рис. 1,6). Животное написано краской оливкового цвета, заметно стилизовано, туловище украшено мелкими розетками из белых перлов вокруг черного кружка. Начало ног украшено листовидными фигурами с жилками по центру. Ю.Ф. Буряков считал его изображением Козерога (Рис. 1,6).⁷ Знаменательно, что согласно первой публикации вдоль венчика чаши (в настоящее время этот кусок утрачен) проходила эпиграфическая полоса, которая, по мнению Дж.Я. Ильясова, представляла собой сплошное повторение слова «ал-бирр» – «благо» (Ильясова, Ильясов. и др., 2016. С. 106). То есть, в семантическом плане изображение здесь козерога этозооморфный код, дублирующий благопожелание.

Все эти находки из Ташкентского оазиса показывают, что культовое значение образа козла сохранялось здесь на протяжении длительного времени. Изображения горного козла было популярно и в других Присырдарьинских регионах. Например,

с городища Конуртобе Отрарского оазиса происходит одноручная кувшиновидная курильница с головой горного козла на ручке (Смагулов, 2013. С. 243).

В Туркестанском оазисе в культовом закладе в святилище на городище Сидаката⁸ среди других предметов имелось две плоских фигурки бронзовых козлов в профиль (размером 2x2,1 см) с отверстиями для шнурка (Рис. 2,5). Причем у одного козла рожки раздвоены. Кроме того, в состав одного из ожерелий были включены три халцедоновых геммы в форме «ложного перстня» разных размеров. На наиболее крупной гемме вырезано изображение мужского персонажа(божества), сидящего на козле. По обе стороны от него помещены два растительных побега. Изображение не было интерпретировано раскопщиками, но наличие растительных элементов явно указывает на его связь с идеей плодородия (Смагулов, Яценко, Святилище Сидак. Рис. 8). Плоские бронзовые литые фигурки козлов (размером 3x3 см) встречаются в амулетных наборах в погребениях на некрополе в окрестностях Конуртобе. Их там набралось уже более двух десятков. Правда, в Борижарском могильнике пока выявлена только одна такая находка (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005. С. 41-44). Причем исследователи отмечают, что эти амулетные наборы составляют специфический атрибут исключительно женских погребений. Помещение фигурок животного в эти погребения очень любопытная деталь, так как отражает связь козла с плодородием и ту линию развития его образа, где козел спутник женского божества-покровителя плодородия и возрождения природы.

Горные козлы шествуют по краю бронзового котла с цилиндрическим туловом и полукруглым днищем на трех тонких ножках, обнаруженного при строительстве Большого Ферганского канала. Четыре фигуры козлов чередуются с вертикально посаженными к краю устья крупными дисковидными ручками в виде вложенных друг в друга колец (Пугаченкова, Ремпель, 1964. С. 30. Иллюстрация 114). Литые фигуры козлов статичны, но в символическом плане они, сочетаясь с кружками-ручками, символизировали движение солнца (Рис. 1,2). Котел с Большого Ферганского канала безусловно был связан с определенными культовыми церемониями, и отражает религиозные воззрения, в том числе почитание солнца и связанное с ним культовую значимость образа козла. В целом же все эти находки указывают на устойчивые верования среди Присырдарьинского населения, восходящие к древнему культу плодородия, где образу горного козла отводилась важная роль.

В другом регионе – Согде находки с изображением горного козла были также широко представлены в материалах разных исторических эпох. Так, образ этого животного преобладает в количественном отношении среди более, чем 4 тысяч персонажей петроглифов Сармышая, большая часть из которых, видимо, относится к эпохе бронзы (Рис. 3, 1-2). Об устойчивом сохранении культовой значимости животного в дальнейшем свидетельствуют многочисленные находки его изображений на керамике и других предметах материальной культуры на городищах Афрасиаб, Тали Борзу, Кафиркала. В сборах с городища Кафиркала изображений горного козла насчитывается почти два десятка. Это оформление сливов небольших сосудов в виде головы животного (Рис. 3, 6,12), оттиски штампов с идущим животным, причем иногда шею его украшают развивающиеся ленты (Рис. 3, 3-5, 9-10), либо отдельные его элементы (рог), которые помещены в одном поясе декора между веточками с плодом граната (Рис. 3. 11). Большая часть сосудов с такими изображениями относится к столовой посуде (горшочки, кружечки, чаши, блюдца), часто имевшие покрытие подсыпкой из слюды, подражая серебряным изделиям.

С городища Кафиркала происходит головка животного от небольшой статуэтки. Цилиндриком показана морда животного, дисковидными налестками переданы глаза, защипом выделены уши, крупные дуговидные рога сильно загнуты назад. Спереди рога украшены косыми насечками, а в основании между рогами помещен налестрозетка (Рис. 3,7-8). Схожая терракотовая фигурка животного происходит из Самарканда, только передняя сторона рогов украшена двойным рядом скобообразных насечек.

Водном из помещений (Пом. №25) на цитадели городища Кафиркала был найден тарный горшковидный сосуд со сливом, имитирующим голову горного козла⁹ (VIII в.) (Рис. 3, 12). Кроме того, в орнаментацию сосуда введены дополнительные традиционные для керамики этого времени элементы: в верхней части тулова сосуда помещена горизонтальная линия, которую покрывают косые насечки; ниже второй ярус из процарапанных волнистых линий с петлями внизу. Семантически все это опять увязывается с идеей плодородия.

Видимо, также, как и в Чаче, в Согде охтоническом прошлом животного, об определенной связи горного козла с миром мертвых и возрождением указывают изображения горного козла на оссуариях (Рис. 4, 1-3). В одних случаях они, видимо, маркируют верхнюю зону, где располагается рай (Рис. 4,1). Не случайно по мнению некоторых исследователей, горные козлы – животные из райского парадиза (Херцфельд), тогда как другие, например, Нельдеке и Дармстетер, видели в них воплощение царского хварна (цит. по Ремпель, 1987. С. 29). В других случаях, на ряде оссуариев – горные козлы – подножие трона Вахмана (пехл. *Wahman*, авест. *vohu-manah*) (Рис. 4, 2-3), одного из амахраспандов, персонификации «благой мысли» в зороастрийской триаде. В «Младшей Авесте» Вахман – самостоятельное божество, с функцией покровителя скоту, но для нас важно, что обителью Вахмана является горный рай.

Представления о сакральной значимости горного козла сохраняются в Согде и в средневековую эпоху. Об этом свидетельствуют изображения горного козла на фрагменте глазурованной чаши конца X века из Самарканда (Рис. 4,6). Изображение козла выписано краской оливкового цвета на белом фоне в центре чаши. Туловище его украшено розеткой, а рога и шея цепочкой из белых точек. Не исключено, что, как и на чаше из Ташкентского оазиса, изображение животного символизировало зодиакальное созвездие. Из Самарканда происходит половинка каменной формы для отливки металлических изделий с фигуркой бегущего горного козла. Саблевидные рога закинута к спине, ноги поджаты, тело покрывает растительный орнамент (Пугаченкова, Ремпель, 1965. Иллюстрация 218). То, что туловище животных украшено розетками и точками, прямо указывает на его связь с символикой плодородия.

Всё это наряду с другими находками с изображениями животных показывает, что в представлениях древнего населения Чача и Согда важное место занимали образы животных, которые наделялись сакральными свойствами. Почитание животных (в том числе и горного козла) восходит к древнейшим анимистическим и тотемистическим представлениям, и известны в истории любого народа, когда к ним возводилось происхождение родовых или племенных групп, а позже почитались определенные явления или силы природы. Истоки культа козла уходят в древнейшие периоды истории Узбекистана. Видимо, с первобытного времени, когда это животное было одним из основных объектов охоты, с ним связывали представления

Рис. 1. Изображения горного козла в Чаче. 1 – горные козлы, петроглифы Ходжи-кента; 2 – бронзовый котел с Лугумбекского участка Большого Ферганского канала (БФК); 3 – изображения горного козла и быка на двухсторонней керамической печати с Кендиктепа (Таш. море); 4 – бык с изображением горного козла. Канка, храм II; 5 – средневековый керамический котелок, Кавардан; 6 – фрагмент глазурованного блюда из Шахрухи.

Рис. 2. Изображения горного козла в Чаче. 1 – изображение горного козла на бронзовом перстне, случайная находка с городища Канка; 2 – часть терракотового фриза с изображением музыкантши, окрестности городища Канка; 3 – фрагмент композиции золотой диадемы из Каргалинского клада II в. до н.э.; 4 – крышка оссуария с ручкой-навершием в виде головок животных, Пскентский могильник; 5 – бронзовые фигурки-амулеты горных козлов из Седаката (Южный Казахстан)

Рис. 3. Изображения горного козла в Согде. 1-2 – петроглифы Сармышсая; 3-11 – изображение горного козла на керамических изделиях с городище Кафиркала

Рис. 4. Изображения горного козла в Согде. 1 – фигурка животного на стенке оссуария, Самарканд; 2 – оссуарий из Юмалактепа и деталь композиции (Южный Согд); 3 – фрагмент стенки оссуария, Афрасиаб; 4 – согдийское серебряное блюдо VII-VIII вв. (из собраний Гос. Эрмитажа, СПб, Россия); 5 – серебряная кружка VII-VIII вв. из деревни Гугова Пермской области, аналогичная согдийским керамическим кружкам (из собраний Гос. Эрмитажа, СПб, Россия); 6 – фрагмент глазурованного блюда с козлом, Афрасиаб

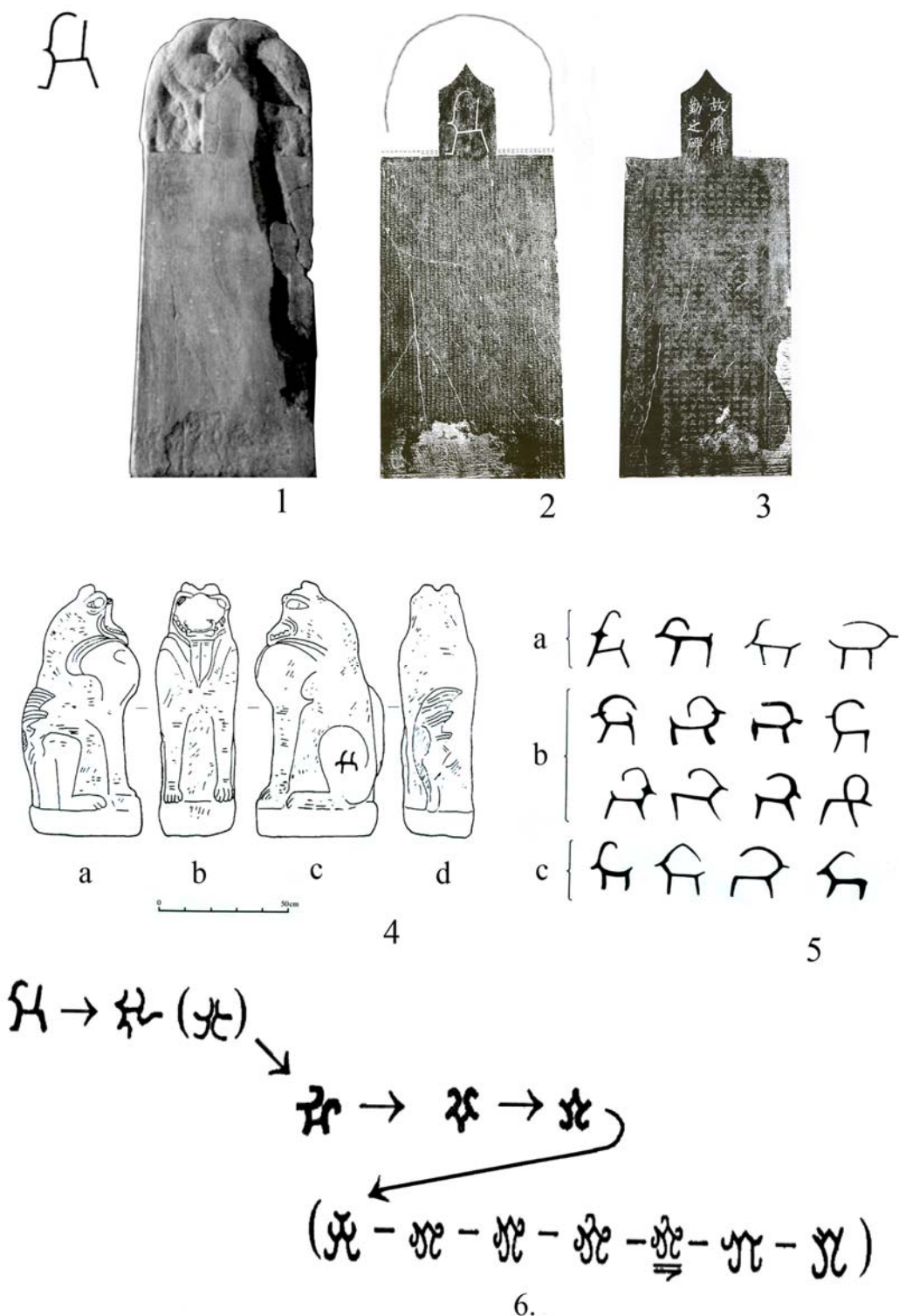

Рис. 5. Козловидный знак на тюркских памятниках. 1 – каменная стела Кюльтегина (Кошо-Цайдам, Монголия); 2 – сторона с тюркской надписью и козловидным знаком; 3 – сторона с китайской надписью (по Радлову, 1892); 4 – каменный лев с козловидным знаком на бедре из Шивет-Улаана; 5 – козловидные знаки – а) Монголии, б) Тувы и в) Казахстана (по Грач, 1973); 6 – генезис западно-тюркской тамги по монетам Ташкентского оазиса (по Бабаяров, 2007)

о благополучия, обилии, плодородия и здоровья членов общины и даже с представлениями о производящих силах природы. Именно поэтому культовые места проведения инициаций и проведения родовых или племенных сезонных празднеств отмечаются многочисленными изображениями горного козла. Иногда древний художник вплетал изображение животного в культовые сцены (священную охоту, размножение животных и людей). Этот аспект – наделение животного святостью, культовой чистотой, принадлежностью к божественным силам сохраняется длительное время вплоть до недавнего времени.

В тоже время некоторые исследователи предлагают видеть в его изображениях «не предмет охоты, символ благополучия», т.к. течением времени семантика образа козла трансформируется, и ему отводится определенное место в мировосприятии. Его связываются с солярным культом и идеей плодородия. Как образно замечает Е.В. Антонова, он становится «эмблемой солярного культа». (Антонова, 1983. С. 27-28).

В искусстве ранних земледельцев, в эпоху ранней бронзы, изображение горного козла тоже популярный образ, который также наделялся определенной символикой, связанной с идеей небесного верха и плодородием. Неслучайно изображение горного козла венчает бронзовую булаву из Сапаллитепа. Причем крайне символично, что перед животным помещен растительный побег (Аскарлов, 1977. С. 74, таблица XV, 18).

С другой стороны, у ранних кочевников (VII-V вв. до н.э.) изображение горного козла вошло в круг образов сакского звериного стиля. Например, изображения их на бронзовой ажурной подпружной пряжки в виде двух противопоставленных голов горного козла из кургана 66 могильника Уйгарак (Вишневецкая, 1973. С. 117. Таблица XVII, 19) или изображения их на бронзовых котлах, жертвенниках и светильниках этой эпохи. С кочевым миром связана серебряная фигурка горного козла из погребений юеждийского времени из Тиллятепе в Афганистане.

Обращение к образу горного козла в искусстве Средней Азии эпохи античности и раннего средневековья показывает, что в знаковых формах народных представлений изображения горного козла по-прежнему наделялись определенной символикой. Они входят в местные культы как животные определенных божеств и участники мистерий, олицетворяя тайные силы природы. Видимо, здесь нашли отражение древние космогонические мифы, связанные с древневосточной традицией, где козел выступал в качестве зодиакального созвездия, появление или исчезновение которого символизировало наступление определенного сезона сельскохозяйственного года (например, приход весны). В индоевропейской мифологической традиции козел – атрибут бога громовержца, повелителя молний и туч. Возможно, отражением именно этих представлений, связанных с культом плодородия, стали многочисленные изображения козлов на раннесредневековой керамике в виде оттисков штампа. Чаще всего это была столовая посуда (кувшины, кружки, небольшие горшковидные сосуды), где они сочетались с другими элементами, маркировавшим символику плодородия – побегами или ветками с гранатом.

Вместе с тем козел мог выступать и в качестве жертвенного животного, принесение которого в жертву позволяло заручиться поддержкой высшего божества, получить плодородие или отвести несчастье. В индоевропейских жертвенных ритуалах козлу отводилась роль предварительной жертвы. В.Н. Топоров указывает на существование архаического обряда у древних индоевропейцев расчленения или точнее

раздиранья принесенного в жертву козла в сакрально отмеченные момент времени и месте (Топоров, 1999. С. 24-35). Подобные представления, вероятно, бытовали и в Средней Азии. Например, до сих пор у многих народов Средней Азии жертвенным животным на конных играх (кок бори), устраивавшихся в честь знаменательных событий (свадеб, поминок и т.д.) выступал козел. Правда, по мнению некоторых исследователей, этот обряд восходит к тотемному свадебному ритуалу, которому приписывалось значение богоугодного, священного действия, способного повлиять на благополучие семьи (Симаков, 1984. С. 147-148). Но скорее он носил ритуально-магический, сакральный смысл, где причащение мясом этого жертвенного козла родными, знакомыми, друзьями и соседями должно было принести благополучие и оказать содействие в преодолении несчастья.

Л.И. Ремпель тоже видел в изображениях горного козла и баранов эпоху раннего средневековья жертвенных животных, т.к. они часто украшены бубенцами, повязками, шарфами, что, по его мнению, соответствовало ритуалам местных культов. Хотя, на наш взгляд, эти дополнительные элементы в изображениях животных скорее служат указанием на их священный характер. Не случайно на согдийских шелковых тканях они шествуют вдоль каймы или вписываются в медальоны из перлов по отдельности или парами, но в зеркальном отражении. Однако помещение их в медальоны из перлов это «не последний отзвук их бывшего солярного значения» (Ремпель, 1987. С. 29), а благопожелательный символ, где перлы символ плодородия, множественности, призванный вместе животным наделить благом владельца.

Об устойчивой связи козла с идеей плодородия и возрождения говорит бытовавший у многих народов обычай рядиться козлом при сборах по домам пожертвования для новогодних весенних праздников (Гаджиев, 1977. С. 118). Горный козел в представлениях древних тюрков был тоже тесно связан с небом.

Таким образом, археологические материалы показывают широкое распространение изображений горных козлов на обширной территории, что, безусловно, отражает культовую значимость животного на протяжении длительного времени. Но вместе с тем ряд исследователей относят его к тотему правящего клана древних тюрков, смешивая вместе петроглифы (схематические, силуэтные изображения животного), фигурки и рельефные изображения козлов с сильно стилизованными (до схематического контура) козловидными знаками на памятниках тюркской эпохи. Хотя столь широкое распространение изображений горного козла едва ли свидетельствует о принадлежности его к тотемным животным. В таком случае можно ли говорить о принадлежности к клановому тотему сильно стилизованных козловидных знаков тюркской эпохи? Действительно, козловидный знак несет все характерные признаки тамги – линейность и максимальную стилизацию.

Абсолютное большинство исследователей видят в нем каганский знак-тамгу, символ власти кагана (Грач, 1973. С. 323), либо вообще отождествляют с общим древнетюркским тотемом (Азанбаев, Байгунисова, 2016. С. 168), принадлежавшим каганам из рода Ашина.

Эта интерпретация была выдвинута еще В.В. Радловым в самом конце XIX века и в дальнейшем получила широкую поддержку среди исследователей. Основывалась она на находках каменных стел в урочище Кошо-Цайдам из погребальных комплексов Бильге-кагана (раскопки 1889 г.) и Кюль-тегина (раскопки чехословацко-монгольской экспедиции 1957г.) (Рис. 5, 1-3), на которых наряду с древнетюрк-

скими и китайскими надписями были нанесены сильно схематизированные (линейно-контурные) изображения горных козлов (Радлов, 1892. Табл. XVI). Примечательно, что они были выбиты в верхней части одной из сторон стел. В.В. Радлов определил их как тамгообразные изображения и сделал вывод, что это «ханская тамга». С этого времени схематизированное изображение горного козла стало безоговорочно восприниматься как тамгообразующий, родовой знак, замещающий имя кагана или приравненного к нему лица, а по сути – символ кагана, символ его власти (Грач, 1973. С. 322). Подобные тамгообразные (стилизованные) изображения горных козлов были выявлены и на других древнетюркских памятниках Монголии, Алтая. Тувы (в долинах рек Орта-Халыын и Улатай). В Центральной Монголии их находки известны на древнетюркских каменных изваяниях, балбалах и скульптурах животных (Кляшторный, 1980. С. 94-95; Кубарев, Баяр, 2002. С. 83, рис. 11,7,10; Войтов, 1996; Babaiarov, 2010) (Рис. 5, 4). Больше того выдвигается тезис, что схематические изображения козлов следует определять, как памятник политического характера, нанесение которого подчеркивало принадлежность к политическому объединению (т.е. к тюркскому каганату) (Савинов, 1964. С. 143).

В последнее время идею политического приоритета тамги в виде горного козла попытались реализовать на нумизматическом материале. Ряд тамг на медных монетах Чача и Южного Казахстана (т.е. с территорий Западно-тюркского каганата) объявляются стилизованными вариантами тамги правящего рода Ашина, из которого происходили правители обоих каганатов (Бабаяров, 2007; Babayarov, 2010. Р. 339-347; Osawa, 2010. Р. 316). Дальше выстраивается эволюционный ряд (Рис. 5,6). Где соответственно первым ставится тамга в виде горного козла (но ни одной монеты с такой тамгой до сих пор пока не выявлено). Уже на второй позиции в предложенном эволюционном ряду (Бабаяров, 2007. С. 35) поставлена тамга, где от первоначального гипотетического базового элемента ничего нет, даже рога животного (если считать верхний завиток рогами козла) вдруг резко уменьшаются и загибаются в противоположную сторону. Непонятно и другое – почему у представителей Второго Тюркского каганата (нач. VIII в) тамга сохраняется в неизменном виде, тогда как в выделившемся в 603 году Западно-тюркском каганате¹⁰ она уже трансформирована до неузнаваемости. Где и когда она успела пройти такой путь эволюции. И если так важна была принадлежность к каганскому роду (Ашина), то почему ее нет среди государственных регалий правителей Западно-тюркского каганата.

Следовательно, тамги на монетах Чача (или как считает Г. Бабаяров Западно-тюркского каганата) и козловидные знаки Второго Тюркского каганата изначально имели разные исходные основы и, видимо, назначение. Показательно, что в комплексе Шивет-Улана представлена каменная памятная плита-стела с 60 тамгами разных форм, но среди них нет козловидных тамг¹¹. Не менее любопытен танский документ, опубликованный Ю.А. Зуевым, где танским чиновником приводится список тамг отдельных тюркских племен, поставлявших лошадей в Китай на продажу. Но среди них нет козловидной тамги, ни в качестве каганской, ни в качестве тамги ашина (Зуев, 1960. С. 132).

Действительно, тотемизм в разной степени имел широкое распространение среди тюрков и долго сохранялся в пережиточной форме даже после их обращения в ислам. Но почему-то среди известных сообщений об онгонах нет упоминаний об онгонах в виде горного козла. В основном это были онгоны (тотемы) в виде птиц (Базылхан, 2016. С. 160-161). Например, у огузских племен в качестве тотемов вы-

ступали соколы, орлы, кречеты, ястребы, кобчики. Правда, в сочинении Абу-л-Гази упоминаются еще также сова, кулик, воробей и кукушка. Очевидно отголоском именно этой традиции был древний обычай установления в ханской орде (ставке) изображений птиц из золота и серебра. Известно также, что названия птиц употреблялось огузами в качестве военного пароля. Онгоны считались священными, они как бы олицетворяли племенное благополучие и не подлежали истреблению (Агаджанов, 1971. С. 188).

Следовательно, вопрос о принадлежности (тамгообразного) козловидного знака к каганской тамге остается открытым, тем более, что он вполне мог наделяться другим значением.

И в Средней Азии, и в Южной Сибири изображения горного козла были характерны ещё для сакского времени. Причем, как уже отмечалось выше, в количественном отношении его изображения занимают одно из ведущих мест среди персонажей петроглифов. Только по этой причине можно констатировать, что изображения козла несут не столько тотемный, сколько солярно-космический образ. Неслучайно в петроглифах Саймалы-таш козел шествует среди изображений солнечных дисков (Бернштам, 1952. С. 223). В петроглифах святилища Боралдай (южные отроги Каратау) часто рога козла изображены замкнутыми в кольцо либо тоже кольцом, замыкавшимся на спине животного. Причем нередко в центре кольца выбивалась точка (Байпаков, Потапов, Грищенко, 2007. С. 28, рис. 5,15), т.е. сам козел воспринимался как солнце или несущий солнце. Примечательно, что в исследованиях по семантике идеологии ранних тюрков Ю.А. Зуев относил образ горного козла (точнее козловидной тамги) к “изобразительному эвфемизму” Белого оленя Золотые рога, иначе говоря солнца (Зуев, 2002. С. 85).

Вероятно, подобные представления в символике образа горного козла сохранялись длительное время и вполне могли сочетаться другими. Например, нередко характерной деталью его изображений являлась утрированная передача огромных дугообразных рогов. Такая передача рогов ассоциировалась с аркой видимого небесного свода. И поэтому рога воспринимались как дуга небесного свода, а сам козел отождествлялся с небом (Окладников, 1981. С. 40). Не случайно в алтайском эпосе «Когутэй» Хозяин земли и вод предстает в образе огромного черного горного козла, рога которого поднимаются выше облаков. Взмахом своих рогов он забрасывает человека в иной мир (Антонова, 1984. С. 216). Вероятно, в этом и заключалась основная идея помещения схематического изображения горного козла на верхушке древнетюркских стел. Оберегом и символом небесного мира, мира предков являлись козловидные знаки на устрашающих статуях каменных львов, призванных охранять вход в комплекс Шивет-Улан. Они должны были принести умершему счастье и благополучие в потустороннем мире.

Об устойчивости и живучести этих представлений в виде почитания киков как чистых животных, которых пасут ангелы, свидетельствуют этнографические материалы (Андреев, 1958. С. 226). У туркмен их покровителем считался святой Бурх-Буркут. Он посылал облака, чтобы они насытили землю дождем ради них и их детей (Басилов, 1970. С.26). То есть Бурх здесь выступает как небесный пастух, а облака – это небесные козы и бараны, которые по его желанию помогают земным собратьям, орошают землю, принося ей плодородие. Отсюда и представления об их особой чистоте и благости. К этому же ряду относятся поверья горцев, по которым мясо горного козла считалось настолько чистым, что съевший его человек на 40

дней очищался от всех грехов (Литвинский, 1962. С. 134). М.С. Андреев отмечал, что у памирских народов ещё в 30-40-х годах XX века существовал обычай наносить на скалах, а также на стенах домов изображения горных козлов, где они сочетались с рисунками звезд, месяца и дерева. При этом козлы вовсе не воспринимались как тотемный символ. Считалось, что все эти рисунки приносят счастье, благополучие и способствуют увеличению домашнего скота и надоев молока (Андреев, 1958. С. 475).

Возможно, во всем этом следует видеть отражение глубоко архаических представлений о связи горного козла, как и барана, с водой. Горные козлы и бараны подпирают рогами небо. Небесные воды содержатся в облаках, выше которых поднимаются обитатели гор – эти копытные. Именно поэтому в народной традиции вплоть до средневековья было устойчивым обычаем помещать изображения козлов на сосуды для питья (в виде ручек или сливов). В символическом контексте они олицетворяли связь с небом, небесной водой, чья живительная влага способствовала благополучию и наделяла ею всякого пьющего из сосуда. Существует и другая точка зрения, что связь горного козла с водой указывает на его принадлежность к другому миру, сочетание его изображений с птицей или змеей отражает идею его принадлежности к среднему миру. Где козел наделялся функцией медиатора-посредника, соединявшего небо и землю и способного призвать на землю избыток воды и дождя (Антонова, 1984. С. 105 и сл.).

Достаточно ярко связка козел– вода (источник) отражена в легенде о святом Бурхе, по указанию которого при строительстве мавзолея необходимо было принести в жертву козла. И тотчас там, где пролилась кровь козла, появился источник воды (Кисляков, 1934. С. 186).

Вместе с тем представления о горном козле – полиморфны. С одной стороны, как видно на примере легенд о святом Бурхе, он воспринимался как часть божества (его животное), приносимой в жертву (искупительная жертва) для получения благодати (плодородия). С другой стороны, как уже отмечалось выше, еще с эпохи бронзы изображения горного козла отображали его связь с солнцем, как высшей силы, обеспечивавшей воспроизводство и плодородие. Возможно, в дальнейшем представления о заходящем и возрождающемся утром солнце тесно переплетается с представлениями, где козел-жертва воспринималась в качестве проводника, перевозчика души умершего на тот свет (Рахимов, 1953. С. 121). Не исключено так же, что его сакральный образ, подобно жертвенному барану, ассоциировался с идеей реинкарнации души умершего человека (Снесарев, 1969. С. 315-318).

Таким образом, археологические материалы показывают, что религиозные представления раннесредневекового населения Чача и Согда отражают сакральное отношение к горному козлу, которые уходят своими корнями в первобытные верования. Почитание или принесение в жертву животных становится одним из компонентов религиозных и домашних обрядов, а зооморфный код в декоре еще долгое время наделяется магической нагрузкой как воплощение благопожелательной символики. Наконец, восприятие изображений горных козлов и баранов и даже отдельных элементов этих животных (рога и копыта) как благопожелательных символов получили широкое распространение в искусстве, особенно в ковроткачестве, и стали непременной частью традиционного национального орнамента.

Сноски

¹ «Бегающий» (фр. *courant*) — термин из геральдики, т.е. когда животное изображается с конечностями, вытянутыми вместе назад и вперёд, то есть оторвавшийся от поверхности.

² Предполагается, что одним из предков домашних коз был безоаровый козел (*Saiga saiga*), ареал распространения которого некогда охватывал территорию от Греции, Крита, Малой Азии до Северо-западной Индии, т.е. захватывая юг Средней Азии. Отличительной особенностью самцов безоарового козла являются его борода и длинные саблевидные рога с редкими буграми на переднем ребре. Севернее, т.е. в Согде и Чаче, в горах Средней Азии (Тянь-Шаня, Памира) и Алтая, — ареал обитания сибирского горного козла (*Caprasibirica*). Их самцы также имеют большие изогнутые, закинутаые назад рога, но с частыми поперечными валиками.

³ Сама печать — диаметром 2 см и толщиной — 0,9 см.

⁴ Вторая печать изготовлена из желтовато-коричневатой тонко отмученной глины. Размеры печати: диаметр — 3,1 см, толщина 1 см, диаметр сквозного канала для подвешивания — 0,3 см.

⁵ Сосуд имеет полусферическую форму (со сферическим дном, коротким и прямым венчиком). Глина — черепок в изломе коричневатого-серого цвета. Ручная лепка. С внешней стороны покрыт темно-серым ангобом и залощен. На плечиках с двух противоположных сторон сделаны ручки-«прихваты» из наклепных валиков в форме полудуг, между которыми помещен круглый налеп с наколом. В результате получилось стилизованное изображение головы горного козла (Рис. 1,5). Размеры: Сосуд высотой- 12,8 см. диаметр по венчику — 13,8 см. Ручка- длиной - 8,8 см, высотой — 0,6 см.

⁶ Чаша находится в фондах Государственного Музея Искусств Узбекистана (в Ташкенте).

⁷ Правда, С.Р. Ильясова и Дж.Я. Ильясов, в своей недавней публикации интерпретируют его как изображение газели (джейрана) и считают, что чаша происходит с Нукета (городище Улькан Тойтепа). По их мнению, указание в шифре Нукета в качестве места находки на днище сосуда является «надежным свидетельством» (Ильясова, Ильясов. и др., 2016. С.106). Но кто и когда нанес этот шифр — неизвестно. Здесь явно вкралась ошибка. Заметим, что в археологической практике не принято маркировать материал или сборы с городища названием места, с которым оно отождествляется по письменным источникам (так как оно может быть спорным), поэтому обязательно указывается его современное (местное) название. Тем более, что первая публикация чаши увязывается именно с Шахрухийей и совсем ненамного отстоит от времени ее находки (Буряков, 1975. С. 18-19, рис. 6).

⁸ Городище Сидак или Сидак Ата тобе функционировало с I в. до н.э. — до сер. VIII в. н.э. расположено в 18 км к северо-западу от средневекового города Туркестан. Возможно, городище Сидак было одним из культовых центров населения Правобережья Сырдарьи для отправления сезонных празднеств.

⁹ Сосуд грушевидной формы, у него широкая горловина, шейка слабо выделена, тулово раздуто в верхней трети, а в нижней части заметно сужается к узкому плоскому днищу. Сформован он из изготовленных отдельно частей. Черепок в изломе кирпично-розового цвета, с внешней стороны покрыт светлым ангобом. Венчик — массивный, подтреугольной формы в сечении, с широкой площадкой поверху. Переход к венчику выделен желобком. Под венчиком посажен цилиндрикоконический слив, имитировавший морду животного. Сверху над основанием слива прилеплены два дисковидных налепа с округлым наколом в центре, изображавшие глаза животного. Сбоку от основания слива прикреплены две ленты-полудуги, передающие рога, поверхность которых покрыта мелкими косыми насечками. Внизу под полудугами помещены уши животного в виде плоских листовидных налепов. Их края тоже покрыты насечками. Размеры сосуда: общая высота — 53 см, диаметр устья — 30 см.

¹⁰ Официальное размежевание произошло при Тарман Чора кагане (600-610 гг.)

¹¹ Правда, эти знаки выбиты на двух каменных изваяниях львов, стоявших раньше у входных ворот комплекса Шивет-Улана. По мнению В.Е. Войтова, эти львы были привнесены в дар умершему кагану (Ильтересу) от имени его малолетних сыновей-наследников (Войтов, 1996. С. 89).

Список использованной литературы

- Агаджанов С.Г. Огузские племена Средней Азии в IX-XIII вв. (Историко-этнографический очерк) // Страны и народы Востока. Выпуск X, Средняя Азия, этнография, история. М., 1971.
- Азанбаев М.А. Байгунисова Г.И. Образ Таутеке – символ древних каганов // Материалы 1-го форума Гуманитарных наук. «Великая степь». Астана, 2016.
- Антонова Е.В. Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений обитателей юга Средней Азии и их соседей // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983.
- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи) // ТИИАЭ АН Тадж. ССР. Т. 61. (Материалы к изучению культуры и быта таджиков). Сталинабад, 1958.
- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы и юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А. Сапалли-тепа. Земледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв. н.э.). Ташкент, 2007.
- Базылхан Напил Этносемантические особенности некоторых этнонимов кочевых народов // Материалы 1-го форума Гуманитарных наук. «Великая степь». Астана, 2016.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.
- Байтанаев Б.А., Потапов С.Д., Грищенко А.Н. Петроглифы Боралдая. Алматы, 2007.
- Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М., 1970.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. №26. М.-Л., 1952.
- Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX- начале XX века. Л., 1988.
- Буряков Ю.Ф. Пскентские наусы // СА. 1968. №3.
- Буряков Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. По материалам Уйгарака // ТАХЭЭ. Т. VIII. М., 1973.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М., 1996.
- Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1977.
- Грач А.Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских изображений горного козла // Тюркологический сборник – 1972. М., 1973.
- Грицина А.А., Алимов К.А. Каунчинские печати // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
- Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Тр. ИИАЭ Каз.ССР. Т.8, Алма-Ата, 1960.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Ильяслова С.Р., Ильясов Дж.Я., Имамбердиев Р.А., Исакова Е.А. «Нет блага в богатстве...» Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX-XII вв. М., 2016.
- Кисляков Н. Бурх - горный козел. // СЭ. 1934. №1-2.

- Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись из Чойрэна // Страны и народы Востока. Вып. 22. М., 1980.
- Кубарев В.Д., Баяр Д. Каменные изваяния Шивет-Улана (Центральная Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 4(12), 2002.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Массон В.М. Идеологические представления среднеазиатских племен эпохи энеолита. // Энеолит СССР. М., 1982.
- Национальный музей древностей Таджикистана. Альбом. Б/года выпуска.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. М., 1965.
- Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. Труды Орхонской экспедиции. С-Пб., 1892.
- Рахимов М. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области // Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР. Вып. 3, Сталинабад, 1953.
- Ремпель Л.И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатого верблюда из Варахши (К вопросу о природе Согдийского искусства) // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
- Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Савинов Д.Г. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири (Некоторые общие вопросы изучения) // Вестник ЛГУ. №20 (серия истории, языка и литературы). Вып. 4. Л., 1964.
- Смагулов Е. Раннесредневековые керамические курильницы Южного Казахстана // Украинська керамологія: Національний науковий щорічник 2012. Глиняний посуд у культурі харчування народів світу. Кн. VIII. Т.І, 2013.
- Смагулов Е.А., Яценко С. А. Святилище Сидак – один из религиозных центров доисламского севера Средней Азии (некоторые культовые объекты V- нач. VIII вв.). // Transoxiana 13: <<http://www.transoxiana.org/13>>.
- Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX в. Историко-этнографические очерки. Л., 1984.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и образов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. Самарканд, 1995.
- Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Babayarov G. The Tamgas of the Co-Rulling Ashina and Ashida Dynasties as Royal Tamgas of the Turk Kaghanate // Tradition Marking Systems. A Preliminary Survey. London. Dover Dunklin books, 2010.
- Osawa Takashi On Functional Changes of tamga and Nishan-sinds in Old Turkic Period // Tradition Marking Systems. A Preliminary Survey. London. Dover Dunklin books, 2010.

УДК:

УСТРУШОНА МОЗОРҚЎРҒОНЛАРИ КОНСТРУКЦИЯСИ ВА УЛАРНИНГ ШАКЛЛАНИШИ ҲАҚИДА

© 2019. Ф.Э. Тошбоев

Жиззах Давлат педагогика институти

Калит сўзлар: катакомба, айвонли лаҳад, ёрма, ўра, тош дахма, Кулписар, Ширинсой, Сағанок, Учтепа, Гулбо, чорвадорлар, мазорқўрғонлар, Лавандок, усунлар, юечжилар, Култтепа, дафн маросимлари.

В данной статье описывается конструкция могильников, обнаруженных на территории Уструшаны, в частности, сведения о катакомбах и подбоях могильников Гулба, Учтепа, Саганак и Курпа, относящиеся к античному периоду. Также в статье даётся описание впускных ям и ямные погребения, отмеченных на Каратош, Кулписар, Гулба, Ширинсой, Беккелди и Каратепа, каменные склепы на могильники Камиш и Курпа. Автор особо отмечает различие форм раскопок, погребальных обрядов, что является свидетельством о миграции кочевников на территорию Средней Азии из степей в античный период.

CONSTRUCTION OF GRAVES IN USTRUSHANA AND THEIR FORMATIONS

Toshboev F.E.

The author provides information about the construction of graves found in the cemeteries of Ustrushana: catacombs located in ancient sites such as Gulba, Uchtepe, Saganak, Korpa, Qaratash, Kulpisar, Shirinsay, GulbaBekkeldi and Qaratepe burials and rock tombs as well as their constructive variations and differences. The article provides information about nomadic tribes moved from Eurasian deserts to Central Asia and their influence on appearing of new types of tombs in ancient times.

Инсониятнинг қадим ўтмиши, турмуш тарзи, моддий ва маънавий маданияти тарихини ўрганишда инсон вафот этгандан сўнг, уни кўмиш билан боғлиқ дафн маросимларини ўзида сақлаб қолган мазорқўрғонлар – турли хил кўринишдаги қабрлар ва гўрхоналар материаллари ҳам ишончли маълумот беради.

Аждодларимизда ўтганлар руҳига хурмат ниҳоятда баланд бўлиб, у дафн маросимларида ўзининг ёркин ифодасини топган. Улар “нариги дунё” борлигига ишониб, икки олам орасидаги алоқани боғловчи дафн маросими – ўз яқинларини сўнги манзилга кузатиш тадбирига алоҳида тайёргарлик кўрганлар ва уни ўзига хос қонуниятларга асосланган тартиб қоидалар асосида ўтказганлар. Бунда кишиларнинг вафотидан сўнг “нариги дунёда яшаши” ҳақидаги тасаввур асосида, дафн маросимида кўплаб амаллар қўлланиб, у дунёда яшаши учун қулайликлар яратилган. Бу ҳолат очиб ўрганилган қабрларга марҳумнинг ҳаётлигида ишлатган уй рўзғор буюмлари, кийим-кечаги, қуро-яроғи, безак анжомлари ва истеъмол қилиши учун идишларга ҳар хил таомлар солиб қўйилишида намоён бўлади.

Уструшонадаги археологик тадқиқотлар инсоният тарихида дафн этишининг турли хил кўринишлари мавжуд бўлганлигини кўрсатади. Воҳадаги антик давр мазорқўрғонларида ўрганилган моддий ашёлар ва дафн маросимларида шу даврда кириб келган юечжи, хун, усун ва сармат қабилалари моддий ва маънавий маданиятига ўхшаш хусусиятлар кузатилади. Кириб келган бу аҳоли Уструшонанинг

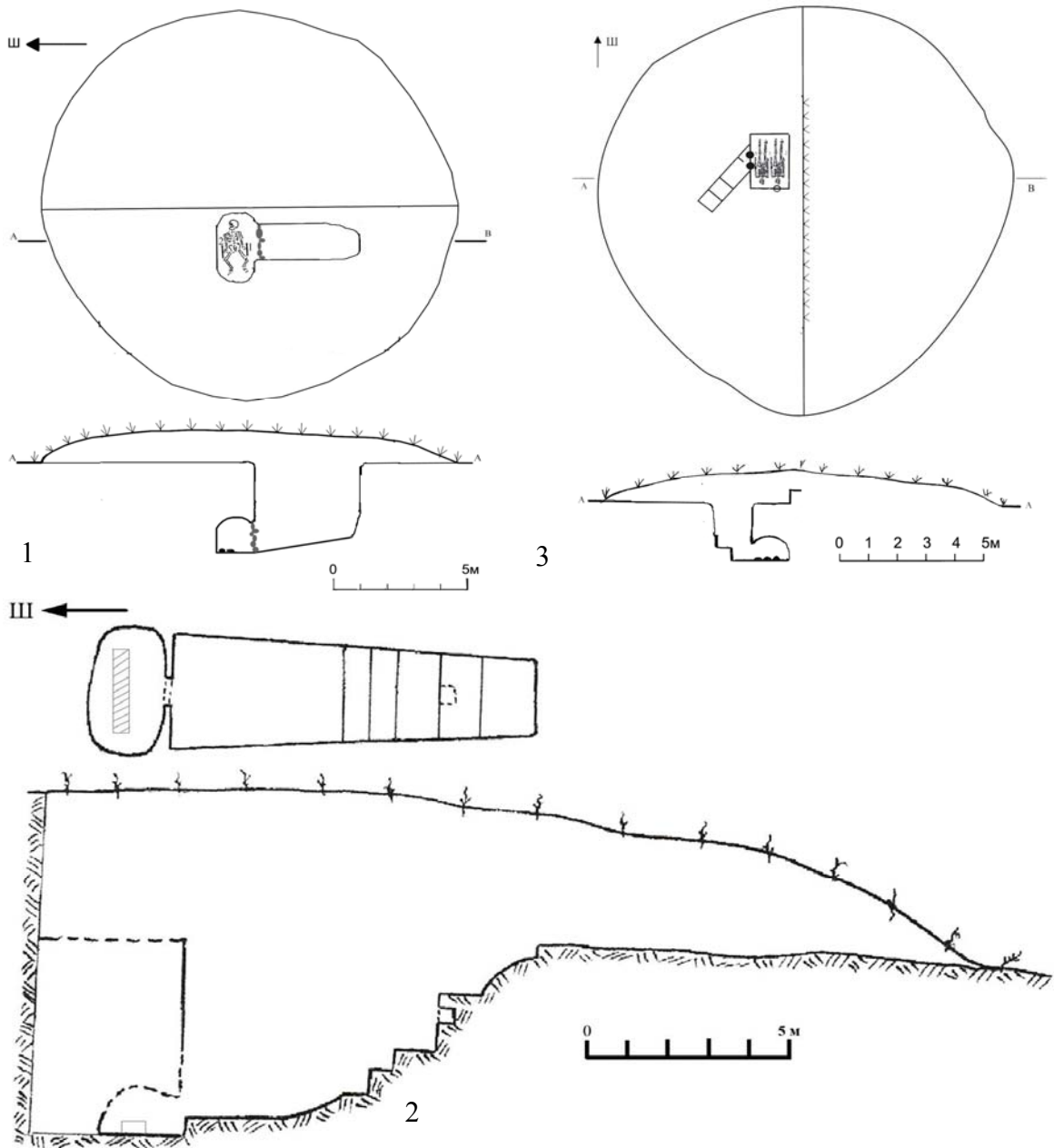
ўтли яйловларида, ҳали маҳаллий ўтроқ ва чорвадор аҳоли томонидан ўзлаштирилмаган, тоғолди худудларида ўрнашиб, ихтисослашган хўжалик юритиш анъанасини давом эттирганлар. Бу ҳолат Уструшона мозоркўрғонларидаги дафн маросимларига таъсир кўрсатиб, янгича қабр типларининг ёйилишига сабаб бўлган. Изланишлар антик давр Уструшона мозоркўрғонларининг катакомба, айвонли лаҳад, ёрма, ўра ва тош даҳма шаклида бўлганлигини кўрсатади.

Катакомба қабрлар Уструшонадаги антик даврга оид Ғулбо, Учтепа, Сағанок ва Кўрпа мозоркўрғонларида ўрганилган. Уларда айвон (йўлак) шарқ, шимол ва баъзан ғарб томонга қараб қазилган бўлиб, узунлиги 2-6 м. Бу мозорларнинг барчасида айвон перпендикуляр тарзда жойлашган лаҳадга келиб туташган, яъни улар Кенкўл қабрлари типиди (1-расм, 1, 2, 3). Жасад дафн этилган лаҳад эса махсус ясалган ва у йўлакдан гувала, чим ёки тошлар билан алоҳида ажратилган. Бу каби катакомба қабрлар Тошкент вилоятидаги Вревский, Фарғона водийсидаги Кугай-Қорабулоқ маданиятига оид мозоркўрғонларда ўрганилган. Уларда ҳам айвон жанубдан шимолга қараб қазилган ва унинг шимолида шарқ-ғарб йўналишида перпендикуляр тарзда жойлашган лаҳад мавжуд (Алимов, 1975. Л.19; Агзамходжаев, 1961. С. 223; Горбунова, 1984. С. 102). Катакомба қабрлар Фарғона водийсидаги Боркарбоз, Қорабулоқ, Исфара, Қаландархона, Усто Мулло, Чилғози, Ворух I, II ва Қорамўйноқ мозоркўрғонларидаги қабрларнинг кўпчилигини ташкил этади. Боркарбоз қабрларидан 10 тадан 8 таси катакомба қабрлар бўлган. Уларнинг Уструшона қабрларидан фарқи барчасининг йўлаги тош билан тўлдириб бекитилганлигида кўринади.

Катакомба қабрларнинг лаҳатни айвонга нисбатан ҳолати, узунлиги, йўналиши ва қайси томонидан лаҳад қазилганлиги, зинанинг айвон чеккасида бор йўқлиги, лаҳадга ўтиш йўлининг бекитилишига (тупроқ, гувала, тош ва ҳ.к.) кўра 12 дан ортиқ хили мавжуд (Горбунова, 1981. С. 87). Ўрта Осиёда ўрганилган катакомба қабрларнинг бошқа минтақалардан фарқи лаҳадни айвонга нисбатан жойлашишида кўринади. Бунда лаҳад ўзининг асоси билан айвонга перпендикуляр жойлашган (Кенкўл типи). Бироқ, Лавандок ва Қуйимозор кўринишидаги, яъни лаҳад айвоннинг давоми сифатида қазилган (Лавандек тип) кўринишлар ҳам учрайди (Обельченко, 1961. С. 99-100).

Бу шаклдаги қабр тузилишлари Ўрта Осиёнинг турли худудларида ягона қонуниятга эга бўлмай ўзига хос кўринишлари ҳам кузатилади. Масалан, Б.А. Литвинский, “Ворух катакомба қабрларида айвон катта эмас, уларнинг узунлиги кўпинча 1,5-3 м, баъзан 4 м. гача боради... айвон лаҳадга перпендикуляр тарзда ён томонидан симметрик равишда келиб туташган (Литвинский, 1972. С. 58). Кўпинча, айвоннинг эни лаҳад узунлигидан 3 баробар (мас равишда 0,95 ва 2, 97 м) тор. Уструшонадаги қабрларда ҳам айвоннинг анча тор бўлиши кузатилади. Бундай катакомба қабрлар одатда ”Т” ҳарфи кўринишида қазилган”, деб маълумот беради. Ўрта Осиё учун ўзига хос бўлган бундай қабрлар районлаштирилган (Сорокин, 1956. С. 83). Улардан биринчиси Фарғона, Тошкент, Жанубий Туркменистон, Бухоро ва Талос водийларида ёйилган. Уструшонадаги катакомба қабрларни ҳам ана шу биринчи гуруҳга киритиш мумкин. Дафн иншоотларини бу тарзда гуруҳларга ажратиш уларни таснифлашда анча енгиллик беради ва тасаввурни кенгайтиради.

Фарғона водийсида изланишлар олиб борган Ю.А. Заднепровский дафн иншоотларини бир қанча гуруҳга бўлишни таклиф қилган. Булар Кенкўл (лаҳад айвонга перпендикуляр бўлган), Лавандок (лаҳад айвоннинг давом сифатида жойлашган),

1- расм. Мозорқўргонларнинг тузилиш шакли.

1. Ғулбо № 4; 2. Учена; 3. Ғулбо № 3

Тулхар (лаҳадга кириш эшигининг ғарбий деворда бўлиши), Айғиржол (қабр хил-хонасининг шимолий ёки жанубий деворда бўлиши) ва Чилпек (ўра гўрлар ва ер усти тош иншоатлари қурум ва муғхоналар) қабрларидир (Заднепровский, 1975. С. 293-296).

Ю.А. Заднепровский, “катакомба ва айвонли лаҳад қабрлар бир-бирдан қазилиш шаклига кўра фарқ қилсада, уларни ягона маданий типга киритиш мумкин, бу гўрлар даврий ва ижтимоий жиҳатдан эмас, этник мансублиги жиҳатидан фарқ қилади”, деб таъкидлаган (Заднепровский, 1960. С.127). Уструшонадаги катакомба қабрларда ўрганилган моддий манбалар ҳам даврий жиҳатдан кўп фарқ қилмайди. Ўрганилган баъзи мозорқўргонларда (Ширинсой ва Ғулбо №5) катакомба ва айвонли лаҳад қабрларнинг ёнма-ён учраши ушбу фикрни қувватлашга имкон бермоқда.

Катакомба қабрлар Ўрта Осиёда бронза давридан маълум бўлсада, антик даврга келиб кенг оммалашган ва улар кейинги даврларда ҳам кўплаб учрайди.

Айвонли лаҳад қабрлар Ширинсойдаги қабрларнинг асосий қисмини ва Ғулбодаги баъзи қабрларни ташкил этади. Улардаги айвон (йўлак) 0,40-0,70 м энликдаги қазилган ва унинг ёнида параллел тарзда ўликни қўйиш учун махсус лаҳад қазилган (Гайдукевич, 1952. С. 337). Уструшолада бу шаклдаги гўрларнинг катакомба қабрлардан фарқи, катакомбаларда айвон узун (2-6 м) бўлса, айвонли лаҳад қабрларда лаҳад ёнида айвон мавжуд ва унинг узунлиги лаҳад узунлигидан кўп фарқ қилмайди. Шунингдек, жасад дафн этилган хилхона (лаҳад) катакомба қабрлардаги каби узун йўлакдан алоҳида ажратиб қўйилмаган ва махсус тўсиқ ясалмаган. Бироқ, жасадни дафн этиш учун махсус хилхона қилинган ва у кўпинча йўлакка параллел тарзда, унинг ёнида жойлашган (Ғулбо 5, 2-қабр).

Бу қабрларни айвонга параллел бўлган қабр хилхонасининг қайси томонида бўлиши, йўналиши ва шаклига кўра, бир-биридан ажратиш мумкин. Н.Г. Горбунованинг аниқлашича, “айвонли лаҳад қабрлар дафн иншоотининг ўзига хос шакли бўлиб, унда кириш йўлаги ва унга параллел қазилган зина ёки ёрма мавжуд бўлиб, бу лаҳадда жасад жойлашган. Лаҳаднинг бир қисми йўлакнинг тагида жойлашган бўлади. Айвонли лаҳад қабрларнинг лаҳад қайси девор (ғарбий, шарқий, шимолӣ ёки жанубий) тагида жойлашганлиги, зинанинг бор ёки йўқлиги, қабр йўлагининг нима (тош ёки ғишт) билан тўлдирилганлигига қараб 10 дан ортиқ тури аниқланган” (Горбунова, 1981. С.86). Ўрта Осиёда айвонли лаҳад қабрларнинг ғарбий девордан ясалган (Тулхар типи) шакли кенг ёйилган. Уларда лаҳатга тушиш учун ердан ўйиб ишланган ёки тошдан ясалган битта (баъзан иккита) зинанинг бўлиши характерлидир (Литвинский, 1972. С. 58).

Уструшолада эса лаҳад сатҳи айвон полидан 10-15 см паст, баъзи ҳолатларда тенг. Ширинсой ва Ғулбодаги айвонли лаҳад қабрларда айвоннинг ён томонидан ўликни қўйиш учун узунасига параллел тарзда қабр хилхонаси ясалган (2- расм, 1). Қабр йўлагининг шакли эса узунчоқ эллипс, тухумсимон ёки ўшанга яқин шакллarga эга бўлиб, жасадлар мана шу, махсус тайёрланган “уй” – лаҳадга қўйилган.

Бу хилдаги қабрлар илк бор Қирғизистон Олатови ёнбағирларидаги Караша-2 манзилгоҳидан ўрганилган. Еттисув, Тяншан ва Ўрта Осиёнинг деярли барча ҳудудларида бу каби қабрлар қайд қилинган. Улар сакларга мансуб деб эътироф этилган ва мил. авв. VII-V асрлар билан даврланган (Максимова, 1969. С. 164-177). Бу қабрлар Ўрта Осиёда мил. авв. II- I асрлардан кўпайиб, араблар босқинидан кейин тўлиқ оммалашган ва айни пайтда ҳам кўпчиликни ташкил этади.

О.В. Обельченко томонидан Зарафшон воҳасида ҳам кўплаб катакомба ва айвонли лаҳад қабрлар ўрганилган. Қуйи Зарафшон (Лавандоқ ва Қуйимозор) да бундай қабрлар кўпроқ ғарбий узун девор бўйлаб қазилган ва зина қолдирилган (Обельченко, 1961. С.98). Қабрларнинг бу шаклда қазилиши Ўрта Осиёнинг бошқа жойларидаги одатий кўринишлардан фарқ қилади. Лавандоқ мазорқўрғонларида йўлак лаҳад билан параллел давом этган. Айвон сатҳи қабр хилхонаси билан деярли бир хил. Айвонга параллел тарзда қазилган лаҳад 2,85x90 см ўлчамида. Умуман олганда, Лавандоқ қабрларини қазилганда асосан икки хил кўриниш ва оралиқ ҳолат аниқланган. Биринчиси, қабр айвонининг битта девори бўйлаб, зина орқали лаҳадни ҳосил қилиниши; иккинчиси, зинали тарзда жойлашган йўлакнинг охирида хилхонанинг мавжуд бўлиши. Учинчи хили эса, юқоридаги ҳар иккала кўринишни бир-бирига боғловчи, яъни қабрнинг битта узун девор бўйлаб давом этиши, бироқ

кисқа тригонометрик пунктга хилхонанинг жойлашиши. Бу уч хил шаклнинг барча хусусиятлари битта тупроқ уюми остидаги дафн иншоотини ҳосил қилган (Обельченко, 1961. С. 119). Лавандоқ ва Қуйимозор қабрлари мил. авв. II ва милодий I асрлар билан даврланган.

Уструшонада ўрганилган ёрма қабрлар ўра гўрлардаги тик қазиб тушиш (контур)нинг оғиши натижасида вужудга келган. Уструшонадаги Қоратош, Кулписар, Ғулбо, Ширинсой, Беккелди, ва Қоратепа мазорларида бу каби қабрлар қайд қилинган. Улар ўра тарзида қазиб тушилган ва жасад ўранинг пастки қисмида ён томонида қазилган қисмига қўйилган. Ёрма қабрларнинг шакли ҳақида Б.Х. Матбобоевнинг таъкидлашича, “Ёрма гўрларнинг ўра гўрлардан фарқи уларнинг ўра томонидан ўликни қўйиш учун узунасига айвон – “ёрма” қилинади. Яъни ўзига хос “айвонли ўра уй (ёрма)”, деган тушунча билан қовланади. Ёрма гўрларда “айвон” (ўра) қисми тухумсимон ёки ўшанга яқин шаклларга эга, чуқурлиги бир метрдан ортади. Унга параллел қилиб ўликни қўйиш учун ёрма (“уй”) қовланган. Одатда у ўра (“айвон”) полидан чуқурроқ жойлашиб, ҳажми бироз кичикроқ бўлади” (Матбабаев, 1993. Б. 21). Ёрма қабрларни баъзида айвонли лаҳат ва ўра гўрлардан фарқлаш кийин. Баъзи ёрма қабрларда жасад узун йўлакнинг ёнига жойлашган бўлади, бироқ, бир томонлама ёрма томондан туташганлиги сабабли, унинг ўзига хос кўринишларини фарқлаш мумкин. Бунда асосий фарқ йўлакнинг тўлик шаклланмаганлиги ва айвондан ажратилмаганлигида кўринади. Б.Х. Матбобоев тадқиқотларида Фарғона водийсида илк ўрта асрларда ёрма қабрлар кенг оммалашганлиги аниқланган (Матбабаев, 1996. С. 74). Водийдаги Мунчоқтепа кўҳна мазорларида ёрма қабрлар билан биргаликда ўра қабрлар ҳам учрайди. Шунга ўхшаш ҳолат Ғулбо 5-мазоркўрғонида ҳам кузатилади. Бу ҳолат ушбу жамоаларнинг қабр қазиишида ягона тартиб бўлмай, уларнинг сақланиб қолган анъанавий ва четдан кибриб келган таъсирлар натижасида кўпайиб борганлигини кўрсатади.

Уструшонада ўрганилган ўра қабрлар ўз тузилишига кўра, ердан тўғри қазиб тушилган ва ён томонларга ўйиб кирилмаган кўринишда учрайди. Улар тузилишига кўра, тош яшик, циста ва аралаш ҳолда қазилган. Шаклига кўра эса, улар уч хил. Биринчи хили ўра чуқурлиги 1 м. дан ортиқ ва турли йўналишда (шарқ-ғарб ва х.) қазилган қабрлар. Иккинчи тури биринчи хилига ўхшаш, бироқ устига ёғоч териб ёпилган қабрлар. Учинчи хили эса, турли йўналишда қазилган ва ўра чуқурлиги 1 м дан кам бўлган қабрлар. Бу турдаги қабрларнинг барчасида ўра мавжуд бўлиб, уларни устки – тепа қисмининг ёпилишига қараб, худди Фарғона водийсидаги каби типларга ажратиш мумкин.

Ўрта Осиёда, жумладан, Уструшонанинг шарқий ва жанубий қисмлари (Тожикистон)да ўра қабрлар шу пайтгача кўплаб ўрганилган (Авзалов, Самойлик, 1982. С. 327-330; Мирбобоев, 1988. С. 68). Ўра қабрларда жасад ўрада жойлашганлиги, бироқ бир томонлама ёрма томондан туташмаганлиги сабабли, унинг ўзига хос кўринишлари сезиларсиз бўлади. Ўра қабрлар ўзида, Андроново чорвадор жамоаларининг гўр тузилиши ва дафн удумларини сақлаб қолган ва улар илк темир давридан, янги эра бошларигача кўп учрайди. Саклар даврига оид мазоркўрғонларнинг асосий қисмини ўра қабрлар ташкил этади (Литвинский, 1972. С. 7-29). Н.Г. Горбунова, “ўра қабрларни саклар каби усунларга ҳам тегишли бўлган”, деб таъкидлайди. Ўра қабрлар саклар даврида кўп учрасада, усунларда турлича (ўра билан биргаликда ёрма ва лаҳадли) кўринишда бўлган. Уструшонада ўрта асрларда ҳам ўра қабрлардан кенг фойдаланилганлиги кузатилади. XII-XIII асрларга оид

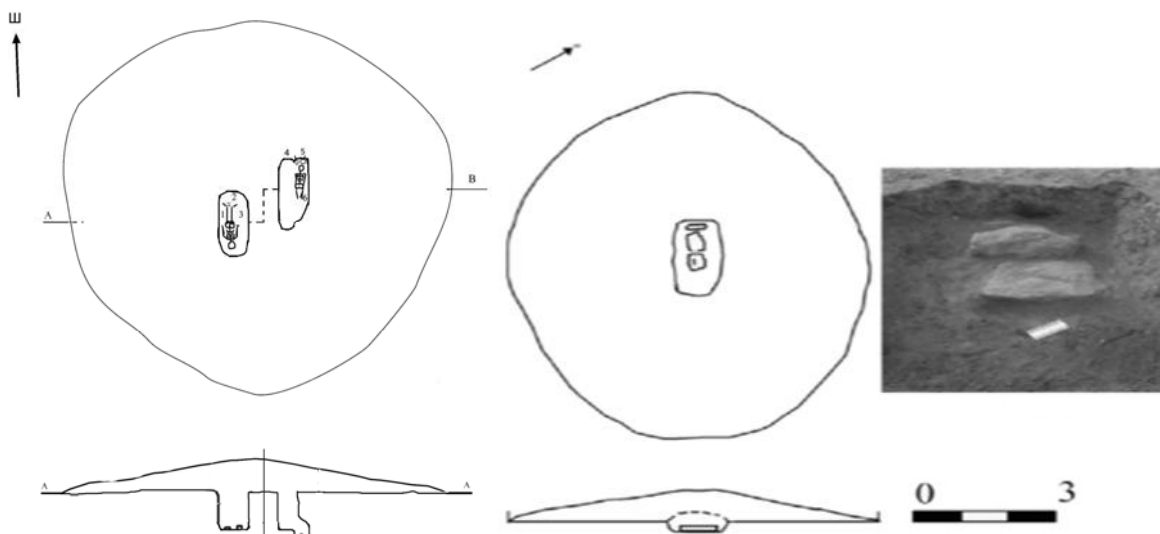
Култепа қабристонини ўрганган А.А. Грицинанинг таъкидлашича, “бу ерда уч хил: ўра, циста ва ёрма шаклидаги қабрлар мавжуд бўлган” (Грицина, 1992. С. 200). Ўра қабрлардан фойдаланиш хронологик жиҳатдан узоқ муддат, саклар давридан то ўрта асрларгача (кўплаб ҳудудлар, жумладан Уструшонанинг Фориш воҳасида ҳозирги пайтда ҳам) кузатилади. Уструшонадаги Қоратош, Қулписар, Хўжаи Сароб, Ғулбо, Қоратепа ва Беккелди мазоркўрғонларида ўра қабрлар қайд қилинган (1-жадвал).

Фориш худудидаги Қамиш мазоркўрғонларини ўрганиш мобайнида шу пайтгача бу ўлкада ўрганилган мазоркўрғонларда нима учун жасадлар сақланмаганлиги масаласига оидлик киритиш имконияти пайдо бўлди. Маълум бўлишича, воҳада ўра қабрлар билан биргаликда, ўзига хос ер усти дафн иншоотлари (тош даҳмалар) ҳам мавжуд бўлган. Улар деярли ер устида (0,3 м чуқурликда) жойлашган бўлиб, ана шу сатҳда тошдан ясалган махсус суфа мавжуд. Марҳум эса ана шу суфа устига ётқизиб дафн этилган (2-расм, 2). Унинг устидан эса тупроқ ва тошлар билан кўрғон кўтарилган. Марҳумни бундай ҳолатда, деярли ер устига дафн этиш жасад суякларига иссиқ ва совукнинг, ҳатто ёғин сочиннинг таъсир кўрсатишига сабаб бўлган. Натижада, майит суяклари асрлар мобайнида ўз ҳолатини йўқотиб, титилиб кетган. Бу дафн маросимлари Фарғона водийси ва Чоч худудидаги курум ва муғхоналарга ҳам ўхшаш (Литвинский, 1972. С. 137-145. Табл. 87-91). Қабр устида кўтарилган кўрғон эса, Ўрта Осиёда кўплаб ўрганилган мазоркўрғонлар кўринишига эга. Бу дафн маросимлар қайсидир маънода курум ва муғхоналар билан мазоркўрғонлар оралиғидаги ҳолатга ўхшайди. Тош суфа ва қамиш буйра функцияси бир хил. Майитни бундай тўшама устига қўйиш, кўчманчилар дафн маросимларида кўп учрайди. Маълумки, дафн маросимида буюмлар қабрга, жасад билан бирга унинг ёнига қўйилади. Мазоркўрғонларга тегишли кулоллик идишларига иссиқ ва совуқ таъсир кўрсамаганлиги сабабли улар яхши сақланган. Бу сопол буюмлар III-IV асрларга оид бўлиб, уларнинг деярли барчаси Қовунчи маданиятига хос.

Кўрпа мазоркўрғонлари, Шароф Рашидов тумани, Кўрпа қишлоғи атрофидаги баланд тоғ ёнбағирларида жойлашган тош даҳмалардан 200 дан ортиғи қайд қилинди. Бироқ, уларнинг тузилиши ва шакли Қамиш мазоркўрғонларидан фарк қилади. Бу ердаги қабрлар устида тупроқ уюми йўқ ва улар асосан тоғнинг тошли

1- жадва. Уструшонада ўрганилган қабр типлари

Ёдгорликлар номи	Жами қайд қилинган	Ўрганилган қабрлар	Ўра қабрлар	Ёрма қабрлар	Айвонли лаҳад	Катакомба		
						Кенкўл типда	Лавонд оқ типда	шакли номаълум
Ширинсой	30	28	2	9	12	2	3	
Қоратош I, II	22	4	1	3				
Қулписар	25	12	7	5				
Хўжаи Сароб I, II	120	1	1					
Қамиш	42	3						3
Учтепа	3	1				1		
Сағанок	3	3				3		
Ғулбо	24	6	1	1	1	3		
Кўрпа	55	4	3			1		
Қоратепа	21	4		2				2
Беккелди	11	3	2	1				
Жами:	356	69	17	21		10	3	18

2- расм. 1. Фулбо № 5 мозорқўрғонидаги айвонли лаҳад ва ёрма қабрларнинг умумий шакли; 2. Қамиш мозорқўрғонларидаги ер усти дафн иншооти

жойида тоғнинг тепа қисмига қараб тизилиб жойлашган. Бу ерда қайд қилинган тош даҳмалар кейинги пайтда Сурхондарё худудида ўрганилаётган тош даҳмаларга айнан ўхшаш (Тошалиев, 2018. Б. 79-81). Кейинги тадқиқотлар бу дафн иншоотлари масаласидаги қарашларимизга ойдинлик киритади деган умиддамиз.

Милоддан аввалги I минг йилликнинг сўнги чорагига келиб Ўрта Осиёда янгича кўринишдаги (катакомба, айвонли лаҳад ва ёрма) қабрларни кенг ёйилиши масаласи шу пайтгача археология фанида баҳсли бўлиб, уни олимлар турлича асослашади. Маълумки ўра гўрлар Евросиёнинг бронза даври кўчманчи қабилалари – Андронова жамоалари ва улар билан тарихий илдизлари тутшиб кетадиган саклар даврига хос ҳисобланади. Ўрганилаётган пайтда ўра қабрлар билан биргаликда янгича шаклдаги – катакомба, айвонли лаҳад ва ёрма гўрлар кўп учрайди. Бу эса ушбу қабрларни, бу шаклдаги гўрлардан кўп фойдаланган ва мил. авв. III-II асрлардан бошлаб Ўрта Осиёга кириб келган – хун, юечжи, усун ва сарматлар билан боғлиқ деган фикрни айтиш имконини берган бўлсада, археология фанида бу масала бугунги кунгача мунозарали бўлиб қолмоқда.

Н.Г. Горбунова катакомба қабрларни хун, усун, юечжи ва сарматларга тегишли, деб таъкидлаган (Горбунова, 1981. С. 97). С.С. Сорокин катакомба қабрларнинг Ўрта Осиёда кенг ёйилишининг хунлар билан боғлиқлиги масаласини “ўта нотўғри ва тарихий жараёнга мос келмайди” деган кескин фикр билан инкор этган ҳолда унинг Ўрта Осиё туб жой аҳолиси учун хослигини (Сорокин, 1956. С. 116), Ю.А. Заднепровский эса, С.С. Сорокиннинг фикрини инкор этиб, Фарғона лаҳадли қабрлари ҳақида “менимча уларнинг келиб чиқишига ёндашишда маҳаллий илдизларни ғарбий (сармат-алан) ва шарқий (хун) таъсирлардан фарқлаш керак... мил. авв. III-II асрларда Фарғона водийсида олдинги вақтларда кузатилмайдиган қабр иншоотлари – катакомба ва айвонли лаҳад қабрлар пайдо бўлади. Археологик ва антропологик материаллар катакомба ва лаҳадли қабрларнинг маҳаллий илдизларга эга деган фикрга қарши ўлароқ, ташқаридан кириб келганлиги ҳақида маълумот бермоқда” деб, айвонли лаҳад қабрларнинг юечжилар билан боғлиқлигини таъкидлайди (Заднепровский, 1956. С. 98).

Б.А. Литвинский эса, катакомба ва айвонли лаҳад қабрларнинг Ўрта Осиёда тарқалиши умумий илдизга эга бўлиб, улар маҳаллий илдизларга эга ва у хунлар ёки юечжиларни Ўрта Осиёга кириб келиши билан боғлиқ эмас, улар кўпроқ сарматлар билан моддий, маънавий алоқалар натижасида яна тез оммалашган деган фикрни илгари сурган (Литвинский, 1972. С. 68-70). А.Н. Бернштам Еттисув ва Фарғонада мумтоз катакомба ва айвонли лаҳад қабрларнинг янгидан пайдо бўлишини, янги этник қатлам шимолий хунлар билан, К. Йетмар эса ғарбий қабилалар, яъни сарматлар билан боғлиқ деган фикрларни билдирган (Бернштам, 1951. С. 113-116; Бернштам, 1950. С.69). О.В. Обельченко Зарафшон воҳасидаги катакомба ва айвонли лаҳад қабрларни сармат қабилаларининг кириб келиши билан боғлайди (Обельченко, 1961. С. 98). Хуллас, ушбу хилдаги қабрларнинг пайдо бўлиши ва ёйилиши ҳақида шу пайтгача ягона фикр йўқ.

Катакомба ва айвонли лаҳад қабрларни маҳаллий илдизларга эга дейишга ҳам асос бор. Чунки, бу шаклдаги қабрлар Ўзбекистон худудида жез даврига оид Сополлитепа ва Замонбобо ёдгорликларида ўрганилган (Аскарлов, 1973. С. 73-85). Бироқ, илк темир давридан антик давргача ўра қабрлар кўп учрагани ҳолда бу шаклдаги қабрлар учрамайди. Катакомба ва айвонли лаҳад қабрларнинг антик даврдан бошлаб кенг оммалашшига катакомба ва айвонли лаҳад қабрлардан кенг фойдаланган юечжи, хун, усун ва сармат қабилаларининг Ўрта Осиёга кириб келиши ҳамда маҳаллий аҳоли ҳаётидаги дафн этиш билан боғлиқ диний эътиқод ва урф-одатларнинг такомиллашуви ҳам сабаб бўлган.

Ушбу қабрларни қайси халқларга тегишли эканлиги ва Ўрта Осиёда кенг ёйилиши масаласига дафн маросимларини таҳлил қилиш орқали ҳам аниқлик киритиш мумкин. Маълумки, Уструшона мазорларида марҳумлар боши асосан жануб ва шимолий томонга қўйиб дафн этилган. О.В. Обельченко, жанубий йўналишда дафн этишни кўпроқ милоддан олдинги қабрларда кузатилишини таъкидлайди (Обельченко, 1992. С. 144). М.И. Филанович марҳум бошини жанубга қаратиб қўйиш одати “янги кириб келган халқлар билан боғлиқ” деб, эътироф этади (Филанович, 2010. С. 85). Бу фикрлар қабрларда ўрганилган ашёвий манбаларнинг даврий мансублиги билан ҳам мос келади. Демак, Уструшона мазорқўрғонларидаги жанубий йўналишда дафн этиш, кўпроқ, янги кириб келган халқлар билан боғлиқ бўлган.

Археологик маълумотларга кўра, юечжилар вафот этганларнинг бошини тери билан ўраб, шимолга қаратиб дафн этишган (Хўжаев, 2013. Б. 189). Ғулбода қайд қилинган шимолий йўналишда дафн этиш ва жасад ёнига қўйилган буюмларнинг юечжилар маданиятига яқинлиги, бу қабрларни юечжиларга мансуб, деб тахмин қилишимизга сабаб бўлмоқда. Фикримизни, юечжиларнинг Шимолий Бактрияга кириб бориши ва ҳокимиятни эгаллаши ёки Фарғонада сиёсий ҳокимиятнинг мил. авв. I асрнинг иккинчи ярмида катта юечжилар кўлида бўлганлиги ҳақидаги қарашлар янада бойитади (Анарбоев, 2017. Б. 66). Айтиш мумкинки, жамият тобора тараққий этиб кишилар дунёқараши кенгайиб боргани сари, ўша давр кишиларининг нариги дунё ҳақидаги тасаввурлари ҳам кенгайиб, улар оммалашиб борган. Ушбу жараён марҳумни “ўликлар мамлакати”га улуғлаб, тантанали “кузатиш” ни ҳам тақозо этган. Бунинг учун қабрларга озиқ-овқат ва бошқа буюмларни қулай жойлаштириш зарурияти вужудга келган. Дафн буюмларини зарар етмайдиган қулай тарзда ўрнатиш – қўйиш учун эса ўрадан кўра кўпроқ катакомба, айвонли лаҳад ва ёрма қабрлар қулай бўлган. Бундай ҳолатларни қўшни минтақаларда ҳам

кузатилиши, Ўрта Осиё худудида шу даврда миграция жараёнлари билан боғлиқ, мураккаб ижтимоий-сиёсий ва этник жараёнлар содир бўлганлигидан далолат беради.

Хулоса қилиб айтадиган бўлсак, Уструшона халқларининг дафн маросимларида аждодларимизнинг ўша даврда ҳам азалий маънавий қадриятларга, ўзини ўраб турган борлиқ – она замин ва табиатга нисбатан беқиёс эъзозда бўлганликлари, ўтганлар, умуман, барча аждодлар руҳига нисбатан алоҳида хурмат кўрсатганликлари сезилади. Дафн маросимидаги ҳар бир тартиб муайян маъно ва моҳиятга эга бўлган ва оғишмай бажарилган. Бу маросимда ижро этилган амаллар марҳумни нариги дунёга кузатишда, унга нисбатан юксак хурмат кўрсатилганлигидан дарак беради. Қабр тузилишидаги ўзгаришлардан эса, чорвадор аҳолининг қадимий анъаналарни сақлаган ҳолда янги маданияга тегишли урф-одатлар, жумладан дафн маросимларини ҳам қабул қилиб борганлиги сезилади. Мозоркўрғонларни ўрганиш эса, қадимги давр аҳолисининг моддий ва маънавий ҳаёти, ижтимоий-сиёсий тузуми ҳамда турмуш тарзи ҳақида асосий маълумот берувчи манба сифатида муҳим аҳамиятга эга.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Авзалов Р.З., Самойлик П.Т. Майдонисайские погребения // АРТ. Вып. 16. Душанбе, 1982.
- Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
- Анарбоев А.А. Фарғонанинг антик ва ўрта асрлар даври шаҳар маданияти. Маъруза шаклидаги докторлик диссертацияси. Тошкент, 2017.
- Алимов У.А. Отчёт Джизакского археологического отряда за 1975 г. // Архив ИА АН РУз. Самарқанд, 1975.
- Аскарлов. А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Бернштам А.Н. Чуйская долина // МИА. Вып. 14. М.-Л., 1950.
- Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.
- Гайдукевич В.Ф. Могильник близ Ширинсая в Узбекистане // СА. Вып. 26. М., 1952.
- Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АС. Вып. 25. Л., 1984.
- Горбунова. Н.Г. О типах Ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н.э. // АС. Вып. 22. Л., 1981.
- Грицина А.А., Усманова Е.Л. Изучение могильника XII — начала XIII в. на городище Культепа // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992.
- Заднепровский Ю.А. К истокам кочевников Средней Азии Кушанского периода // СА. Вып. 30. М., 1956.
- Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.). Фрунзе, 1960.
- Заднепровский Ю.А. К истории кочевников Средней Азии Кушанского периода // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1975.
- Максимова А.Г. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-ата, 1969.
- Матбабаев Б.Х. Шимолий Фарғонанинг қадимги мозорларини ўрганишга доир (Говасой ва Косонсой хавзалари) // ЎИФ. Нашр. 6. Тошкент, 1993.

- Матбабаев Б.Х. Одиночные погребения могильника Мунчактепа (К вопросу изучения погребальных сооружений Северной Ферганы первой половины – середины I тысячелетия н.э.) // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.
- Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. (Погребальный обряд в свете этнографии). М., 1972.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Мирбобоев А.К. О работах Чоркуйского хоздоговорного отряда в 1981 г. // АРТ. Вып. 21. Душанбе, 1988.
- Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
- Обельченко О.В. Культура античного Согда. М., 1992.
- Сорокин С.С. Средне Азиатские подбойно-катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. Вып. 26. М., 1956.
- Тошалиев Қ. Ўрта Осиё даҳмалари // Марказий Осиё тарихи ва археологияси муаммолари. Самарқанд, 2018.
- Филанович М.М. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент, 2010.
- Хўжаев А. Фарғона тарихига оид маълумотлар. Фарғона, 2013.

УДК:

**МОГИЛЬНИК МУНЧАКТЕПА. РЕСТАВРАЦИЯ ИЗДЕЛИЙ
ИЗ ОРГАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ (V-VI ВВ.)**

© 2019. Б.Х. Матбабаев, М.А. Реутова

Институт археологических исследований Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: Мунчактепа, археологическое дерево, реставрация, консервация, полимеры.

Мақолада V-VI асрларга оид Мунчоқтепа саганалардан аниқланган ёғочдан тайёрланган буюмларни таъмирлаш ва тиклаш ҳамда сақлаш шароитларини ўрганишга бағишланган.

**MUNCHAKTEPE CEMETERY. RESTORATION OF ORGANIC ARTIFACTS (V-VICENTURIES)
B.H. Matbabaev, M.A. Reutova**

Process of preservation and restoration, condition of storage of archaeological subjects of the wood, found in the unearthed crypts of an ancient burial ground of Munchaktepe II, dated V-VI centuries AD are described.

При археологическом изучении могильника Мунчактепа, расположенного на правом берегу Сырдарьи, в 1,5 км от города Пап Наманганской области, были обнаружены подземные склепы с захоронениями в гробах из камыша с сопроводительным инвентарем. Среди этих уникальных предметов сохранились изделия из природных органических материалов - дерева, камыша, тыквы, кости, фруктовых косточек, кожи (Matbabaev, Zhao Feng. 2010).

Обычно такие органические материалы, находясь в земле, подвергаются биологической и химической деградации. Однако материал может хорошо сохраниться благодаря экстремальной сухости или влажности, или находясь в условиях вечной мерзлоты. При других же условиях происходит частичное или полное разрушение органики. В нашем случае, благодаря постоянному температурно-влажностному режиму, сохранявшемуся в склепе в течении тринадцати веков, изделия из органических природных материалов сохранились довольно хорошо.

В данной статье мы остановимся на описании процесса консервации и реставрации находок, изготовленных из дерева и древесных материалов.

Дерево, как органический материал, подвержено старению и воздействию различных разрушающих факторов, из которых основными являются биологические. Поэтому мы имеем дело с частично разрушенным деревом, материалом с измененными прочностными и структурными характеристиками, в большей или меньшей степени зараженным бактериями и дереворазрушающими насекомыми.

Учитывая эти факторы мы начинали консервационные и реставрационные работы над материалами из склепа № 5 могильника Мунчактепа II.

Практикой установлено, что если после извлечения из раскопа изделия из древесины остаются без присмотра, они сохнут и разрушаются. При высыхании древесина теряет влагу, затем растрескивается и осыпается. Поэтому деревянные предметы после извлечения из гробов из камыша сразу же помещались в полиэтиленовые пакеты с целью предотвращения быстрого испарения влаги. Сушка проводилась в замедленном варианте.

При раскопках деревянные изделия были зафиксированы как в склепах Мунчактепа, так и в единичных погребениях этого могильника. Было найдено 16 ножен, 11 гребней, 10 бусин, 10 сосудов, 6 ушек для древков стрел, 2 столика и 13 предметов различного назначения. Среди них - деревянная ложка, чаша для весов, рукоятка плети, предмет для добывания огня и др. (Матбабаев Б.Х., 2009. С. 61-79).

Деревянные чаши были круглодонные и плоскодонные. На некоторых из них имеются кольцевые рельефные валики. Это следы обработки на токарном станке. Хорошо сохранилась одна полусферическая миска с округлым дном, у которой по краю бортика в трех местах на равном расстоянии друг от друга вбиты бронзовые гвоздики. Этот деревянный предмет, судя по проведенным этнографическим параллелям, служил в качестве чаши для весов.

Также был обнаружен деревянный футляр для музыкальных инструментов. Он был изготовлен из цельного куска дерева, имеет цилиндрическую форму, плоскодонный. В середине сосуда с внешней стороны имеется горизонтальное кольцевое углубление. Видимо, оно было сделано для подвешивания футляра. Найдена колодка для изготовления обуви, выполненная также из целого куска дерева.

Найденные деревянные столики (два экземпляра) были изготовлены из цельных кусков дерева. Они имели по 4 невысоких ножки. Подобные столики были широко распространены на территории Средней Азии в эпоху раннего средневековья. Таким образом, в быту раннесредневековое население древней Ферганы широко употребляло дерево и умело искусно его обрабатывать. Проведенный анализ древесины показал, что были использованы местные породы дерева - тополь, целтус и боярка (Матбабаев, 2009. С. 61-62).

Осмотр предметов показал, что некоторые из них сохранились практически полностью, имеются лишь небольшие трещины (рис. 1). Другие, практически целые, имели поверхностную деформацию (рис. 2). Вероятно, под воздействием продуктов гниения древесина размягчилась, а под давлением оседавших вышерасположенных гробов происходила деформация поверхности деревянной посуды. Имелись предметы, поверхность которых была изъедена древесными жучками или частично разрушена (рис. 3).

Реставрация деградированной древесины состоит в очистке поверхности, упрочнении материала посредством пропитки закрепляющими составами, выправлении деформаций и восстановлении ее целостности (соединение сломанных частей и восстановление утраченных участков поверхности), защитная и декоративная обработка поверхности предметов.

Консервация предметов, изготовленных из дерева, включает в себя пропитку консервантом для увеличения механической прочности. При консервации происходит укрепление физико-механических свойств древесины за счет использования специальных химических веществ, причем изменение внешнего вида предмета должно быть минимальным. Кроме того необходимо, чтобы используемые консо-

лиданы обладали свойством обратимости, то есть они должны быть обратно растворимы и их можно было бы извлечь из предмета.

Количество поглощенного консерванта зависит от степени разрушения древесины и свойств поглощаемого консерванта. При поглощении растворов полимера наблюдается постепенное проникновение раствора в структурные элементы древесины, причем полимер отстает от фронта растворителя. После завершения пропитки происходит перераспределение полимера между раствором в межклеточном пространстве и структурными элементами древесины - древесина постепенно обогащается более высокомолекулярными фракциями полимера, что положительно сказывается на физико-химических свойствах закрепляемой древесины. Это определяет желательность длительной пропитки древесины с целью более глубокого проникновения консервантов в структуру древесины.

Для консервации древесины используются различные растворы полимеров. Например, для стабилизации состояния деревянных досок, которые использовались при изготовлении гроба Амира Тимура, был использован раствор ПБМА в ксилоле и ацетоне (Абдуразаков, Ильхамов, 1981. С. 61-63). Существуют и другие способы консервации древней древесины – с использованием клея БФ-4 и БФ-6, фенолоспиртов, глицерина, поливинилового спирта, полиэтиленгликолей, полиметилфенилсилоксанов и их смесей (Никитин, Мельникова, 1990. С. 122-125). При вскрытии склепа и первичной обработке деревянных предметов в 1988-1990 гг. мы использовали 2,5%-ный раствор поливинилбутираля (ПВБ) в этиловом спирте. Спиртовый раствор ПВБ очень хорошо впитывается пористой древесиной и не изменяет ее естественного цвета. После 3-4 кратного нанесения консерванта предмет заворачивали в полиэтиленовую пленку, чтобы замедлить процесс испарения растворителя и обеспечить более глубокое проникновение консерванта вглубь предмета.

После процесса закрепления структуры древесины мы проводили реставрацию предметов. Разломанные предметы мы склеивали, используя 20%-ный раствор полибутилметакрилата в ацетоне. Предварительно поверхности слома мы два раза пропитывали слабоконцентрированным раствором этого консерванта (для лучшей адгезии клея). Как было сказано выше, поверхность некоторых предметов была выщерблена или на ней имелись трещины. Для придания поверхности гладкой формы и заделки трещин мы использовали воско-канифольную мастику. В нагретом полужидком виде мы заливали трещины и мастиковали утраты (рис. 4, 5). Отреставрированная деревянная посуда и небольшой сосуд, изготовленный из тыквы, представлены на рис. 6.

Одними из уникальнейших предметов, обнаруженных в склепе № 5, были корзины тонкого, изящного плетения с остовом из тонких прутьев. Они изготовлены техникой спирального плетения, обручи соединяются попарно лыком. Внутри корзинок находились косметические наборы, кости птиц, косточки фруктов, веретена с керамическими пряслицами. Сохранность корзин была различной. Одни сохранились практически полностью (рис. 7, 8), другие были разрушены и деформированы.

Проведена реставрация таких плетеных корзин. Корзинка В-1, круглой формы, высотой 11,2 см, диаметром 20,6 см. Низ корзинки и крышка сохранились довольно хорошо. Гнутые обручи дна корзинки сохранились почти полностью. Но фрагменты плетения присутствуют только на двадцать процентов. Боковые стенки сильно деформированы. Корзинка разломана на два крупных куска и 9 мелких фрагментов (рис. 9). Поскольку боковая сторона деформирована, фрагменты плохо стыкуются

Рис. 1. Чаша для весов

Рис. 2. Чаша с деформированными краями

Рис. 3. Поврежденные деревянные чаши

Рис. 4. Чаша до реставрации

Рис. 5. Чаша после реставрации

Рис. 6. Отреставрированная посуда

Рис. 7. Плетенная корзина

Рис. 8. Плетенная корзина

Рис. 9. Корзина до реставрации

Рис. 10. Корзина после реставрации

Рис. 11. Корзина до реставрации

Рис. 12. Корзина после реставрации

между собой. Их слегка увлажняли, затем выгибали и высушивали. Склеивку фрагментов проводили высококонцентрированным раствором ПБМА. Отпавшее плетение приклеивали клеем ПВА. Затем боковую часть приклеили к днищу корзинки. Имеющиеся пустоты заполнили воско-канифольной мастикой и затерли древесной крошкой для экспозиционного вида. Саму корзинку и крышку пропитали 1,5%-ным раствором ПВБ в спирте (рис. 10).

Корзинка овальной формы. Она лежала в слоях между гробами, возле стены склепа. Боковая часть деформирована – имеет наклон во внутреннюю часть. Отпали отдельные кусочки гнущего плетения. Крышка корзинки сохранилась плохо

(рис. 11). Верхняя часть частично утрачена, боковых сторон у крышки нет. Была проведена следующая работа по реставрации корзины:

1. Склейка рассыпавшихся фрагментов ободков и их фиксация;
2. Устранение деформаций увлажнением и фиксацией в нужном состоянии;
3. Склейка отпавшего плетения клеем ПВА;
4. Пропитка 1,5%-ным раствором ПВБ в спирте.

Плетенная корзина овальной формы после проведенной реставрации представлена на рис. 12.

Для сохранения внешнего вида и внутренней структуры предметов из древесины после консервации большое значение имеет режим хранения. Наилучшими условиями хранения для обработанных деревянных предметов являются: температура 17-19°C, относительная влажность 50-60%, освещенность 150 люкс, отсутствие прямых источников света, теплового потока и отсутствие в воздухе примесей дыма и других вредных веществ (Самашев и др. 2004. С.89).

Использованная литература

- Абдуразаков А.А., Ильхамов Ш.И. Реставрация редкого памятника средневековья // *Общественные науки в Узбекистане*. Ташкент, 1981. № 9.
- Матбабаев Б.Х. К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. Ташкент, 2009.
- Никитин М.К., Мельникова Е.П. Химия в реставрации. Л., 1990.
- Самашев З.С., Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Консервация и реставрация деградированной древесины Берельского кургана № 11. Алматы, 2004.
- Vokijon Matbabaev, Zhao Feng. Early medieval Textiles and Garments of Ferghana Valley by materials from the burial ground of Munchaktepe in Uzbekistan. Shanghai, 2010.

УДК:

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ ЛАНГАРСАЙСКИЙ ОАЗИС КАШКАДАРЬСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2019. Ш.Б. Шоназаров

Национальный университет Узбекистана

Ключевые слова: селение, Лангарсай, объект, ритуал, валун, углублений, *кадамжо*, памятник, мавзолеей, погребения, суфии, гранит, камен, яйцевидный, углубления, скала, эпоха, бронза, обживания, атмосфера, выветривание, святыни, культ, почитания, поклонения, след, стопа, сооружения, могила, мазар, пещера, вода, целебный, молящий, антропоморфный, континент, менгир, чашевидный, знак, лунки, жреческий, ритуал, жертвоприношения, алтарь.

Ушбу мақолада Қашқадарё вилояти Чироқчи тумани Лангар қишлоғидан оқиб ўтадиган Лангарсой дарёсининг ўрта оқимида тоғиб ўрганилган бир қанча йирик дарё тошларининг юза қисмига ўйиб туширилган тухумсимон чуқурчалар, тўрсимон чизиқлар туширилган тўғритўртбурчак шакллар ўрганилиб, илк маротаба илмий муомалага киритилган. Мақоланинг илова қисмида келтирилган суратларда белгилар туширилган дарё тошларининг жойлашуви, улар орасидаги масофалар ва эгаллаган майдонига қараб хулоса чиқариши мумкин. Қишлоқ аҳолиси ушбу тошлардаги белгилар ҳақида ҳеч нарса билмаслигини, фақатгина ўзларининг аجدодларидан қолган ривоятларни билишларини айтишади. Шундай бўлсада, бу каби ёдгорликлар бугунги кунда ҳар қандай сунъий таъсирлардан холи. Маҳаллий аҳоли томонидан авайлаб асраб келинмоқда. Фақатгина вақти-вақти билан об-ҳавонинг таъсири остида тошларда емирилиши жараёни юз бермоқда. Лангар сой воҳаси бронза давриданоқ одамлар томонидан ўзлаштирилган. Йирик дарё тошлари улар учун сигиниши жойи бўлган. Тошларга ҳар хил белгилар тушириб урф-одатларини бажо келтирганлар. Аҳолининг қадимги эътиқоди ислом динига сингиб кетади.

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF THE LANGARSAY OASIS OF THE KASHKADARYA PROVINCE

Shonazarov Sh.B.

The Langarsay (inflow of the river of Kashkadarya) in Chirakchi district of the Kashkadarya Province was surveyed, where large boulders with numbers of deepening and lattice in rectangular framework have been found. This area was inhabited since the Bronze Age, when these sanctuaries in the form of the large boulders weighing some tons were constructed.

В селении Лангар тянущемуся вдоль Лангарсая (приток р. Кашкадарья) в Чиракчинском районе Кашкадарьинской области нами было выявлено и обследовано несколько редких объектов ритуального назначения. Это крупные валуны в русле сая на поверхности которых выбиты ряды углублений. В другом случае выбита решетка в прямоугольной рамке (рис. 1)

Первый большой валун с чашевидными углублениями называется «Кадамжо». Этот объект с глубокой древности являлся местом поклонения над которым в средневековье возвели мавзолеей и увязали его с погребением одного из первых исламских суфиев захороненного в центре селения Лангар (Рис. 2).

Второй большой валун с чашевидными углублениями находится на левом берегу русла сая Лангар. Он лежит 25 м к северу, у дороги, близ моста через речку.

Представляет из себя крупный сильно окатанный блок плотного гранита размерами 2x1,15x0,85 м. На верхней гладкой поверхности камня сохранилось 7 чашевидных углублений глубиной до 5-8 см, длиной 33-36 см и шириной – 20-25 см. (Рис. 3). Подобные углубления на камнях и скалах обычно относятся к эпохе бронзы. Ранее на Лангаре нами были обнаружены следы обживания эпоха бронзы.

Третий большой валун с чашевидными углублениями находится на правом берегу русла сая Лангар. Он лежал 210-220 м к югу у дороги близ моста через речку. Представляет из себя крупный сильно окатанный блок плотного гранита длиной 3,60 м, шириной 2,40 м и высотой над поверхностью земли 1,90 м. На верхней гладкой поверхности камня сохранилось 22 яйцевидных углублений глубиной до 2,5-4 см, длиной 21-32 см и шириной – 14-27 см. (Рис. 4)

Четвертый валун с чашевидными углублениями находится на левом берегу русла сая Лангар. Он лежал 100-110 метр от третий большой валун. Представляет собой сильно окатанный блок плотного гранита длиной 1,40 м, шириной 1,10 м и высотой над поверхностью земли 0,50 м. На верхней гладкой поверхности камня сохранилось 5 яйцевидных углублений глубиной до 2-4 см, длиной 17,5-30 см и шириной – 8-16 см. (Рис. 5)

Пятый валун с изображением игровой доски расположен сверху четвертого валуна. Представляет собой плотный гранит длиной 1,50 м, шириной 1,0 м и высотой над поверхностью земли 0,73 м. (Рис. 6)

По фотографическому снимку можно судить о расположения камней, расстояния между ними и занимаемой ими площади. Окрестные жители говорят только то, что они знают из рассказов своих предков. Памятникам этим не грозить опасности от размывания водою, обвалов, каких либо искусственных сооружений и тому подобных причин. Но от времени, от разных атмосферических причин могут, грозит выветривание что наблюдается и теперь.

Таким образом, уже с эпохи бронзы долина Лангар сая было обжита людьми и они имели свои святилища в виде больших валунов весом несколько тонн, на которых они выбили овальные углубления и совершали свои ритуалы. С приходом ислама эти древние святыни были увязаны с культом исламских святых.

В Средней Азии традиция почитания камней распространена очень широко. По наблюдениям Т.С. Саксанова в Ферганской долине объектами поклонения являются, валуны и груды камней (Саксанов, 1991. С. 56). При описании комплекса места паломничества и поклонения Шахимардану О.В. Горшунова указывает на существование там огромных размеров почитаемой каменной глыбы (Горшунова, 2007. С. 443).

Существуют места поклонения, связываемые с деятельностью святых, близ которых иногда сохраняется камень со следами, стопы его часто называют кадамжай - след [святого]. Если над таким следом построено культовое сооружение, имитирующее могилу, то это место также именуют – мазар (Огудин, 2003).

В 1897 году С. Лидский в окрестностях селения Ходжакента (Ташкентская область) открыл почитаемые местными жителями следы халифа Али в виде углубления в скале, куда он клал свою чалму и следы копыт его знаменитого коня Дульдудля в виде круглых ямок. А.А. Бобринский, исследовавший памирский исмаилизм, упоминает о мазарах на реке Гунт. На одном из них, на скале есть углубления, считают, что его оставил след руки святого Зейд-аль-Обедин. В 1953 С.М. Абрамзон в Южной Киргизии был осмотрен мазар Токбай-Ата - гора, на вершине кото-

рой в пещере находится камень с углублением, в котором скапливается вода. Сюда что бы излечиться этой водой часто приходили бездетные женщины (Лидский, 1897. №48; Бобринский, 1902. с.18; Абрамзон, 1971.с.402.).

В.Л. Огудин сообщает о скале при святыне Тахти Сулайман («Соломонов трон»). Согласно этому исследователю, там находится два круглых углубления в горе; им приписывают целебное свойство, для чего молящиеся опускают в них свои больные головы (Огудин, 2003. С. 83.). На восточной вершине Сулейман то имеется множество культовых мест. Среди них так же встречается выбитые в камне чашечные углубления. Наблюдаются также выбитые, на горизонтальных плоскостях углубления - антропоморфные стопы, или следы (Аманбаева, Дэвлет, 2000.).

Судя по археологической и этнографической литературе ареал распространения таких культовых памятников очень широк. Они обнаружены на всех обитаемых человеком континентах, и большинство их датированы палеолитом. Но больше всего чашевидные углубления встречаются на территории Западной Европы, в горах Дагестана, Западного (Марковин, 1978; Валганов, 2004; Чурсин, 1928. № 4.) и Северного Кавказа (Бгажноков, 2013. Выпуск 2.; Аржанцева, Албегова, 1999.), на первобытных культовых площадках Среднерусской равнины и Русского Севера (Александров, 1983. Вып.175; Мизин, 1986; Формозов, М., 1980; Новицкий, 1988. № 1; Чернецова, 2007.), Беларуси (Дучыц, 1998; Винокуров, Дучиц, Зайковский, Карабанов, <http://kirjazh.spb.ru/history/vinokur.htm>.), Латвии (Уртанс, 1987.). Подобные углубления можно увидеть на скалах, на валунах, на стенах каменных гробниц, на менгирах и, нередко, вперемешку с различными рисунками.

Чашевидные знаки обнаруживают не только в Евразии, но и в Австралии, Америке, в Южной Африке – на скалах, на валунах, на стенах каменных гробниц, на менгирах, на сравнительно маленьких, «ручных» камнях, нередко вперемешку либо в композиционном единстве с геометрическими фигурами, с зооморфными и антропоморфными изображениями. В Германии такие камни известны под общим названием чашечных камней – Schalenstein, в Англии – под названием камней с чашевидными метками – Cup-Marked Stounes. В России их называют чашечниками или следовиками, а скальные выходы с большими углублениями, наполняющимися росной и дождевой водой, – чашеницами (Бгажноков, 2013. С.7.).

При обследовании разрушенных погребений каракольской культуры в огороде усадьбы с. Беш-Озек, найдены два чашечных камня, использовавшихся как стелы. Подобные монументы в археологической литературе получили название «чашечных камней», благодаря наличию на поверхности стел округлых чашечных углублений. В настоящее время ареал распространения чашечных камней Алтая ограничивается бассейном Урсула и приустьевой частью Чуи (Кубарев, Ойношев, Розвадовски, 2008. С.18.).

На Алтае известны каменные столы-алтари, валуны с многочисленными лунками (Досымбаева, 2007. с. 240.). Камни с лунками на Алтае находятся на территории родовых святилищ (Кубарев, 1987. с. 69.). На связь камней с лунками с обрядовой практикой, в которой непосредственное участие принимали женщины, наделенные жреческими функциями, указывают серия аналогичных памятников - камней с лункам, расположенные в ущелье Каргалы, неподалеку от места, где была выявлено богатое женское захоронение (Сараев, 2001. с. 23.).

Реконструированы ритуал жертвоприношения небу, по материалам святилища Мерке в Семиречье, где были скопления алтарей, жертвенников с лунками, сосре-

Рис. 1. Топографическая карта Эски Лангар

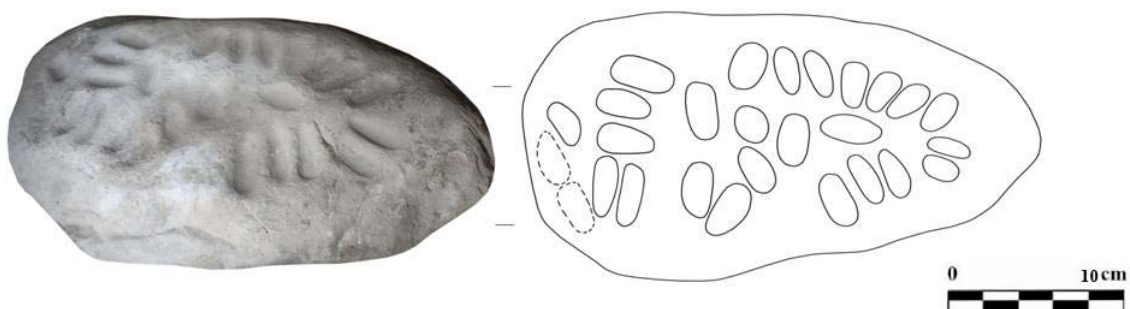

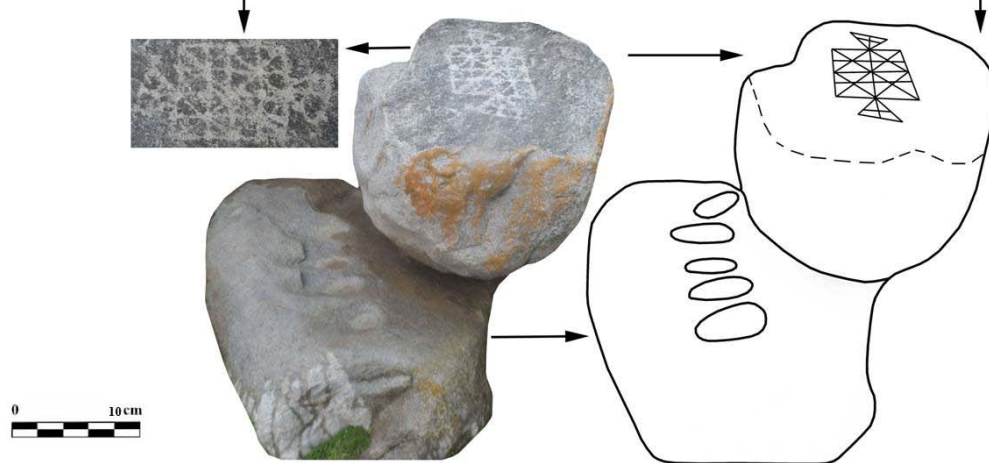
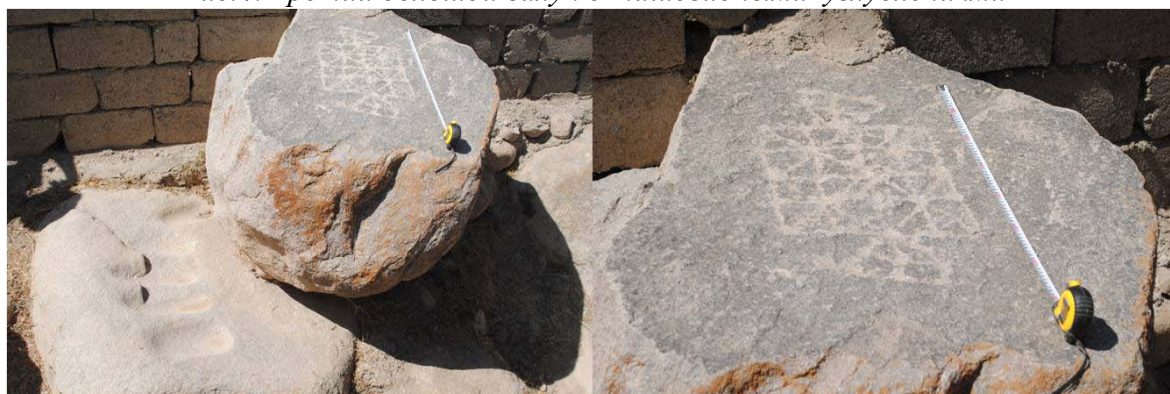
Рис.2. Первый большой валун с чашевидными углублениями. Кадамжю

Рис.3. Второй большой валун с чашевидными углублениями

Рис.4. Третий большой валун с чашевидными углублениями

Рис.5-6. Четвертый валун с чашевидными углублениями и изображением игровой доски

доточенные на террасе правого берега речки Тогансай. Здесь же находится удлиненной формы валун с рунической надписью в одну строку. Гигантский размер букв, манера расположения строки на камне с лунками, по мнению А.С. Аманжолова, показывает, что надпись - обращена к небу и прочесть ее можно, взирая на нее сверху. Вариант чтения предложенный профессором А.С. Аманжоловым близок контексту ритуала жертвоприношения, так как надпись гласит «уан», что означает «утешь/успокойся» (в контексте ритуала) (Аманжолов, 2006. с. 183-184.).

В юго-восточной части Азербайджана, на берегу Каспийского моря, в местности Гобустан в настоящее время обнаружены и зарегистрированы 152 камня с 436 чашечными углублениями (Малахат, 2007. с.101.).

В настоящее время существует множество самых разнообразных толкований по интерпретации чашечных углублений. Многими авторами они истолкованы в качестве астральных карт созвездий, хранилища даров для богов, как знаки направления или течения воды, как символы женского пола и т.д. Существует предположение, что следовики могли являться указателями направлений и располагались либо на древних тропах, либо около бродов, либо в других важных для путников местах. Этнографическими наблюдениями установлено, что в Южной Калифорнии они использовались для ритуальных церемоний, а в Северной Калифорнии они ассоциировались с ритуалом вызывания дождя. В Помо, индейской части Калифорнии они использовались в церемониях женского плодородия. Сочетания этих углублений ассоциировались также с созвездиями (Малахат, 2007. С.101.).

Как видим, мнения о назначении культовых камней весьма разнообразны. Приведенная нами информация об этих объектах на территории Эски Лангар вряд ли свидетельствует в пользу какого-то из них.

Сведения о камне с лунками в данном отчете приводятся впервые и нужно надеяться, будут обнаружены новые валуны такого типа, являющиеся важными свидетельствами духовной жизни наших предков.

Использованная литература

- Абрамзон СМ. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // КСИА. Вып. 175. 1983.
- Аманбаева Б., Дэвлет Е. О Сулайман-горе // Ош-3000. Национальная академия наук Кыргызской Республики. Государственная дирекция «Ош-3000» при Правительстве Кыргызской Республики. Бишкек. 2000.
- Аманжолов А.С. Две эпиграфические находки на юге Казахстана // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия обществ. Наук.1 (252) январь-февраль 2006 г. Алматы.
- Аржанцева И.А., Албегова З.Х. Культовые камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
- Бгажноков Б.Х. Сакральный смысл чашевидных знаков // Вестник КБИГИ (KVINR Bulletin). 1 (20). Нальчик. 2013.
- Бгажноков Б.Х. Чашевидные знаки кавказских дольменов // Археология и этнология Северного Кавказа. Выпуск 2. Сборник научных трудов к 75-летию Исмаила Магомедовича Чеченова. Нальчик, 2013.
- Бобринский А. А. Секта исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. М., 1902.
- Винокуров В.Ф., Дуциц Л.В., Зайковский Э.М., Карабанов А. К. Культовые валуны с рукотворными углублениями [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kirjash.spb.ru/history/vinokur.htm>.

- Горшунова О.В. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии // Диссертация на соиск. уч. ст. дин. М., 2007.
- Досымбаева А. О символиках сосуда в тюркском прикладном искусстве и его связи с идеей сакрализации пространства // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2007». 16-18 мая 2007. Актюбе, 2007.
- Дучыц Л. Культывыя камяш і дрэвы Беларусі // Медобори і духовна культура давніх сярэднявечных слов'ян. Львів, 1998.
- Кубарев В.Д. Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987.
- Кубарев В.Д., Ойношев В.П., Розвадовски А. Чашечные камни Беш-Озек // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Выпуск 7. Сборник научных трудов. Горно-Алтайск, 2008.
- Лидский С. Горные окрестности Ташкента // Туркестанские ведомости. 1897. №48.
- Малахат Н. Фараджева. Чашечные углубления Гобустана. Баку, 2007.
- Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Валганов С.В. Дольмены Кавказа. Реконструкция культа. М., 2004.
- Мизин В. Культывые камни и сакральные места Ленинградской области. СПб., 1986.
- Новицкий Е.Ю. Плита-жертвенник эпохи энеолита – ранней бронзы из Красноселки // СА. 1988. № 1.
- Огудин В. Л. Природные места поклонения в религиозных представлениях современного населения Ферганы // Диссертация на соискание д-ра ист. наук. М., 2003.
- Огудин В.Л. Трон Соломона. История формирования культа // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003.
- Саксанов Т.С. Паломничество к святым местам: традиция и современность. М., 1991.
- Сараев П., Первых Н.М. Каргалинские камни с чашевидными знаками // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001.
- Уртанс Ю. В. Культывые камни с углублениями в Латвии. // КСИА. М., 1987. № 190.
- Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980.
- Чернецова С.Б. Некоторые аспекты изучения культа камня на территории ярославского, ивановского и костромского Поволжья // Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ. Материалы конференции заочной межрегиональной университетской научно-практической конференция «Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ». Ярославль, 20 января 2008 г. Ярославль, 2007.
- Чурсин Г.Ф. Почитание гор, скал и камней у кавказских народов // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. 1928. № 4.
- <http://visitkashkadarya.uz/ru-ru/ThingsToDo/Things>.

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

YOUNG RESEARCHER
TRIBUNE

УДК: 551.12(575.1)

ШИМОЛИЙ БАКТРИЯНИНГ КУЧУК I ДАВРИГА ОИД МИТТИ ЎҒИРЧА ВА ЎҒИРДАСТАЛАРИ

© 2019. О.А. Хамидов

Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси
Археология тадқиқотлар институти

Ключевые слова: Бактрия, Бургуттепа, Кучук I, ўғирдаста, ўғирча, Зарабоғ суғорилиш райони, хаома, “Авеста”.

В данной статье приводятся описание и интерпретация пестика и ступки, которые были найдены в Зарабагском ирригационном районе. На основе археологических, текстологических данных приводятся аналогии миниатюрных пестиков и ступок Северной Бактрии. Анализируются хлоритовые изделия Средней Азии и Ирана. На основе комплексных исследований миниатюрные пестики и ступки Северной Бактрии эпохи Кучук I интерпретируются как один из артефактов культуры авестийской «Хаомы».

SMALL PESTLES AND MORTARS OF NORTHERN BACTRIA OF THE KUCHUK I PERIOD
O.A. Khamidov

This article focuses on the newly found artefacts in Zarabag irrigational region in Northern Bactria. Function of miniature pestles and mortar found here are discussed. Based on archaeological sources, analogues of miniature pestles and mortar in North Bactria has given. Also, the chlorite products of Central Asian and Iranian plateau are discussed. Miniature pestles and mortar belong to the period Kuchuk I in Northern Bactria are interpreted as of the cult of Haoma in Avesta.

Ўзбекистон-Чехия халқаро археологик экспедицияси Шимолий Бактрияда Кучук I даврига оид янги, Зарабоғ сунъий суғорилиш тизимини ва у ерда жойлашган 7 та янги ёдгорликни аниқлади (Шайдуллаев, Станчо, 2016; Шайдуллаев, Хамидов, 2017). Зарабоғ суғорилиш районида Кучук I даврига оид 27 та тошдан қурилган даҳма ва 170 дан ортиқ петроглифлар ҳам жойлашганлиги маълум бўлди (Augustinova, Stančo, 2016; Шайдуллаев, Хамидов, 2017).

Мазкур суғорилиш районида жойлашган энг асосий ёдгорликлардан бири Бургуттепа бўлиб, ёдгорлик GPS бўйича 66.789° N, 37.757° E географик кенлигида жойлашган. Ушбу ёдгорликда 2015-2018 йиллар мобайнида манзилгоҳнинг 9 та жойида қазилма ишлари олиб борилди. Ёдгорлик 1,20-1,30 метр қалинликдаги тош девор билан ўраб олинган (Stančo et al., 2016). Бу ерда илк зардуштийлик динини характерловчи моддий маданият намуналари, жумладан, “Авеста”да қайд этилган “ката” дафн иншооти қолдиқлари ўрганилди (Шайдуллаев, Хамидов, 2018). Шунингдек, зардуштийлик аънаналарига хос бўлган, илоҳий хаома ичимлигини тайёрлашда қўлланилган, Кучук I даврига оид тошдан ясалган ўғирча (ступка) ва ўғирдаста (пестик) топилди (ўғирдаста Бургуттепанинг № 3 қазилмасида аниқланган бўлса, ўғирча ёдгорлик атрофидан, кидирув тадқиқотлари давомида аниқланди).

Ўғир маҳаллий қорамтир тошдан (гранит) ясалган бўлиб, ип калавасини ўрашда ишлатиладиган ғалтакни эслатади (1-расм). Унинг устки қисмида, ўғирдаста билан урилиши натижасида емирилиб, чуқурча ҳосил бўлган. Баландиги 6,6 см, асосининг диаметри 5 см. Ўғирдаста эса қора хлорит тошдан “Т” ҳарфи шаклида ясалган (2-3-расм). Баландиги 7,2, диаметри 2,4 - 3,4 см.

Топилмалар миниатюра кўринишида бўлиб, бу ҳолат улардан диний-ритуал мақсадларда фойдаланилганидан далолат беради. Албатта, ушбу топилмаларнинг функциясини аниқлашда уларнинг аналоглари ва хлоритдан ясалган буюмларнинг тарқалиш географиясини таҳлил қилиш мақсадга мувофиқдир.

Бургуттепа ўғирчаси ва ўғирдастаси каби митти шаклдаги археологик артефактлар Кучук I даврига оид кўплаб ёдгорликларда қайд этилган. Шундай ёдгорликлардан бири Миршоди бўлиб, у ерда тўртта тўқ кулранг ўғирча қайд этилган бўлиб, уларнинг учтаси қора, ялтироқ рангга киргунча силлиқланган (4,1-5-расмлар). Ўғирчалар биконик шаклда бўлиб, юқори қисмида унча чуқур бўлмаган майдонча ҳосил қилинган. Баландиги 5 - 6,5 см, асосининг диаметри 3,5 - 7 см (Пугаченкова, 1971. С. 421; Беляева, Хакимов, 1973. С. 35-51; Pugachenkova et al. 1991, fig. 7-8). Тадқиқотчилар ушбу топилмаларни маҳаллий тошлардан тайёрланганлигини таъкидлашган (Пугаченкова, 1973. С. 78-80).

Бойсунтоғдан бошланадиган ва Сурхондарёга куйиладиган Ургулсойнинг (Бандихонсой) ўнг соҳилида Майдатепа (Бандихон I) жойлашган. Мазкур ёдгорликдан ҳам Бургуттепа ўғирчаси ва ўғирдастаси сингари, тошдан ясалган топилмалар аниқланган (5-расм). Тадқиқотчиларнинг фикрича, Майдатепа ўғирларига шакл ва ясалган ашёси бўйича энг яқин топилмалар Афғонистоннинг Тиллатепа, юқорида эслаб ўтилган Миршоди, Фарғона водийсидаги Чуст (Спришевский 1974, fig. 16,1; 17,1-2) ва Жанубий Туркманистоннинг Яз I даври ёдгорликларидан топилган. Шунингдек, муаллифлар аналогия географиясини кенгайтириб, Шарқий Европада қайд этилган археологик топилмаларга ҳам ишора қилган, уларнинг шаклан монандлигини таъкидлашган ва мазкур худуднинг дашт аҳолисига алоқадорлиги билан боғлашган (Сверчков, Бороффка, 2007. С. 111. Фото 11, 1-2; Бороффка, Сверчков, 2007. С. 86-96. Рис.4-5; Boroffka, 2009. Abb. 7; Boroffka, Sverchkov, in print. Fig. 9).

К. Абдуллаев тадқиқотларида Жондавлаттепанинг Кучук I даври маданий қатламларидан топилган ўғир тавсифи келтирилади. Ўғир хлоритдан ясалган бўлиб, ташқи томони силлиқланган, баъзи бир жойларида узоқ фойдаланилганлик туфайли ҳосил бўладиган кертик ва ўймалари бор. Ўғир баландиги 18 см (Abdullaev, Stanco, 2007. P. 158, pl. 49, fig. 2; Абдуллаев, 2009. Рис. 40; Абдуллаев, Станчо, 2009. С. 20).

А.С. Сагдуллаев томонидан ўрганилган Қизилча VI ёдгорлигида ҳам ўғирчалар қайд этилган (Сагдуллаев, 1987. С. 30).

Кучуктепа ёдгорлигида ҳам ўғирдастага ўхшаш топилма аниқланган бўлиб, тадқиқотчилар томонидан у тўқмоқ (навершия булав) сифатида эътироф этилади (Аскарлов, Альбаум, 1979. С. 42; Рис. 13; табл. 21, 9). Топилма тошдан ясалган бўлиб, силлиқланган. Баландиги – 4,3, диаметри 4,7-5,5 см ни ташкил этади (Treasures of ancient cultural monuments of Uzbekistan, 2018. fig. 32 on page 31, fig. 32 on page 232). Шунингдек, Кучуктепа ёдгорлигидан иккита ўғирдастасимон шаклда бўлган, бир томонида чуқурчаси бор, иккинчи томони фалломорф кўринишидаги идишлар аниқланган бўлиб, ёдгорлик тадқиқотчилари томонидан ушбу идишлар

муқаддас ичимлик ичиладиган ритуал қадаҳлар деб таърифланади (Аскарлов, Альбаум, 1979. С. 43; Рис. 13; табл. 21, 7,8).

Сўнгги йиллардаги тадқиқотларда қора рангдаги хлоритсимон тошлардан ясалган ўғирчалар Ўрта Осиёнинг сўнгги бронза ва илк темир асрига оид маданий қатламларида ҳам аниқланган. Таллашқон I ёдгорлигидан уч оёқли, цилиндрсимон ўғир топилган бўлиб, баландлиги ва диаметри 22, коса чуқурлиги 15,5, оёқчаларининг узунлиги эса 6 см.

Таллашқон I дан топилган иккинчи ўғирча тўлиқ сақланмаган бўлиб, қора тошдан ясалган, ташқи томони обдон силлиқланган (Шайдуллаев, 2000. С. 64, рис. 42, 43).

Шерободнинг Ғоз қишлоғида олиб борилган қидирув тадқиқотларида аниқланган, баландлиги 22, эни 20, косасининг чуқурлиги 12 см бўлган, кулранг рангдаги гранит тошидан ясалган ўғир аниқланган бўлиб, унинг атрофида 13 та пиктографик белгилар қайд этилган (Чориев ва б., 2007. 33-34 бб., 19-расм; Абдуллаев, 2009. Рис. 41).

Ўзбекистон тарихи давлат музейида сақланаётган топилма ҳам ўғирга ўхшаш бўлиб, тадқиқотчилар томонидан тўқмоқ боши сифатида келтирилган. Ушбу топилма ҳам тошдан ясалган бўлиб, силлиқланган. Баландлиги 5, диаметри 8-8,3 см (Топилма инв. № 184/161) (Treasures of ancient cultural monuments of Uzbekistan, 2018. fig. 33 on page 31, fig. 33 on page 232).

Шунингдек, ҳар хил тошлардан ясалган ўғирча ва ўғирдасталар Саразм ёдгорлигининг бронза даврига оид маданий қатламларида (Исаков, 1991; Бобомуллов, 1998. С. 47; Жарқўтонда (Шайдуллаев, Хуффа, 1999. – С. 31-42), Тиллатепада (Сарианиди, 1977; Francfort, 2001. P. 227, fig. 2), Чуст маданияти ёдгорликларида (Ширинов, 1986) ҳам учрайди. Улар ҳам алоҳида эътибор билан, нозик дид билан, силлиқ қилиб ясалган. Бургуттепа ўғирчаси ва ўғирдастасига келтириб ўтилган аналогиялардан маълум бўлмоқдаки, шу типдаги ашёларни ясаш ва қўлланиш анъанаси Кучук I даврида ҳам давом этган.

Н. Бороффка ва Э. Сава томонидан ушбу турдаги топилмаларнинг каталоги тузилган бўлиб, уларнинг типологик ва хронологик таҳлили амалга оширилган (Boroffka, Sava, 1998. P. 112). Аммо, Бургуттепа ўғирчаси таклиф этилган бешта гуруҳнинг бирортасига ўхшамайди, у шаклан янги гуруҳни ташкил этади.

Бургуттепа ўғирчаси юмшоқ таркибли, хлоритсимон минералдан ясалган. Хлорит минераллар орасида энг кенг тарқалган хили бўлиб, асосан яшил, шунингдек оқ, сарик, пушти, бинафша, қўнғирқора хиллари бор. Ўзбекистонда Нурота, Зирабулок, Зиёвуддин, Чатқол, Курама тоғларида талькхлорит маконлари, Султон Увайсда эса кичик кони мавжуд (Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2004. 244-245 бб.).

Ўзбекистон ҳудудида аниқланган хлорит маконлари бронза ёки илк темир даврида аниқланганлиги хусусида маълумотлар йўқ. Аммо, Қадимги Шарқда хлорит ёки стеатитдан ясалган буюмлар асосан Эрон ҳудудида жойлашган маконлардан тарқалган (Lamberg-Karlovsky, 2001). Эрон ҳудудида аниқланган Тепа Яхё (Excavations at Tere Yahya, 2001), Жирофт (Jiroft the Earliest Oriental Civilization, 2003) каби ёдгорликларда хлоритдан ясалган минглаб буюмлар фанга киритилган. Эрон ўзининг табиий қазилмаларга бой ҳудудда географик жойлашуви туфайли жанубий Еврооё кенглигида коммуникацион йўлларнинг пайдо бўлишида асосий вазифани бажарган. Бунинг бош сабабларидан бири Эронда

кўплаб конларнинг мавжудлиги ҳисобланади, маълумки Эронда 200, Афғонистонда 240 дан ошиқ мис конлари маълум бўлган (Медведская, 1985. С. 207).

Эрон платосидан хлорит ва стеатит буюмлар Месопотамия ва Хузистонга экспорт қилинган (Эликай Дехно Сорайя Алиашраф, 2016. С. 137). Қадимги Шарқда Эрон платоси аҳолиси икки асосий ролни бажарган. Биринчиси, Бадахшон лазурит буюмларининг Месопотамияга тарқалишида воситачилик роли бўлса (Шаҳри Сўхта), иккинчиси металл ёмбилари ва хлорит буюмлар экспортчиси (Тепа Яхё) ҳисобланишган (Эликай Дехно Сорайя Алиашраф, 2016. С. 137). Хлоритдан ясалган буюмлар Месопотамиянинг Убейд, Хафаджа, Телло, Бисмиё, Аграб, Ниппур, Мари ва бошқа манзилгоҳлардаги ибодатхона ва бой қабрлардан топилган.

В.М. Массон Шаҳдоддан топилган торевтикага оид буюмлар ва тўрпардасимон мухрларнинг Бактрия ва Марғиёна моддий маданияти ашёларига ўхшашлиги асосида Яқин Шарқ маданиятларининг ривожланишида Бактриянинг маданий таъсири ҳам бўлганлигини таъкидлайди (Массон, 1989. С. 137). Маълумки, Шаҳдод ёдгорлиги жойлашган Дашти Лут водийси ғарбий минтақалар ва Шарқий Эрон, Ўрта Осиё билан боғловчи географик ҳудуд ҳисобланади. Шунинг учун Шаҳдод манзилгоҳи Элам билан Белужистон, Марғиёна, Бактрия ўртасида асосий савдо-алмашинув чегара пункти деб эътироф этилган ва ривожланган минтақаларо тизимда экспорт қилинаётган товарларни бошқа ҳудудларга тарқатиш маркази бўлган (Накeтi, 1997. P.659- 660).

Хлорит ёки стеатитдан ясалган буюмлар Ўрта Осиёнинг Окс цивилизациясига мансуб Гонур ёдгорлигида нисбатан кўпроқ аниқланган (Luneau, 2009).

Албатта, ҳеч иккиланмасдан айтиш мумкинки, Марғиёна ва Бактриянинг бронза ва илк темир даврига оид ёдгорликларидан хлорит, стеатит ва хризотилдан ясалган буюмларнинг топилиши, ушбу ҳудуднинг Яқин Шарқ, Эрон ва Жанубий Осиё билан савдо ва маданий алоқаларини кўрсатади.

Бу турдаги топилмаларнинг миниатюра шаклдалиги уларнинг ритуал характерга эга эканлиги билан изоҳланади. Г.А. Пугаченкова таърифланаётган топилмаларни ритуал характерга эга эканлиги хусусида фикр билдирган ва Миршодидан топилган ўғир ҳамда ўғирдаста ҳосилдорлик ғоялари билан боғлиқлигини таъкидлайди. Шунингдек, ўғир ва ўғирчалар хаомларнинг новда ҳамда барглари майдалаш ва эзиш, болтача эса бўлакларда ишлатилган. Мазкур тош қурооллар мажмуаси ўтроқ деҳқончилик билан шуғулланувчи аҳоли орасида тарқалган эронийлар хаомаси ёки хиндлар сомасига ўхшаш муқаддас ичимликлар тайёрлаш каби ҳосилдорлик культига алоқадорлиги ҳақида ёзади. Шу сингари тош қурооллар Мохенджо Даро ва Хараппа археологик ёдгорликлари топилмалари орқали ҳам маълумлиги айтиб ўтилган, Шива ва Вишну культларида қўлланилгани, кўп асрлар давомида Ҳиндистонда сақланиб келинганлиги маълумот учун келтирилган (Пугаченкова, 1973. С. 78-80).

Ш.Б. Шайдуллаев Шерободнинг Ғоз қишлоғидан топилган, сиртида пиктографик белгилар мавжуд ўғирнинг вазифаси зардуштийликдаги муқаддас шарбатлар тайёрлаш ва диний характер касб этишини таъкидлаган (Чориев ва б., 2007. 34 б.)

Саразмдан топилган фалломорф шаклдаги ўғирдасталарни тадқиқотчилар нафақат культ, балки магия билан ҳам боғлашади (Каримова, 2016. С. 173).

Тарихшуносликда ўғирча ва ўғирдасталарнинг вазифасини Авестадаги хаома ҳамда Ригведадаги сома култи билан боғлаш аънанаси устунлик қилади (Сотникова, 2014; Абдуллаев, 2009)

1-расм. Зарабоғ сугорилиш районида аниқланган ўғирча

2-расм. Ўғирдаста. Бургуттепа. №3-қазими

3-расм. Ўғирдаста. Бургуттепа. №3-қазими

4-расм. 1-5. Миришодидан топилган ўғирча ва ўғирдасталар (Пугаченкова, 1973); 4,6. Кучуктепа манзилгоҳидан топилган ўғирсимон ашёлар; 4,7. Ўғирсимон ашё, тўқмоқ боши (Ўзбекистон тарихи давлат музейи) (Treasures of ancient cultural monuments of Uzbekistan, 2018)

Ўғир (кели) форс тилида «ҳована», деб аталиб, маздапарастликда оташкаданинг энг муҳим ашёларидан бири ҳисобланган. Ҳавм (хаома) гиёҳи ҳованада ёрғучоқ ёрдамида янчилган ва ундан ҳавм урф-одатида ишлатиладиган шарбатлар тайёрланган. Зардуштийликда бомдоддан чошгоҳгача бўлган вақтда ўқиладиган дуолар «ҳовангоҳ», деб аталади. Ҳована атамаси диндорлар гуруҳи, зардуштийликдаги дин пешволари - «ҳован»лар билан ҳам боғланади. Ҳованлар илоҳий язишна маросимини ўтказишда масъул кишилар ҳисобланиб, ҳавм шарбатини тайёрлаш уларнинг зиммасида бўлган. Ҳавм шарбати таомилга кўра куннинг биринчи ярмида, асосан эрталаб тайёрланиши лозим бўлган (Чунакова, 2004. С. 236).

Таъкидлаганимиздек, ўғирдаста билан ўғирчада хаомнинг муқаддас новдалари эзилган. Барча ўсимликлардан юқори турувчи хаом ўсимлиги Ахурамазданинг учинчи ижоди сифатида эъзозланган (Крюкова, 2007. С. 16)

Тоҷик тилининг изоҳли луғатида ўғир ва ўғирдаста атамаларига “Ҳован هاون зарфест аз санг ё филиз, ки дар он чизеро андохта кўфта майда мекунанд, узур”, “Ҳовандаста هاون دسته дастаи ҳован, ки бо он чизеро дар ҳован андохта

5-расм. Майдатена (Бандихон I) дан топилган ўғирча ва ўғирдаста (Boroffka, Sverchkov, in print)

мекўбанд” (“Хован - тош ёки металдан ишланган идиш бўлиб, унга бирор нарсани солиб эзилади - ўғир (кели)”, “Ховандаста - ўғирнинг дастаси бўлиб, у орқали ўғирга солинган нарса уриб туйилади, эзилади), деб таъриф берилган (Фарҳанги тафсирии, 2008. С. 508). Форс-тожик тилида ўғир ва ўғирдаста атамаларининг бевосита хован ва ховандаста, деб номланиши ушбу буюм номларининг келиб чиқиши бевосита хаома ичимлиги билан боғлиқлигига ишорадир.

Қадимги тасвирий санъат намуналарида ҳам илоҳий ўғирларнинг ифодаланганлигини кузатишимиз мумкин. Жумладан, Биянаймандан топилган оссуарийда Амрдод кўлларида ўғирдаста ушлаб турганини кўришимиз мумкин (Pugatchenkova, 1985. P. 29-65; Пугаченкова, 1989. С. 163; Grenet, 2015. С. 136-137, fig. 8.3; Грене, 1987; Shenkar, 2014. Pp. 170-174., fig. 169, 172, 176, 178 on pp. 353-357).

К. Абдуллаев ўз тадқиқотларида Персеполадан топилган, тошдан ясалган кулранг ва яшилтош ўғир ҳақида маълумотлар келтириб, уларнинг Артаксеркс I даврига оидлигини айтиб ўтади. Ўғир дастасининг устки қисмида “[қалъадаги] диний маросимда Мазда-фарнах [билан биргаликда] ушбу ўғирдастандан бир [йилда] фойдаланилди”, деган оромий битиги мавжуд. Тадқиқотчиларнинг тахминича бу Аҳамонийлар шоҳи Артаксеркс ҳукмронлигининг биринчи йилига (мил.авв. 464/3 йиллар) тўғри келади (Абдуллаев, 2009. С. 7; Bowman, 1970. no. 43, pl. 11; Sami, 1970. 98-99, pl. on p. 105). Албатта, муҳокама этилаётган археологик ашёларнинг хаома култи билан боғлиқлигини Персеполадаги топилмалар ҳам тасдиқлайди. 100 устунли залдан (38-хона) топилган, яшил кремний сланецдан ясалган пиёланнинг остки қисмида, сиёҳда битилган оромий ёзуви мавжуд. Унда “(хаомни) майдалаш маросими ... ушбу идишдан фойдаланилди”, деган ибора битилган (Абдуллаев, 2009). Шунингдек, ўғир ва ёргучокнинг илоҳий характерга эга эканлигини Британия музейида сақланаётган цилиндр шаклли муҳрдаги тасвирлар ҳам тасдиқлайди (Абдуллаев, 2009. Рис. 39).

Хаома култи бўйича асосий манба Авеста ва Ригведа бўлиб, уларнинг қисмларида ҳам хаома илоҳига бағишланган алқовлар мавжуд. Манбаларда хаома култи уч шаклда – ўсимлик, муқаддас ичимлик ҳамда уларнинг персонификациялашган шакли, яъни илоҳ кўринишида учрайди (Shenkar, 2014. Pp. 167-168). Ригведа ва Авеста матнларидаги хаома ва сома параллелликлари таҳлили ҳам амалга оширилган (Skjærvø, 2015. Pp. 409-421).

Маълумки, “Авеста”нинг тўққизинчи яснаси “Хом яшт”, деб номланади. Унда Зардушт ва хаома ўртасида бўлиб ўтган суҳбат келтирилган. Хаома тайёрлаш жараёнида руҳоний ховонча атрофида айланиб, “Хом-яшт” ни айтиб турган. Хаома “Авеста”да дураоша, яъни “ўлимни хайдовчи” куч сифатида куйланади. Ундан ташқари Михр яшт алқовида Митра биринчи коҳин номи остида тилга олинади (Дрезден, 1977).

Окс цивилизацияси ёдгорликларида ҳам хаома култига оид меъморчилик обидалари ва топилмалар аниқланган. Масалан, Жарқўтон ёдгорлигидаги иншоотда хаомага мансуб хона аниқланган бўлиб, у ердан ҳумо шаклидаги идиш топилган. Т. Ширинов ушбу идишнинг хаома каби ичимликка боғлиқлигини ёзган (Ширинов, 1990. С. 18-28; Ширинов, 2011. С. 197). Худди шундай идиш В. Сарияниди томонидан Жанубий Бахтрияда ҳам қайд этилган. В.И. Сарияниди Марғиёнадаги Тўғолоқ 21, Гонур ёдгорликларида хаомага атаб қурилган ибодатхонани ўрганган (Сарияниди, 1989. С. 152; Сарияниди, 2001; Сарияниди, 2002).

Ўрта Осиёда хаома Зардушт таълимотидан олдин ҳам кенг тарқалган культлардан бири бўлганлиги археологик маълумотлар асосида исботланган. Зардуштийлик дини асосчиси Зардушт хаома культуни ўз таълимоти ва диний анъаналарига киритишга мажбур бўлган, негаки Зардушт хаоманинг сархуш қилувчи салбий хислатларини танқид қилишидан қатъий назар, ўз таълимотига киритганлиги шундай хулоса чиқаришга асос бўлади (Абдуллаев, 2009. С. 56; Топоров, 1982. С. 578-579).

Ўрта Осиёда зардуштийликка хос бўлган олов ёки хаома култи жуда қадимдан илохийлашиб келган. Жумладан, алтарлар энеолит давридан (Ширинов, 1990), хаома эса бронза давридан маълум бўлган (Ширинов, 1991; Абдуллаев, 2009). Бу билан илк зардуштийлик энеолит давридан ёки бронза давридан бошлаб шаклланган, деган фикр пайдо бўлмаслиги керак.

Адабиётларда Бактрия ва Марғиёнанинг бронза даврига оид ёдгорликларида ўрганилган монументал иншоотларни ҳам илк зардуштийлик ибодатхоналари деб аталмоқда (Сарианиди, 1989. С. 152 -170; Сарианиди, 1990, С. 10-13; Аскарлов, Ширинов, 1989. С. 23-42; Аскарлов, Ширинов, 1993. 187 с). Тўғри, бронза даврида Бактрия ва Марғиёнада хаомани куйлаш, оловни эъзозлаш каби анъаналар кучли бўлган, аммо улар майитларини ерга қўйганлар. Майитларни ерга қўйган жамоада эса илк зардуштийлик эътиқодлари шаклланган деб аташ, фикримизча тўғри эмас.

Шунингдек, бронза даври ёдгорликларини илк зардуштийлик анъаналари билан боғлаш хронологик ва этник жиҳатдан ҳам тўғри келмайди. Сополли ва Даштли маданиятлари Қадимги Шарқ цивилизациясининг таркибий қисми бўлиб, ҳинд-эроний халқларга этник жиҳатдан алоқадорлиги йўқ (Грантовский, 1998. С.115).

Бургуттепада олиб борилаётган археологик тадқиқотлар ва у ердан топилган миниатюра шаклдаги ўғирча ва ўғирдаста ритуал характерга эга бўлиб, унинг аҳолиси хаомани эъзозлаганлигини, зардуштийлик таълимотини қабул қилганлигини, Бактрияда илк зардуштийлик анъаналари Кучук I давридан бошлаб шаклланганлигини кўрсатмоқда.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009.
- Абдуллаев К., Станчо Л. Археологические раскопки Джандавляттепа. Сезон 2006 года, сентябрь-октябрь // Археологические исследования в Узбекистане 2006-2007 года. №6. Ташкент, 2009.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Древнебактрийский храм огня в Южном Узбекистане // Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989.
- Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Бороффка Н., Сверчков Л. Культура Яз: новые исследования в Узбекистане // Наследие. 2007. № 1.
- Грантовский Э.А. Иран и иранцы до ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.
- Грене Ф. Интерпретация декора оссуариев из Биянаймана и Мианкаля // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы Советско-французского коллоквиума. Самарканд - 1986. Ташкент, 1987.
- Дрезден М. Мифология древнего Ирана // Мифология древнего мира. Пер. с англ. предисл. И.М. Дьяконова. М., 1977.

- Исаков А.И. Саразм. Душанбе, 1991.
- Каримова Г. Религии Центральной Азии и Азербайджана // Традиционные верования и шаманизм. Т.1. Самарканд, 2016.
- Крюкова В.Ю. Жертвоприношение в традиционной культуре ираноязычных народов Центральной Азии // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 1. СПб., 2007.
- Массон В.М. Первые цивилизации. М., 1989.
- Медведская И.Н. Рецензия на книгу Encyclopaedia Iranica / Ed. Ehsan Yarshater. V. London-New-York, 1889-1990 // ВДИ. М., 1985. № 4.
- Пугаченкова Г.А. Археологические исследования Узбекостанской искусствоведческой экспедиции // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.
- Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля // Из работ Узбекостанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989.
- Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана // Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. М., 1989. № 1.
- Сарианиди В.И. Сельский храм Тоголок I в Маргиане // ВДИ. М., 1990. №2.
- Сверчков Л.М., Бороффа Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007.
- Сотникова С.В. К вопросу о возможных истоках индоиранского культа священного напитка сомы/хаомы (по материалам памятников синташтинского типа) // Теория и практика археологических исследований. Т. 9 (1). Барнаул, 2014.
- Спришевский В.И. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы // Академия наук Узбекостанской ССР, Музей истории народов Узбекистана им. М.Т. Айбека, Ташкент, 1974.
- Топоров В.Н. Хаома // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
- Фарханги тафсирии забони тоҷики (ибораат аз 2 ҷилд). Ҷилди 2 (О - Я). Душанбе, 2008.
- Чориев З.У., Шайдуллаев Ш.Б., Аннаев Т.Ж. Ўзбекистон худудида ёзувнинг пайдо бўлиши ва таракқиёти. Тошкент, 2007.
- Чунакова О.М. Пехлевийский словарь Зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.
- Шайдуллаев Ш., Хамидов О. “Авеста” “ката”сининг археологик асослари // Ўзбекистон археологияси. Самарканд, 2018. № 1(16).
- Шайдуллаев Ш., Хамидов О. Зарабаг – новый ирригационный район в Северной Бактрии периода Кучук I // Цивилизации Великого шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук. Самарканд, 2017.
- Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.
- Шайдуллаев Ш.Б., Станчо Л. Бактриянинг Яз I даврига оид янги ёдгорликлари // Археология Узбекистана в годы независимости: достижения и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию Независимости Республики Узбекистан. Самарканд, 2016.
- Шайдуллаев Ш.Б., Хуфф Д. Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.

- Ширинов Т. “Винодельная” Джаркутана – памятник эпохи бронзы юга Узбекистана // ИМ-КУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
- Ширинов Т. Религиозная среда Средней Азии во II тыс. до н.э. // Тарихимиз этюдлари – Этюды нашей истории. Ташкент, 2011.
- Ширинов Т.Ш. Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья (по данным экспериментально-трасологического изучения). Ташкент, 1986.
- Эликай Дехно Сорайя Алиашраф. К проблеме связей Ирана и Средней Азии в бронзовом веке // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе, 2016.
- Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 8-жилд. Тошкент, 2004.
- Abdullaev K., Stančo L. Jandavlattepa 2006: Preliminary excavation report // Studia Hercynia, XI. Pragae, 2007.
- Augustinova A., Stančo L. The Petroglyphs of Pashkhurt Valley in the Surkhan Darya Province (South Uzbekistan) – Preliminary Report // Studia Hercynia. 2016. XX/2.
- Boroffka N. Siedlungsgeschichte in Nordbaktien – Bandichan zwischen Spätbronzezeit und Frühmittelalter. In S. HANSEN, A. WIECZOREK et M. TELLENBACH (dir.), Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel, Catalogue de l'exposition «Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt - Asiens Kulturen im Wandel», Reiss- 268 Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale Engelhorn-Museen Mannheim, Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen 36, Regensburg, Verlag Schnell & Steiner CmbH, 2009.
- Boroffka N., Sverchkov L. Painted pottery of the Late Bronze Age – Early Iron Age in Central Asia: New data from southern Uzbekistan // From Cattle to Camel Trains. The development of the Silk Roads Edited by Alison V.G. Betts and Peter Jia. in print.
- Boroffka N., Sava E. Zu den steinernen «Zeptern/Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens. In: Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Band 30, 1998.
- Bowman R.A. Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Oriental Institute Publications 91, Chicago, 1970.
- Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975. The Third Millenium. C.C. Lamberg-Karlovsky – General Editor and Project Director. D.T. Potts With contributions by Holly Pitman and Philipp L. Kohl. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 2001.
- Francfort H.-P. The cultures with painted ceramics of south Central Asia and their relations with the northeastern steppe zone (late 2nd – early 1st millenium BC). in Ricardo Eichmann, Hermann Parzinger (eds), Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 6, Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2001.
- Grenet F. Zoroastrianism in Central Asia // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism / Edited by Michael Stausberg and Yuhon Sohrab-Dinshaw Vevaina. Wiley Blackwell. 2015.
- Hakemi Ali Shahdad. Arghaeological Excavation of a Bronze Age Center in Iran/ Translated and Editer by S.M.S Sajjadi.// IsMEO-ROME 1997.
- Jiroft the Earliest Oriental Civilization / Written by Yousef Majidzadeh. Tehran: Ministry of Culture and Islamic Guidance; Printing and Publishing Organization, Cultural Heritage Organization (Research Center), 2003.
- Lamberg-Karlovsky C.C. Excavation at Tepe Yahya, Iran 1967-1969. // The Third Millennium. Massachusetts: Harvard University Cambridge.- 2001.

- Luneau É. Tombes féminines et pratiques funéraires en Asie Centrale protohistorique. *Quelques réflexions sur le « statut social » des femmes dans la civilisation de l'Oxus // Paléorient*, vol. 34.1, 2009.
- Majidzadeh Y. *Jiroft the Earliest Oriental Civilization*. Tehran, 2003.
- Pugachenkova G.A., Rtveldze E.V., Kato K., Turgunov B.A. and Il'yasov J. Ya. (eds.), *Antiquities of southern Uzbekistan / Пугаченкова, Г.А., Ртвеладзе Э.В., Като К., Тургунов, Б.А. and Ильясов, Дж.Я. (eds), Древности южного Узбекистана*, Hachioji: Soka University Press. 1991
- Pugatchenkova G.A. Les ostoteques de Miankal. In: *Mesopotamia XX*. Firenze, 1985.
- Sami A. *Persepolis, Shiraz*, 6th ed., 1970.
- Shenkar M. *Intangible Spirits and Graven Images: The Iconography of Deities in the Pre-Islamic Iranian World*. Leiden-Boston, 2014.
- Skjarvo P.O. *Early India and Iran // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism / Edited by Michael Stausberg and Yuhán Sohrab-Dinshaw Vevaina*. Wiley Blackwell. 2015.
- Stančo L., Shaydullaev Sh., Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J., Kysela J., Shaydullaev A., Khamidov O., Havlík J., Tlustá J. Preliminary Report on the Excavations at Burgut Kurgan in 2015. *Studia Hercynia*. 2016. XX/2.
- Treasures of ancient cultural monuments of Uzbekistan. The State Museum of History of Uzbekistan. Tashkent, 2018 [O'zbekiston madaniy yodgorliklari xazinasi [Matn]: albom/katalog. O'zbekiston tarixi davlat muzeyi. - Tashkent: San'at jurnali nashriyot, 2018. Matn o'zbek, rus, ingliz, yapon tillarida].

ТАНҚИД ВА ТАҚРИЗ

**КРИТИКА И
БИБЛИОГРАФИЯ**

**CRITIQUE AND
BIBLIOGRAPHY**

УДК:

Майк Тойфер
МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ И
ПРИЛЕГАЮЩИХ РЕГИОНОВ
Archäologie in Iran und Turan. Band 13. - Berlin. 2014. - P.685.

Mike Teofer
SPÄTBRONZEZEITLICHE GRABFUNDE AUS NORDBAKTRIEN
UND BENACHBARTEN REGIONEN
Archäologie in Iran und Turan. Band 13. - Berlin. 2014. - P.685.

© 2019. Г. Шайдуллаева

Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси
Археология тадқиқотлар институти

Шуни катта мамнуният билан эътироф этиш керакки, Германия археология институти Евроосиё бўлими ёш тадқиқотчиларнинг докторлик диссертацияларини (PhD) монография шаклида чоп этишни анъанага айлантиришган. «Archäologie in Iran und Turan (AIT)» рубрикасида чоп этилаётган китоблар тўпламининг 13 сонидан Майк Тойфернинг “Шимолий Бактрия ва унга туташ худудларнинг бронза даври қабристонлари”, деб аталган китоби чоп этилди.

Монография Германия археология институти Евроосиё бўлими бошлиғи, профессор Свенд Хансеннинг қисқача сўзи билан бошланиб, умумлашган беш қисмдан иборат. Биринчи қисм кириш, иккинчиси Шимолий Бактрия сўнгги бронза даврида, учинчи қисм Шимолий Бактрияга жанубдан туташ бўлган худудларнинг бронза даври маданиятлари қабрларига (Марғиёна, Жа-

нубий Бактрия, Эрон Белужистони, Покистон Белужистони), тўртинчи қисм Бактриядан шимолда, яъни кўчманчи Андроново маданияти билан боғлиқ бўлган ҳудудлар археологиясига бағишланган (Сугд, Хоразм, Жанубий Тожикистон), сўнгги қисмда эса тадқиқот бўйича қисқача хулосалар берилган.

Мазкур монографиянинг асосий манбаси муаллифнинг Ўзбекистон-Германия археологик отряди таркибида, Жарқўтон қабристонининг № 3 тепалигида олиб борган ишлари натижасида олинган. Шунинг алоҳида таъкидлаш жоизки, ЎЗР ФА Археологик тадқиқотлар институти Майк Тойферга институт базасида ва архивида сақланаётган, маълум сабабларга кўра чоп этилмай келаётган Сополлитепа ва Жарқўтон қабристонларидан топилган археологик манбалардан фойдаланишга руҳсат этган. Бу манбалар аввал диссертацияга, табиийки, монографияга ҳам жалб этилган (1-143 таблицалар).

Муаллиф Сополли ва Жарқўтон қабрларини Сурхондарё вилояти ҳудудида жойлашган энг яхши ўрганилган археологик ёдгорликлар, деб ҳисоблайди. Бизнинг фикримизча, бу рўйхатга Н.А. Аванесова томонидан ўрганилган, қазишма яқунлари инглиз ва рус тилларида тўлиқ чоп этилган Бўстон VI ёдгорлигини ҳам қўшиб қўйиши лозим эди (Аванесова, 2013. - 640 с.).

Мазкур монография Сополлитепа ва Жарқўтон қабристонларига бағишланган бошқа нашрлардан археологик артефактларнинг тўлиқ чоп этилганлиги билан фарқ қилади. Муаллиф Эрон, Покистон ва Қадимги Ҳиндистон археологиясига бағишланган бир қатор илмий асарлардан ҳам фойдаланганки, бу адабиётлар Ўрта Осиё археологиясида биринчи марта қўлланилган. Яна шуни ҳам таъкидлаш зарурки, мазкур асар олдинги нашрлардан манбаларни ўзаро таққослашда географик кенглиги билан ҳам фарқ қилади.

Монографиянинг бошланишида Шимолий Бактриянинг бронза даври ёдгорликларининг жойлашиши, топографияси, ўрганилиш тарихи берилган. Ундан сўнг А.А. Асқаров ва унинг шогирдлари У.В. Раҳмонов, Б.Н. Абдуллаев, В.И. Ионесов, Т.Ш. Ширинов томонидан Сополлитепа, Жарқўтон ва Бўстон ёдгорликларида ҳар хил йилларда ўтказилган стратиграфик тадқиқотлар яқунлари асосида Сополли маданиятининг беш босқичли даврий санаси (сополли, жарқўтон, кўзали, молали, бўстон) муҳокама қилинган.

М. Тойфер ўз тадқиқотида А.А. Асқаров ва унинг шогирдлари томонидан яратилган, Сополли маданиятининг моддий маданияти, жумладан кулоллик, металл-созлик, тош буюмлари классификациясига катта эътибор қаратган. Археологик артефактларнинг даврлар оша эволюциясини ўрганган. Стратиграфик тадқиқотлар, радиокарбон анализлар, ички ва ташқи аналогиялар асосида қилинган ҳар бир хронологик даврнинг илмий асосларини ўрганган. Шундай бўлсада, Бактриянинг бронза ва илк темир даври хронологиясини қадимийлаштиришга бағишланган, А.А. Асқаров ва Ш.Б. Шайдуллаевлар томонидан ишлаб чиқилган, энг сўнгги хронологик даврлаштиришга бағишланган илмий тадқиқотлар муаллифнинг эътиборидан четда қолган ва бу ҳолат китобнинг муваффақиятли чиқишига имкон бермаган (Асқаров, Шайдуллаев, 2005; Шайдуллаев, 2009).

Муаллиф Жарқўтон қабристонининг №3 тепалигида олиб борган ишлари ва Сополли маданияти ёдгорликлари тадқиқотларига бағишланган адабиётлар таҳлили асосида Сополли маданиятини даврлаштириш бўйича янги, таъкидлаш зарурки илмий асосланмаган фикрларга келган. Жумладан, Сополли маданиятини хронологик даврлаштиришда Сўнгги бронза I (SB I) ва Сўнгги бронза II (SB II), деб номланган

икки даврга бўлган. Биринчи даврга сополли (Ia) ва жарқўтон (Ib), иккинчи даврга молали, бўстон (IIa) ва кўзали (IIb) босқичларини киритган. А.А. Асқаровнинг анъанавий даврлаштиришидан фарқли ўлароқ монография муаллифи кўзали босқичини Сополли маданиятининг энг сўнгги, яқунловчи босқичи, деб ҳисоблайди ва катта илмий хатоликка йўл қўпади.

Муаллифнинг бундай фикрга келишга асосий сабаб, Жарқўтон қабристонининг №3 тепалигида услубий жиҳатдан нотўғри қазишма олиб борганлигидир. Негаки, бу қазишмада кўзали босқичи қабрлари молали босқичи қабрларидан юқори қатламда учраганлиги бош омил қилиб кўрсатилган. Жарқўтон № 3 муаллифнинг илк, мустақил дала тадқиқот иши бўлиб, у археологиядаги оддий стратиграфик қонуниятни тушунмаган. Ахир, кейинги даврда қабр чуқурроқ қазилса, майит олдинги давр қабрларидан пастки қатламларда жойлашиши табиийдир. Бу ҳолатда қазишма қирқими (стратиграфияси) археологларга ёрдам беради. Афсуски, қазишма ишлари палеолит услубида олиб борилганлиги сабабли, муаллиф қабрларнинг қирқимдаги жойлашувини кузата олмаган.

Албатта, бу масалага мутахассислар ўз вақтида эътибор қаратишган ва кескин танқидий мақолалар ҳам ёзилган (Аванесова, 2009; 2010), аммо муаллиф бу фикр ва таклифларга эътибор бермаган. Хаттоки, муаллиф фаолият кўрсатадиган Евроосиё археологияси бўлими журналида, немис тилида чоп этилган Н.А. Аванесованинг танқидий мақоласига иқтибос ҳам келтирилмаган (Аванесова, 2007). Натижада, бутун қилинган иш, яъни қазишма хулосалари, манбаларни таққослаш натижалари, хронология бўйича муаллиф чиқарган фикрлар ишончсиз бўлиб, мутахассислар фойдаланадиган асарга айланмаган.

Монографияда Шимолий Бактрия қабрлари сополлари Марғиёна ёдгорликлари ашёлари билан таққосланади ва Марғиёна учун уч босқичли хронологик жадвал таклиф этилган. Муаллиф Марғиёнанинг илк маданий қатламларини ўрта бронза даврига тааллуқли, деган фикрга келади ва сўнгги даврини эса Шимолий Бактриянинг илк маданий қатламлари даврига тўғри келишини таъкидлайди (Сўнгги бронза I).

Худди шундай, Жанубий Бактрия учун ҳам уч босқичли хронологик жадвал таклиф этилган. Илк икки босқичи Шимолий Бактриянинг Ia, сўнгги даври эса Ib ва IIa босқичлари билан мос келиши “аниқланган”. Марғиёна ва Жанубий Бактрия ёдгорликлари асосан В.И. Сарияниди томонидан ўрганилган бўлиб, манбалар рус тилида тўлиқ чоп этилган. Ўрта Осиё археологияси учун муаллиф ўтказган таққослаш натижалари янгилик эмас, албатта. Шимолий Бактрияга Сополли маданиятининг тарқалиши Даштли маданияти орқали тарқалганлигини А.А. Асқаров ўтган асрнинг 70 йилларидаёқ уқтириб ўтган (Асқаров, 1973).

Муаллиф ўзи яратган хронологик жадвални, нафақат Бактрия ва Марғиёна, балки кўшни Белужистон ёдгорликларининг ҳам ёшини аниқлашда хизмат қилади, деб ҳисоблайди. Муаллиф Сополли маданияти кулолчилигини (SB Ia, Ib) Ксураб, Сибри, Мергар VII, Навшаҳар IV ёдгорликлари сополлари мажмуалари билан таққослаб, Белужистон сополларида Ўрта Осиё вариантини аниқлайди. Эслаб ўтган Белужистон ёдгорликлари билан Сополли маданияти ўртасида, яқин маданий алоқалар бўлганлиги, айниқса бу алоқалар SB I (Ia ва Ib) даврида кучайганлигини ёзади.

Мил. авв. III минг йиллик охири ва II минг йиллик бошида Форс кўрфази савдо тизимида Дилмуннинг (Баҳрайн) роли ошиб борганлигини кўплаб тадқиқотчилар

этироф этишган (Антонова, 1996). Монография муаллифи ҳам Дилмуннинг Қадимги Шарқ мамлакатлари савдо тизимида боғловчилик вазифасини бажарганлигини қўллаб қувватлайди. Маълумки, адабиётларда Белужистон моддий маданиятида, аниқроғи кулолчилигида Ўрта Осиё вариантнинг пайдо бўлишини савдо ёки халқларнинг миграцияси билан боғлаб келинаётган эди (Антонова, 1996), муаллиф бу масалада янги фикр билан чиққан, яъни Бактрия ва Марғиённинг Қадимги Шарқда ўрнатилган минтақалараро коммуникация тармоғига қўшилганлиги билан баҳолайди. Албатта, эслаб ўтилган ҳолатлар Сополли маданиятининг жарқўтон босқичига характерлидир. Тадқиқотчилар Окс цивилизациясига умумий характеристика берганда "... Евроосиёнинг кўчманчи Андроново маданияти таъсирида Окс цивилизацияси ўз худудини Жанубий Афғонистон, Эрон ва Белужистон худудларига кенгайтириб борган", деб ҳисоблашади (Amiet, 1989; Филанович, 2003. – С. 22-32; Боқиев, Шайдуллаев, Йўлдошева, 2015. - 171 б.).

Жарқўтон ва Бўстон ёдгорликларида олиб борилган тадқиқотлар мисолида Сополли маданиятининг сўнгги босқичларида аҳоли Қадимги Шарқ маданиятлари билан маданий алоқалар олиб бормаганлиги қайд этилган. Бу Бўстон VI қабристон (Аванесова, 2013), глиптика ва сфрагистикага оид манбалар (Шайдуллаев, 2018) асосида айтилган. Майк Тойфернинг китобида ҳам, яъни Бактрия, Марғиёна ва Белужистон қабрларини таққослаш мисолида бу фикр ўз тасдиғини топган.

Таҳлил қилинаётган монографиянинг тўртинчи қисми Бактриядан шимолда жойлашган, кўчманчи халқлардан қолган ёдгорликларга ва уларнинг хронологиясига бағишланган. Аввал Қуйи Амударё бўйларида, кейин Зарафшон воҳасида ва албатта, энг катта эътибор Жанубий Тожикистонда кўчманчи халқлардан қолган маданиятлар, уларнинг деҳқон жамоалари билан ўзаро маданий алоқалари ва албатта хронология масалалари таҳлил қилинган. Муаллиф "Бактрияга Андроново маданиятининг энг сўнгги даври моддий маданиятлари намуналари тарқалган, хронологик жиҳатдан бу SB II даврига тўғри келади", деган хулосага келган.

Қадимги Хоразм, Суғд худудидида кўчманчи маданиятларнинг тарқалиши, келиб чиқиши, хронологияси масаласи Ўрта Осиё археологиясида кенг муҳокама қилинаётган бўлса-да, олимлар бу масалада ягона фикрга келганлари йўқ. Негаки улар ҳар хил даврга, ҳар хил кўчманчи этник гуруҳларга тегишли бўлиб, улардан қолган моддий маданият намуналари ҳам бир бирига ўхшамайди.

Фикримизча, Суғд кўчманчилари маданиятлари хронологияси масаласида муаллиф асосий эътиборни Жом манбаларига қаратиши лозим эди. Жомда кўчманчи ва ўтроқ халқларнинг моддий маданияти симбиози кечган, ҳаттоки Сополли маданияти ойнаси Андроново маданиятига хос нақшлар билан безатилган (Avanesova, Šajdullaev, Ёrkuлов, 2001).

Замонбобо маданияти хронологияси қарийб эллик йилдан буён мутахассислар томонидан тортишувларга сабаб бўлиб келаётган бўлса (Гулямов, Исламов, Аскарров, 1966; Аскарров, 1981. С. 99-109; Сарияниди, 1979 - С. 23-28), Майк Тойфер бу масалани жуда осон "ҳал" қилиб, мил. ав. III минг йиллик охирига оид, деган хулосага келган (43 жадвал).

Сўнгги бронза даврида Жанубий Тожикистон худудидида кўчманчи Андроново ва Сополли маданиятлари тарқалади ва уларнинг кучли симбиози кузатилади, албатта, бу ҳолат маданиятлар хронологиясини аниқлашда жуда қўл келади. Бизнинг фикримизча, муаллиф кўзали босқичининг хронологияси масаласини Бешкент-Вахш маданиятлари мисолида аниқлаб олса бўлар эди. Негаки, бронза даври аҳолиси Тожи-

кистон худудига кўзали эмас, балки молали босқичидан бошлаб тарқала бошлайди. Моддий маданият, айниқса Сополли маданияти кулоллиги ашёларини яхши билган археолог буни жуда тез англаб олган бўлар эди.

Кўзали босқичидан бошлаб Сополли маданияти ривожланишида туб бурилиш бошланганлигини, кулолчиликда, металл ишлаб чиқаришда, қабрларнинг қазилиш усулларида, кўплаб моддий маданият намуналарининг ўзгарганлигини тадқиқотчилар доимо қайд этиб келишган (Аскарров, Абдуллаев, 1983). Кўзали босқичи моддий маданияти жарқўтон босқичи моддий маданиятидан тубдан фарқ қилади. Бу энг аввал кулолчиликда кузатилади, балясина кўринишли вазалар пайдо бўлади, жарқўтон даврида кенг тарқалган қадах кўринишли идишлар ясалмайди, мухрлар, хлориддан ясалган бежирим буюмлар, пиктографик ёзув тизими бутунлай хаёт тарзидан чиқиб кетади.

Бизнинг фикримизча, бу ўзгаришларнинг асосий сабаби кўзали давридан бошлаб Сополли маданияти аҳолиси Қадимги Шарқнинг маданият марказлари билан маданий алоқаларини узганлиги бўлса, иккинчидан айнан шу даврдан бошлаб Сополли маданиятининг маҳаллий – Бактрия варианты шаклланганлиги билан характерланади.

Маданий алоқалар энди кўпроқ Евроооииё кўчманчилари – Андроново маданияти билан олиб борилган, тадқиқотчилар кўзали давридан бошлаб Бактрия ва Марғиёна худудига шимолдан кўчманчи аҳолининг миграцияси ва маҳаллий аҳоли билан ассимиляцияси жараёнлари бошланганлигини айтиб ўтишган, кўчманчилар билан маданий алоқалар молали даврида энг кулминация даражага чиқади, бу даврда маданий алоқа эмас, балки миграция жараёнлари бошланганлигини Жанубий Тожикистон ёдгорликлари мисолида айтиб ўтиш мумкин (Аскарров, 1980; Аванесова, 2013. - 640 с.).

Майк Тойфернинг Жарқўтон ёдгорлиги №3 қабристонида олиб борган ишлари бўйича яна бир хулосаси шундан иборатки, қабристонда бузилган, яъни адабиётларда “ўғирланган” деб аталиб келинаётган қабрлар Сополли маданиятининг сўнгги босқичларида жамоа томонидан атайин бузилган деган фикридир. Муаллиф илк темир даврида қабрларнинг учрамаслигининг бош сабабини сўнгги бронза давридан бошлаб майитга муносабат масаласида янги анъаналарнинг бошланганлигида, деб хисоблайди. Муаллиф бу масалада Бўстон VI қабристонидан олинган манбаларга эътиборини қаратиши лозим эди. Негаки, Н.А. Аванесова молали ва бўстон даврида майитга муносабат масаласининг тубдан ўзгарганлигини, кўчманчи Андроново маданиятининг таъсири ошганлигини, майитларни кўмиш давомида оловнинг ўрни ошганлигини, қабрларда кул қатламининг мавжудлигини, скелетларда анатомик ҳолатларнинг бузилганлигини ёритган (Аванесова, 1995; Аванесова, Ташпулатова, 1999. – С. 27-36).

Шундай қилиб, Майк Тойфернинг таҳлил қилинаётган китоби Жарқўтон №3 қабристонида ўрганилган археологик манбалар асосида ёзилган. Олинган манбалар Марғиёна, Жанубий Бактрия, Белужистон, кўчманчи Андроново маданиятидан қолган, қабрлардан олинган манбалар билан таққосланган, Сополли маданиятининг ўзгартирилган хронологик даври тақлиф этилган.

Қараб чиққанамиздек, археологик дала тадқиқот давомида қилинган биргина услубий хато, муаллифни ишончсиз, ноилмий хулосалар қилишга олиб келган. Кўзали босқичи моддий маданиятидаги кескин ўзгаришнинг сабабини Сополли маданиятининг хронологик босқичлари ўрнини ўзгартириш билан, жуда осон йўл би-

лан ечишга ҳаракат қилган. Кўзали босқичи даврида Жарқўтонда Сополли маданиятининг локал варианты шаклланганлигини кузата олмаган. Натижада, тўпланган катта археологик манбалар, уларни бошқа тарихий ҳудудлар қабрларидан топилган ашёлари билан қилинган таққословчи таблицалар, хронология бўйича қилинган хулосалар ишончсиз чиққан, мутахассисларни чалғитишга олиб келган.

Адабиётларда Сополли маданиятини хронологик даврлаштириш бўйича ҳар хил сонли белгилар ишлатилмоқда, жумладан Жарқўтон I, II, III, IV каби (Ионесов, 1990; Ширинов, 1993. С. 42). Ушбу асар ҳам бундан мустасно эмас. Сополли маданиятини хронологик даврлаштиришда SB I (Ia, Ib), SB II (IIa, IIb) белгиларини ишлатган. Фикримизча бу ҳам чалғитувчи ишлардан бири. Ўрта Осиё археологиясида Сополли маданияти хронологияси бўйича яратилган беш босқичли (сополли, жарқўтон, кўзали, молали, бўстон) хронологик жадвал мутахассислар томонидан қабул қилиб бўлинган (Аскарлов, 1973, Аскарлов, 1977). Шундай экан бир кашфиётга ҳар хил ном қўйиш шарт эмас, албатта.

Аммо, ҳар қандай тадқиқотнинг ҳам ижобий томони бўлиши табиий ҳол. Ушбу монография Сополли маданияти тадқиқотчилари олдига янги илмий йўналишни белгилаб беради, бу Сополли маданияти хронологик босқичлари ўртасидаги оралик археологик комплексларни ўрганишни тақоза этади.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд, 2013.
- Аванесова Н.А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // Археологические вести. С-Пб., 1995. № 4.
- Аванесова Н.А., Ташпулатова Н. Символика огня в погребальной культуры // ИМКУ. Вып. 30. Ташкент, 1999.
- Аванесова Н. А. К проблеме относительной хронологии и периодизации Сапаллинской культуры // Археология Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 2010.
- Аванесова Н. А. Хронология древнеземледельческих памятников Северной Бактрии эпохи поздней бронзы // Центральная Азия и Южная Сибирь. Вып. 1. М., 2009.
- Антонова Е.В. Контакты Месопатами с восточными землями в IV-III тыс. до н.э. Азия диалог цивилизаций. С-Пб., 1996.
- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А. К передатировке культуры Заманбаба. Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Аскарлов А.А. Степные компоненты в комплексах оседлых культур эпохи бронзы в Северной Бактрии. Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии. Л., 1980.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы на юге Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Аскарлов А.А., Шайдуллаев Ш.Б. Бактриянинг бронза ва илк темир даври хронологияси бўйича янги маълумотлар // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. Тошкент, 2005.
- Боқиев А., Шайдуллаев А., Йўлдошева З. Окс цивилизацияси. Тошкент, 2015.
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.

- Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Самарканд 1990.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарианиди В.И. К вопросу о культуре Заман-баба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Филанович М.И. Интеграция в формировании древних цивилизаций на территории Узбекистана (эпоха бронзы и раннего железа) // International Journal of Central Asian Studies. Volume 8. 2003.
- Шайдуллаев А.Ш. Сополли маданиятининг глиптикаси ва сфрагистикаси // Археология бўйича фалсафа доктори (phd) диссертацияси автореферати. Самарканд, 2018.
- Шайдуллаев Ш.Б. Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана // Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Самарканд, 2009.
- Ширинов Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии // Автореф. дисс. ... док. ист. наук. М., 1993.
- Amiet P. Elam and Baktria. Baktria. An Ancient Oasis Civilizations. Roma-Venezia, 1989; 7
- Avanesova N., Šajdullaev Š., Ėrkulov A. Dzam - ein neuer bronzezeitlicher Fundort in der Sogdiana // Archäologische mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin. 2001. № 33.
- Avanesova N.A. Zur Chronologie frühagrарischer Fundorteim Nordbaktrien der Spätbronzezeit // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 39, 2007.

ЮБИЛЯРИМИЗ

НАШ ЮБИЛЯР

OUR JUBILAR

**УЧЕНОМУ, СПЕЦИАЛИСТУ
ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ
И ГОРНОГО ДЕЛА
ВЛАДИМИРУ ДМИТРИЕВИЧУ
РУЗАНОВУ 70 ЛЕТ**

**70th ANNIVERSARY OF
DR. VLADIMIR RUZANOV**

Известный исследователь древней металлургии и горного дела Владимир Дмитриевич Рузанов более 40 лет занимается проблемами металлургии и металлообработки, рудными источниками Средней Азии. В.Д. Рузанов теоретически подготовленный археолог и зрелый специалист, который успешно решает вопросы не только технологического, но и исторического характера.

В.Д. Рузанов родился 13 августа 1948 г. в семье служащих в городе Самарканде. В 1966 г. он поступает на химический факультет СамГУ им. А. Навои, после окончания учебы в 1971 г. начинает трудовую деятельность в Отделе химико-технологического исследования и консервации исторических памятников Института археологии АН УзССР.

С этого момента по 1974 г. В.Д. Рузанов работает реставратором; проводит очистку и консервацию археологических находок, найденных на памятниках Узбекистана. Полученные в университете знания в области химии пригодились В.Д. Рузанову в реставрационной практике. Им сохранены разнообразные уникальные материалы: предметы из металла, керамики, стекла и дерева, глиняные и ганчевые скульптуры, образцы монументальной живописи на лессовой основе. В этой массе материалов подавляющую часть (более 2 тысяч экз.) составляют металлические изделия, сделанные из меди, бронзы и железа.

Одновременно В.Д. Рузанов проявляет большой интерес к металлургическому производству, и это направление станет основным в научной деятельности юбиляра. В 1973 г., во время научной командировки в г. Ленинград, он знакомится со спектральным методом анализа медно-бронзовых изделий в химико-спектральной лаборатории в ЛОИА (ныне ИИМК АН РФ). В то время ее сотрудники И.В. Богданова-Березовская и Д.В. Наумов проводили исследования химического состава металла памятников Сибири и Средней Азии.

В конце 1974 г. руководство Института археологии АН УзССР направляет В.Д. Рузанова на стажировку, затем на учебу в очную аспирантуру Московского Института археологии АН СССР. Там в лаборатории естественнонаучных методов исследования под руководством известного исследователя древнего металлургического производства, доктора исторических наук, член-корреспондента АН РФ Е.Н. Черныха он успешно осваивает методы анализа и проводит изучение металла Средней Азии древнейшего периода.

После окончания аспирантуры в 1979 г. В.Д. Рузанов продолжил работу в Отделе химико-технологического исследования на должности младшего научного сотрудника. В 1982 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «История металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа» на кафедре археологии исторического факультета МГУ. В 1984 г. В.Д. Рузанов переведен на должность старшего научного сотрудника Отдела химико-технологического исследования.

В 1991-1994 г.г. В.Д. Рузанов находится в докторантуре при Институте археологии АН РУз. В качестве докторской диссертации им выбрана тема «Металлургия Средней Азии в эпоху бронзы».

В 1994 г. после окончания докторантуры В.Д. Рузанов продолжил работу в Отделе химико-технологического исследования в качестве старшего научного сотрудника, с 2003 г. - ведущего научного сотрудника. С 1995 г. по настоящее время В.Д. Рузанов участвует в работе ученого Совета, входит в состав редколлегии периодических изданий Института: «История материальной культуры Узбекистана» и «Археология Узбекистана» (с 2010 г.).

За 43 года исследований древней металлургии и металлообработки В.Д. Рузанов собрал сведения о 3 тысячах медных и бронзовых изделий Средней Азии разных исторических эпох. В лаборатории естественнонаучных методов в Институте археологии РАН В.Д. Рузановым и сотрудниками лаборатории, с которыми он поддерживает тесные связи, спектрально проанализировано более 2 тысяч изделий из Средней Азии. Собранные материалы стали фундаментальной основой для исследований в области древнего металлургического производства региона. Полученные результаты изложены юбилеем в более 100 публикациях, в которых обстоятельно и по-новому рассматриваются вопросы генезиса, хронологии и связей металлических комплексов культур и памятников древнейшего периода.

Особо следует отметить изыскания В.Д. Рузанова в области древней металлургии Ферганской долины и Ташкентского оазиса. Безусловно, открытием является выделение двух хронологических этапов (дальверзинский и чустский) в развитии Чустской культуры. Впервые на металлических материалах удревнена на 500 лет нижняя дата поселения Дальверзин (XIV в. до н.э.), доказана хронологическая разница между поселениями Дальверзин и Чуст, которые ранее исследователи относили к одному и тому же периоду. Другим важным заключением, которое было сделано В.Д. Рузановым, является новая датировка (XIII-XII вв. до н.э.) ранней фазы культуры Бургулюк. Установленные даты представляются актуальными для решения вопросов передвижения племен культур лепной расписной керамики из Ферганы и Ташкентской области на юг Узбекистана и генезиса подобных культур в южных культурно-исторических областях Средней Азии.

На данной территории детальному изучению были также подвергнуты металлические материалы степных (Кайраккумская культура, могильник Кашкарчи, Чим-

байлыкский и Бричмуллинский клады) и древневосточных (могильник Шагым) племен. В результате В.Д. Рузановым предложены новые интерпретации культурной принадлежности и происхождения памятников, установлены новые даты, выявлены металлургические связи, определены химико-металлургические особенности и рудные источники металла.

Богатый опыт металлургических исследований В.Д. Рузанов успешно использовал в работе с металлом памятников (Заманбабинская и Тазабагъябская культуры, могильники Чакка, Муминабад и Дашти-Кози, поселение Саразм) Центральной зоны Средней Азии – бассейна р. Заравшан. По полученным материалам им внесены существенные коррективы и дополнения в картину становления и развития металлургии, определены особенные черты металлургических очагов Южного Приаралья и Древнего Согда.

Историко-металлургические исследования больших серий изделий позволили В.Д. Рузанову прийти к выводам о развитии металлургии в Среднеазиатском Междуречье и использовании местных рудных источников во II-начале I тыс. до н.э., впервые выделить на этой территории Туранскую металлургическую провинцию.

Несомненно, заметен вклад В.Д. Рузанова в изучение древнего металлообрабатывающего производства на юге Средней Азии. Проведенные им исследования охватили многочисленные металлические изделия практически всех известных ныне культур и памятников Южного Узбекистана, Южной Туркмении и Юго-Западного Таджикистана эпохи бронзы. Полученные результаты легли в основу его монографии «Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы» (2013). В данной работе детально изучен естественнонаучными методами анализ металлов, разработана типология изделий, определены рудные источники меди и ее сплавов, пути распространения металла. Были установлены горно-металлургические области производства металла, поставлявшие сырье на юг Средней Азии, определена их роль в развитии металлургии и металлообработки в этом регионе. Данные исследования позволили В.Д. Рузанову сделать выводы по вопросам происхождения металлургических и металлообрабатывающих очагов, хронологии и этапов их развития. Наконец, они существенно расширили представления о металлообрабатывающем производстве на юге Средней Азии в эпоху бронзы.

Кроме научных исследований, необходимо отметить полевую работу юбиляра, в результате которой были добыты разнообразные материалы по древнему горнорудному промыслу на территории Узбекистана и Таджикистана. Впервые с методикой изучения древних выработок В.Д. Рузанов познакомился в 1977 г. во время разведки древних рудников в горных районах Ташкентской, Кашкадарьинской и Сурхан-

дарьинской областях. Работой руководил научный руководитель Е.Н. Черных, который консультировал аспиранта В.Д. Рузанова по вопросам обследования древних выработок, остатков металлургического производства, сбора и обработки геолого-археологических материалов. В 1987 и 1990 гг. в составе отряда при участии сотрудников Института геологии и Института истории АН Таджикской ССР юбиляр обследовал остатки средневековых металлургических промыслов (Магмуруд, Харангон) в южных отрогах Гиссарского хребта в Юго-Западном Таджикистане. В 1997-1999 гг. он участвовал в работе международной узбекско-немецкой археологической экспедиции, проводившей комплексное обследование древних оловянных рудников в Зирабулак-Зиаэтдинских горах в Узбекистане.

Исследования древней металлургии Средней Азии В.Д. Рузанова вызвали большой интерес за рубежом. Его приглашают участвовать в работе международных конференций в Италию, США, Бельгию, Германию, Турцию, Россию, Грузию, Туркмению, Киргизию и Таджикистан. Со своими разработками юбиляр щедро делится с коллегами Института и других археологических учреждений Узбекистана, выступая с докладами на республиканских конференциях и отчетных сессиях.

В свои 70 лет В.Д. Рузанов продолжает активно работать над проблемами истории металлургии Узбекистана и сопредельных территорий. Темой его научных изысканий становится цветная металлообработка античного времени. Им проводится работа над книгой, посвященной древнейшей металлургии культур северных территорий Средней Азии.

Хочется от имени сотрудников отдела, коллег Института и редколлегии журнала «Археология Узбекистана» пожелать дорогому юбиляру крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов.

НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ РАБОТЫ В.Д. РУЗАНОВА

1973

1. Раннесредневековое резное дерево из Таллисортепе // ОНУ. Ташкент. № 4. (Соавтор Кочнев Б.Д.).
2. Редчайшая находка из Учтутской неолитической шахты // ОНУ. Ташкент. № 10 (Соавторы Мирсаатов Т., Камбаров М.А.).

1975

3. Химический состав металлических предметов из поселения Сапаллитепа // ИМКУ. Вып.12. Ташкент. (Соавторы Аскарлов А.А., Абдуразаков А.А., Богданова-Березовская И.В.).

1976

4. Реставрация колонны из Еркургана // Информационный центр по проблемам культуры и искусства. «Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей». Вып.1. М. (Соавторы Абдуразаков А.А., Лебедева Т.И., Ильхамов Ш.).

1977

5. Некоторые данные о металлических сплавах с поселения Сапаллитепа // ОНУ. Ташкент. № 6. (Соавтор Аскарлов А.А.).

1979

6. О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент.

1980

7. К вопросу о металлообработке у племен чувской культуры // СА. № 4.
8. Результаты химико-технологического исследования находок из Шамшинского клада // СА. № 4. (Соавторы Рындина Н.В., Дегтярева А.).

1982

9. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф. дисс... канд. ист. наук. МГУ. М.

1983

10. О появлении древнейшего железа в памятниках Средней Азии // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент.
11. Древние сплавы Средней Азии // Материалы V искусствоведческой конференции молодых ученых. Тезисы докладов. Ташкент.

1985

12. Древняя металлургия и металлообработка Узбекистана в эпоху бронзы // Материалы республиканской конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». Тезисы докладов. Ташкент.

1986

13. Химико-металлургическая характеристика меди и бронзы из городища Еркурган //ИМКУ. - Вып.20.- Ташкент. (Соавтор Сулейманов Р.Х.).

14. Миллодан икки минг йил илгари // Фан ва Турмуш.Ташкент. № 9.

15. О химическом составе металла Северной Бактрии // Материалы советско-французского коллковиума «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда». Тезисы докладов. Ташкент.

1987

16. О металле древнебактрийской усадьбы Кызылча 6 // В книге Сагдуллаева А.С. «Усадьбы древней Бактрии». Ташкент. (Соавтор Левушкина С.).

17.Технический прогресс в металлообработке у древнеземледельческих племен эпохи бронзы юга Средней Азии // Материалы республиканского совещания «Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху». Тезисы докладов. Ашхабад.

18. Древние сплавы Средней Азии // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент.

1988

19. К вопросу о происхождении Чимбайлыкского клада // ИМКУ. Вып.22. Ташкент.

20. Килни кирк ериб //Фан ва Турмуш. Ташкент. № 4.

21. Применение спектроаналитических данных для выявления древних источников металла Средней Азии // Материалы Башкапсарского полевого археологического Семинара «Медные рудники западного Кавказа III-I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения». Тезисы докладов. Сухуми.

22. Очаги металлургии и металлообработки Средней Азии эпохи бронзы // Материалы IV советско-американского коллоквиума «Древнейшая металлургия Старого Света». Тезисы докладов. Тбилиси. (Соавтор Аскарлов А.А.).

1990

23. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3,4 и 5 // ИМКУ. Вып.23. Ташкент. (Соавтор Аскарлов А.А.).

24. Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент.

25. О металлургических сплавах Согда // Материалы советско-французского коллоквиума «Афрасиаб и его культурные связи». Тезисы докладов. Ташкент.

1991

26. К вопросу об источниках металла Еркургана // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент.

27. Металлообработка у племен кчукской культуры // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент. (Соавтор Аскарлов А.А.).

28. Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии // Путеводитель экскурсий Семинара. Душанбе. (Соавторы Новиков В.П., Радилиловский В.В.).

29. Некоторые данные о древних оловянистых источниках Узбекистана и использовании оловянистых бронз в эпоху бронзы // Материалы всесоюзного Семи-

нара «Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии». Тезисы докладов. Душанбе.

30. Объекты древнего горнорудного промысла в горах Кугитангтау // Материалы всесоюзного Семинара «Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии». Тезисы докладов. Душанбе.

31. Древние металлургические печи Магмуруда // Материалы всесоюзного Семинара «Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии». Тезисы докладов. Душанбе. (Соавтор Радилловский В.В.).

32. К вопросу о связях между Севером и Югом Средней Азии в эпоху бронзы (по данным спектроаналитического исследования меди и бронзы) // Материалы всесоюзной конференции «Взаимодействия кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути». Тезисы докладов. Алма-Ата.

1993

33. Приамударьинский очаг металлообработки (Происхождение, динамика и особенности развития производства) // Материалы республиканской научной конференции «Бактрия-Тохаристан в древности и средние века», посвященной 60 – летию образования областного краеведческого музея в г. Термез. Тезисы докладов. Самарканд.

1994

34. Древняя металлургия Таджикистана // Материалы Международной научной конференции «История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии», посвященной 60-летию Таджикско-Памирской экспедиции. Тезисы докладов. Худжанд.

35. О металле памятников эпохи бронзы северо-восточного Узбекистана и его источниках // Материалы международной научной конференции «История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии», посвященной 60 -летию Таджикско-Памирской экспедиции. Тезисы докладов. Худжанд.

1995

36. К вопросу об истоках оловянистых бронз из памятников древнеземледельческих культур Средней Азии // Материалы республиканской научной конференции «Урта осие тарихи ва археологиясининг долзарий муаммолари». Тезисы докладов. Ташкент.

37. On the Problem of Sources of Tin Bronzes from the Sites of Early Agricultural Cultures of Central Asia // Thesises of the papers of the International Congress: The Beginning of Metallurgy. Bochum.

38. К вопросу о связях приамударьинских племен Южного Узбекистана во II тыс. до н.э. (По результатам химического исследования металлических изделий) // Материалы международной научной конференции «Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии», посвященной 25 -летию образования Института археологии АН РУз и 60 -летию акад. А.А. Аскарлова. Тезисы докладов. Самарканд.

39. Новые данные о металле могильника Муминабад // Материалы международной научной конференции « Проблемы реставрации культурного наследия народов

Средней Азии и технологии древних и средневековых ремесленных производств», посвященной 65 -летию д.и.н. А.А.Абдуразакова. Самарканд.

40. История изучения древней металлургии Узбекистана // Материалы международной конференции «Проблемы реставрации культурного наследия народов Средней Азии и технологии древних и средневековых ремесленных производств», посвященной 65 -летию д.и.н. А.А.Абдуразакова. Самарканд.

41. Металлообработка на юге Узбекистана в первой половине I тыс. до н. э. (По материалам поселения Кучуктепа) // Материалы республиканской научной конференции «Бактрия-Тохаристоннинг шахар мазанияти. Маврузлар матии». Тезисы докладов. Самарканд.

1996

42. Результаты спектроаналитических исследований металла памятников тазабагъябской культуры // ИМКУ. Вып.27. Самарканд.

43. Сообщение о международной научной конференции «Проблема реставрации культурного наследия народов Средней Азии и технология древних и средневековых ремесленных производств» // ОНУ. Ташкент. № 1-3. (Соавторы Ширинов Т.Ш., Реутова М.А.).

1997

44. Древние рудники и памятники металлургии в горах Кугитангтау // ИМКУ. Вып.28. Самарканд. (Соавтор Буряков Ю.Ф.).

1998

45. К вопросу о хронологии металлического комплекса культуры Заманбаба // ИМКУ. Вып.29. Самарканд.

46. О хронологии металлического комплекса Бургулюкской культуры // ОНУ. Ташкент. №2.

47. Prahistorischer Zinnbergbau in Mittelasien // EURASIA ANTIQUA (zeitschrift fur archaologie Eurasiens). Band 4. Berlin. (Соавторы Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Burjakov Yu., Cierny J., Yakubov Y., Lutz Y., Parzinger H., Pernicka E., Radililovskiy V., Ruzanjv V., Shirinov T., Starsinin D., Weisgerber G.).

48. Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста (По материалам типологического и химического исследования металлических изделий) // Материалы международной научной конференции «История и культура Оша и Ошской области в домонгольскую эпоху». Тезисы докладов. Ош.

1999

49. Zum fruhen Auftreten der Zinnbronze in Mittelasien || <The Beginning of Metallurgy>. International Simposium, 26-28 April, 1995. Bochum. Germany.

50. Результаты спектроаналитического исследования цветного металла из Каратепе // Материалы республиканской научной конференции «Суғд марказий осийнинг маданият алоқалари тизимида», посвященной 60 -летию д.и.н. Р.Х. Сулейманова. Самарканд.

51. Новые данные о датировке Дальверзина и Чуста (По материалам типологического и химического исследования металлических изделий) // Материалы Между-

народной научной конференции «Новые данные о древнем и средневековом Кыргызстане». Бишкек.

52. Еще раз о хронологии чувстской культуры Ферганы // РА. № 4.

53. Об итогах работы международной узбекско-немецкой экспедиции в 1997-1998 годах по археологическому обследованию древних источников олова в Зирабулак-Зиаэтдинских горах // ОНУ. Ташкент. № 7-8. (Соавторы Циерны Я., Вайсгербер Г.).

54. Research at Karnab, Uzbekistan // ИМКУ. Вып.30. Самарканд. (Соавторы Alimov K., Boroffka N., Cierny Y., Lutz Y., Parzinger H., Pernicka E., Shirinov T., Weisgerber G.).

55. К вопросу о истоках оловянистых бронз из памятников древнеземледельческих культур Средней Азии // ИМКУ. Вып.30. Самарканд.

56. Некоторые аспекты развития металлообработки Южного Согда в первой половине I тыс. н. э. // Материалы республиканской научной конференции «Древний Карши, история культуры и градостроительства Средней Азии». Тезисы докладов. Карши.

2000

57. К вопросу о связях приаральских племен Узбекистана в эпоху бронзы (По результатам исследования металла тазабагъябской культуры) // Цивилизации древнего Хорезма в контексте истории мировой культуры и полевой семинар «Археология древнего Ташкырманского оазиса». Нукус - Бустон.

58. Дальверзино-чувстско-бургулюкский очаг в системе металлообрабатывающих и металлургических производств Средней Азии // Сборник статей «История, культура и экономика юга Кыргызстана». Том. 1. Ош.

59. Новые данные о дате погребений типа «ямы со спуском» Тулхарского могильника // Сборник статей «Взаимодействия культур и цивилизаций», посвященный 70 -летию акад. В.М. Массона. Санкт-Петербург.

60. Карнабское касситеритовое месторождение - источник олова эпохи бронзы // ИМКУ. Вып.31. Самарканд.

61. Некоторые результаты изучения химического состава металла бургулюкской культуры // ИМКУ. Вып.31. Самарканд. (Соавтор Лушпенко О.Н.)

2001

62. Результаты спектроаналитических исследований меди и бронзы из квартала «металлистов», раскопов Р-14 и Р-15 городища Еркурган // ИМКУ. Вып. 32. Самарканд.

63. К вопросу о происхождении двух металлических печатей из Сапаллитепа // Материалы республиканской научной конференции «Термиз шахрининг жохон цивилизациясида тутган урни». Тошкент-Термиз.

64. О металле памятников эпохи бронзы верхнего бассейна Заравшана // Сборник статей «Зарафшон вохаси ва унинг тарихдаги урни». Самарканд.

2002

65. Некоторые сведения об источниках сырья бактрийского металла и характере перехода примесей из руды в медь в процессе металлургической плавки // ИМКУ. Вып.33. Самарканд.

66. К вопросу о хронологии комплексов сапаллинской культуры // АИ в 2001 г. Тошкент.

67. Химико-металлургическая характеристика металлической посуды сапаллинской культуры // Материалы международной научной конференции «Археология, история и культура Средней Азии», посвященной 60 –летию акад. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент.

68. Ранние рудники в Узбекистане // Материалы международного полевого Симпозиума «Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии. Каргалинский комплекс». Москва. (На русском и английском языках).

69. Металлургия меди и бронзы чувствской культуры Ферганы (Новые данные о происхождении, хронологии, характере и особенностях развития производства) // Материалы международной научной конференции «Цивилизации Центральной Азии: Земледельцы и скотоводы, традиции и современность». Вестник МИЦАИ. Самарканд.

70. Источники сырья металлообрабатывающего центра Еркургана I-VI вв. // Материалы международной научной конференции «Шахрисабз шахрининг жохон тарихида тутган урни». Тошкент.

2003

71. Результаты изучения химического состава металла наконечника копья из Ферганской долины // АИ в 2002 г. Тошкент. (Соавтор Малтаев К.Ж.).

2004

72. Морфолого-типологические и химико-металлургические особенности металлического инвентаря Чуста и Дальверзина (Результаты сравнительного анализа) // ИМКУ. Вып.34. Самарканд.

73. О votивных металлических изделиях из памятников земледельческих культур Северной Бактрии // АИ в 2003 г. Тошкент.

74. Древнейшая медно-бронзовая индустрия Южного Узбекистана // MOZIYDAN SADO. № 2. (На узбекском, русском и английском языках).

75. Металлические зеркала сапаллинской культуры: типы, химико-металлургическая характеристика и техника изготовления // Сборник статей «Археология и история Центральной Азии», посвященный 70 -летию акад. Ю.Ф. Бурякова. Ташкент.

76. Спектральный анализ металлических изделий из могильника Тандыр-йул // В книге Виноградовой Н.М. «Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы». Москва.

2005

77. Химико-металлургическая характеристика цветного металла некрополя Ялангтуш-тепе // Сборник статей «Материалы по античной культуре Узбекистана», посвященный 70 -летию д.и.н., проф. Г.А. Кошеленко. Самарканд.

78. О металле могильника Вуадиль Ферганы эпохи бронзы // Сборник статей «История Узбекистана в археологических и письменных источниках», посвященный 70 –летию акад. А.А. Аскарлова. Ташкент.

79. К вопросу об истоках металлообработки сапаллинской культуры Южного Узбекистана // Сборник статей «История Узбекистана в археологических и письменных источниках», посвященный 70 -летию акад. А.А. Аскарова. Ташкент.

80. Дополнения к сказанному о раннем железе Средней Азии // Сборник статей «Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии». Вестник МИЦАИ. Самарканд-Бишкек.

2006

81. Химико-металлургическая характеристика металла Бричмуллинского клада // ИМКУ. Вып. 35. Самарканд. (Соавторы Анарбаев А.А., Реутова М.А.).

82. Химико-металлургическая характеристика двух наручных браслетов из Сурхандарьинской области // ИМКУ. Вып. 35. Самарканд.

83. Новые данные о топорах-кельтах Северного Узбекистана // ИМКУ. Вып. 35. Самарканд.

2007

84. Цветная металлообработка на Афрасиабе в античном периоде и средневековье // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. Ташкент-Самарканд.

85. О путях миграций андроновских племен в Средней Азии // «Приаралье на перекрестке культур». Международный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя Центральной Азии С.П. Толстова и 2 полевой семинар археологии древнего Ташкамырского оазиса. Нукус.

86. Некоторые аспекты развития цветной металлообработки на юге Узбекистана в античное время // Ўрта Осиёда Кон – металлургия тарихи: ўтменли ва бугуни /Республика илмий - амалий – амалий анжуман материаллари, 31 май. Навой. (Соавтор Пидаев Ш.Р.).

87. Некоторые итоги изучения металла заманбабинской культуры // ИМКУ. Вып. 36. Самарканд.

2008

88. Результаты спектральных исследований металла поселения Саразм // Тр. МАЭ. Т. 2. Москва. (Соавтор Исаков А.И.).

2009

89. Кратко об основных итогах изучения металла культур лепной расписной керамики эпохи бронзы Ташкентско-Ферганского региона // «Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет». Труды Международной научной конференции. Ташкент.

2010

90. Металлургия Согда в эпоху энеолита и бронзы // Сборник материалов Международной научной конференции «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии». Вестник МИЦАИ. Самарканд.

91. О химическом составе металла из Дильберджина // Сборник статей «Традиции Запада и Востока в античной культуре Средней Азии», в честь академика П. Бернара. Самарканд.

92. Результаты обследования древней выработки группы №3 на касситеритовом месторождении Карнаб // Сборник материалов международной научной конференции «Археология Центральной Азии», посвященной 70 -летию акад. АН Кз. К.М. Байпакова. Астана.

93. Этапы развития древнейшей металлургии Средней Азии (Энеолит и эпоха бронзы) // Тр. МАЭ. Т.3. Москва.

94. Новые данные к истории добычи олова в Узбекистане // АУз. Вып. 1.

2011

95. О степном «вирусе» в металлообработке сапаллинской культуры (По данным химического состава металла) // В сборнике материалов, посвященном 70 -летию проф. Н.А. Аванесовой. Тр. СамГУ. Самарканд.

96. Миграции племен в Узбекистане в эпоху палеометалла (Часть 1) // АУз. Вып. 1 (2).

97. Миграции племен в Узбекистане в эпоху палеометалла (Часть 2) // АУз. Вып. 2 (3).

2012

98. Миграции племен в Узбекистане в эпоху палеометалла (Часть 3) // АУз. № 1 (4).

99. Химико-металлургическая характеристика металла могильника Муминабад // ИМКУ. Вып. 37. Самарканд.

100. Некоторые коррективы по дате наручного бронзового браслета поселения Турткультепе // АИ в Уз. в 2010 г. Вып. 8. Самарканд.

2013

101. О химическом составе цветного металла могильника Калконата // АУз. № 2 (7).

102. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд.

2014

103. О химическом составе металлического шлема из Самарканда // АУз. № 1 (8).

104. Химико-металлургическая характеристика цветного металла городища Каратепе // АУз. № 2 (9).

105. Супернаходка на территории Суперзавода // Газета «Самаркандский Вестник». Самарканд. 9 апреля.

106. К вопросу о датировке наступления эпохи бронзы на юге Средней Азии // Тезисы докладов международной научной конференции. Музей Востока. Москва.

2015

107. Новые данные об исследовании металлических изделий из могильника Кашкарчи эпохи бронзы // ИМКУ. Вып. 39. Самарканд.

2016

108. К вопросу о рудной базе металлургии в Фергано-Ташкентском регионе в эпоху бронзы // Вестник МИЦАИ. Вып. 23.

109. Туранская металлургическая провинция // Материалы международной научной конференции «Археология Узбекистана в годы независимости: Достижения и перспективы». Самарканд.

110. Цветная металлообработка в Согде в поздней античности и раннем средневековье // Сборник статей международной научной конференции «Аспекты Согдийской культуры». Санкт-Петербург.

2017

111. Некоторые данные о химическом составе и рудных источниках металла памятников Гуджайли // «История и археология Турана». Самарканд. № 3.

2018

112. Результаты исследований металлических изделий могильника Шагым // АУз. № 1 (16). (Соавтор Рогожинский А.Е.).

113. Рудная база Южного Согда // Материалы республиканской научной конференции «Развитие археологической науки в Узбекистане при первом президенте страны», посвященной 80 –летию со дня рождения И.А. Каримова. Самарканд.

114. Становление и развитие древней медно-бронзовой металлургии в Заравшанском и Кашкадарьинском бассейнах // ИМКУ. Вып. 40. Самарканд.

М.А. Реутова

**ГАЙРАТДИНУ ХОЖАНИЯЗОВУ
70 ЛЕТ**

**70th ANNIVERSARY OF
DR. GAYRATDIN HOJANIYAZOV**

Вот уже почти полвека продолжается научно-педагогическая и общественная деятельность известного историка-археолога, кандидата исторических наук, заведующего отделом археологии Гуманитарного института Каракалпакского отдела Академии наук Республики Узбекистан, Героя Узбекистана Гайратдина Хожаниязова.

Г. Хожаниязов внес существенный вклад в становление и развитие археологической науки в Узбекистане и Каракалпакстане, в популяризацию достиже-

ний археологических исследований в республике и в мире, в охрану и пропаганду памятников истории и культуры своей родины.

Г. Хожаниязов родился 11 июля 1948 года в поселке Караузьяк Караузьякского района Республики Каракалпакстан. В 1972 г. он окончил историко-филологический факультет Каракалпакского государственного педагогического института. И в этом же году начал свою трудовую и научную деятельность в качестве лаборанта отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского филиала АН УзССР. В настоящее время это отделение, когда-то ставшее для него таким родным, продолжает деятельность уже под его руководством.

Первые научные изыскания Г. Хожаниязов начал, будучи еще студентом - бесменным участником ежегодных археологических раскопок и полевой практики, которые тогда велись известными каракалпакскими археологами. Кто знает, может быть, тогда и зародился в душе начинающего историка интерес к профессии - к счастью, не угасший с годами - к дальней и близкой старине, которая таилась под толстыми слоями развалин, почв, хронологической пыли. Особенно запомнились Г. Хожаниязову раскопки, которые велись под руководством В.Н. Ягодина в Тахтакупырском районе в городище Курганча кала, где жили древние полукочевые племена кердеров. В ходе изыскательских работ были найдены материалы, относящиеся к VII-XI векам нашей эры. Но самое примечательное в данной ситуации для студента-историка было то, что именно ему посчастливилось извлечь из руин крепости тридцатисантиметровую статуэтку Божества «Тангир» («Умай» Ана) кердеров.

Пытливого, целеустремленного молодого сотрудника отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан отправили в Москву на стажировку. Судьба свела его с выдающимся ученым-археологом, нумизматом, доктором исторических наук, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым и не менее титулованным археологом, профессором сектора античной археологии Института археологии Российской Федерации И.Т. Кругликовой. В годы стажировки Г. Хожаниязов участвовал в археологических экспедициях МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Г.А. Федорова-Давыдова в Нижнем Поволжье (Кривая Лука, Сарай Бату, Сарай Берке) и Института археологии АН РФ в Крыму (городище Херсонес) в Ставропольском крае под руководством И.Т. Кругликовой.

1985 г. В северо-Каракалпакской археологической экспедиции

Эти раскопки и регулярное общение с выдающимися учеными служили для стажера-исследователя Г. Хожаниязова не только школой науки, но и школой жизни, школой бесценной археологической полевой практики и теоретических изысканий. И неслучайно в эти годы определился круг его научных интересов: Средняя Азия эпохи античности, античные города Средней Азии и Хорезма, фортификационные сооружения древнего Хорезма. Именно в эти годы написана оригинальная статья о фортификации городищ древнего Хорезма под руководством И.Т. Кругликовой. Неординарность статьи заключалась в том, что она была посвящена изучению еще никем не затронутой, буквально «целинной» темы, опубликована она была в журнале «Советская археология». По тем временам это было прорывом не только молодого ученого, но и всей археологической науки Каракалпакстана на всесоюзную арену. Ведь тогда мало кто даже из маститых археологов республики публиковался в столь авторитетном издании.

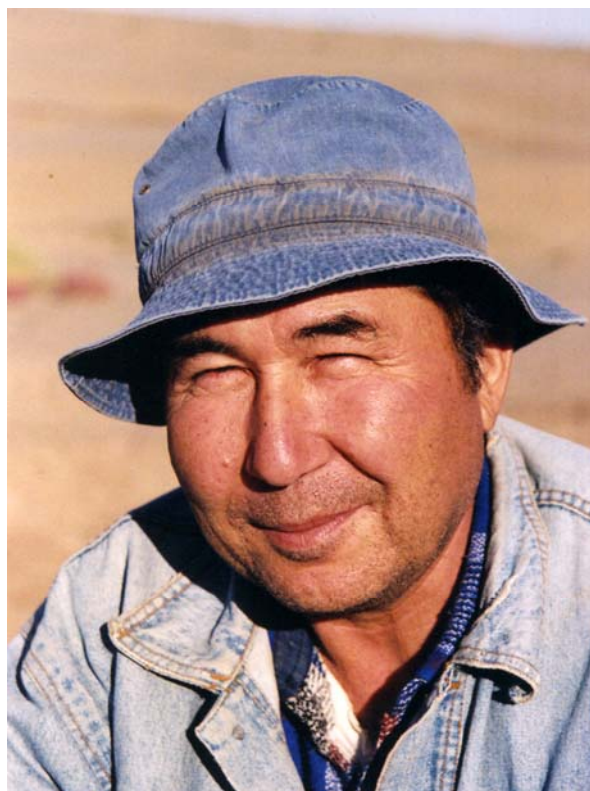
В своей кандидатской диссертации «История фортификации древнего Хорезма», защищенной в 1996 году, Г. Хожаниязов на основе археологических материалов впервые творчески переработал такие важные проблемы фортификации древнего Хорезма (VI в. до н.э. – IV в. н.э.), как происхождение, развитие, экологическое состояние, классификация, систематизация, функциональные особенности фортификационных сооружений. Будучи хорошим знатоком древних археологических материалов и письменных источников и обладая сопоставительно-аналитическими способностями, ученый решил некоторые важные вопросы о столице и процессах возникновения и укрепления независимой узбекской государственности в древнем Хорезме.

С помощью обширного фактического материала было обосновано, что городище Акшахан является одной из первых столиц древнего Хорезма, были рассмотрены вопросы генезиса отдельных приемов и элементов фортификации, были выявлены роль и место Хорезма в истории древней фортификации Средней Азии и окружающей кочевой степи. Наконец, было установлено, что в античный период фортификационное искусство древнего Хорезма было на уровне фортификационного искусства Центральной Азии: здесь существовала своя школа возведения укрепленных сооружений.

Благодаря новизне и обоснованности результаты исследования стали явлением не только в археологической науке Центральной Азии, но и имели международный резонанс: они привлекли внимание специалистов из зарубежных стран и нашли отражение в монографии «The military architecture of ancient Ehorosmia (6th centry b.c. – 4th centry a.d.)» - («Фортификационные сооружения древнего Хорезма»), изданной в прекрасном оформлении в Париже на английском языке в 2006 году. Позже монография была выпущена Хорезмской Академией Мамуна на узбекском языке («Қадимги Хоразм мудофаа иншоотлари») в Ташкенте в 2007 году. Безусловно, эта работа свидетельствует о весомости научных достижений археолога из Каракалпакстана и возросшем авторитете исторической науки республики.

В основе сегодняшних успехов Г. Хожаниязова как ученого-археолога лежит многолетний кропотливый труд. Начиная с конца 70-х годов прошлого столетия, он проводил сопоставительные полевые изыскательные работы, не пропуская ни одного сезона. Как опытный полевой археолог Г. Хожаниязов в течение более сорока лет был бессменным участником и одним из непосредственных руководителей республиканских и международных археологических экспедиций родного края. Он организатор Северо-каракалпакского, Южно-каракалпакского, Кзылкалинского, Джампыккалинского, Миздахканского археологических отрядов, участник археологических работ по определению возраста города Хивы (1984-1990 гг.), международной археологической экспедиции ЮНЕСКО «Великий шелковый путь. Путь - диалога (1989-1991 гг.)». С 1995 года по настоящий день он руководит Международной археологической экспедицией «Каракалпакстан – Австралия», где его партнерами-исследователями являются известные ученые А. Беттс, С.У. Хелмс, Т.Д. Колин, Ф.Ж. Кидд.

В 2018 году начала изыскательные работы под руководством Г. Хожаниязова международная археологическая экспедиция в оазисе Кият с участием археологов из университета Пердью, Бостонского и Калифорнийского университетов США.

1999 г. На Акшахан кала

2010 г. На Акшахан кала

Цель экспедиции - изучение различных видов сельскохозяйственной продукции, которые производили и которыми питались жители древних городов.

Безусловно, вышеупомянутые широкомасштабные археологические экспедиции стали значительными вехами не только личной научной биографии ученого, но и новой истории археологии древнего Хорезма и Приаралья. В результате этих плодотворных археологических изысканий, которые энергично возглавлял Г. Хожаниязов, был впервые обнаружен и научно освещен не один десяток новых, прежде не известных науке и не внесенных в археологическую карту Южного Приаралья и Хорезмской области, бесценных археологических объектов и памятников культуры. Тем самым они были спасены от плена неизвестности и забвения, были активно включены в научный оборот и стали предметом серьезных аналитических исследований, дискуссий, споров. Среди них можно выделить «Городище Акчунгуль» (1978 г., Кунградский район), «Городище Кетменши-баба» (2000 г., Ходжелинский район), «Городище Дали-кала» (2003 г., Берунийский район), «Длинная оазисная стена Акшан-калы («Казаклы яткан»))» (1982 г., Берунийский район), комплекс «Белое ханако Сулаймана Хаддади Мусавий в Миздахкане» (1989 г., Ходжелинский район), «Зороастрийский некрополь в Крантау» (1999 г., Нукусский район) и десятки других малых и крупных объектов. При участии Г. Хожаниязова был обнаружен уникальный клад тимуридской эпохи в Хиве (1984 г.), состоящий из 248 серебряных монет (мири и тангача), выпущенных в конце XIV – начале XV веков и отчеканенных в 20 монетных дворах государства Амира Темура и тимуридов. Без-

условно, одна из уникальных находок последнего времени, также обнаруженная при непосредственном участии Г. Хожаниязова, – открытие зороастрийского мону-ментального молитвенного храма, статуй и портретной галереи на длинных внут-ренних стенах в городище Акшахан, что расположен в оазисе Ташкырман. Прежде всего, поражает уникальность портретов. Это достаточно редкий случай в истории искусства и живописи Средней Азии и представляет собой совершенно уникальное явление и для археологии края. Портреты красочно изображены в белых, красных, черных, голубых цветах. В одном из крупных и хорошо сохранных портретов, по мнению известного специалиста по культуре Древнего Востока французского про-фессора Франца Грене, возможно, изображено одно из божеств зороастризма «Сраош». Примечательно, что открытие на Акшахан-кала привлекает особое вни-мание зарубежных специалистов и гостей.

Благодаря многолетнему самоотверженному труду и преданности своему делу Гайратдина Хожаниязова были проведены не только одноразовые, но повторные археологические изыскания на более чем 50 объектах, многие из которых были поч-ти или совсем неизвестными даже ученому миру. В ходе такой долголетней работы был собран богатейший материал, позволявший открыть новые данные и факты и заново осмыслить давние ответы на многие вопросы истории и социальной жизни народа.

На основе добытых материалов написаны десятки сборников, книг, монографий, около двухсот статей. Некоторые из них опубликованы за рубежом: в Таджикиста-не, Киргизии, Туркменистане, России, Франции, Англии, Австралии. Среди них наиболее весомыми являются книги «Городище Давкескен-Вазир» (совместно с Ж. Хакимниязовым 1997 г.), «Фортификационные сооружения древнего Хорезма» (на английском и узбекском языках, 2006 г., 2007 г.), «Следы зороастризма в низовьях древнего Окса» (совместно с Ж. Базарбаевым, 2007 г.), «Городища – крепости Бер-даховского периода» (совместно с Ш. Файзуллаевой, 2015 г.), «Имам-ишан – вид-ный религиозный деятель и просветитель каракалпакского народа» (совместно с Х. Наимовым, 2005 г.), статьи «О фортификации каракалпаков XVII-XIX веков и про-исхождении городов» (на французском языке, 2002 г.), «Пять сезонов раскопок в Ташкырманском оазисе древнего Хорезма 1996-2000 гг.» (совместно с С. Хелмсом, В.Н. Ягодиным, А. Бетсом, Ф. Кидом, на английском языке), «Каракалпакско-австралийские раскопки в древнем Хорезме: северный рубеж, «культурного» древ-него мира» (совместно с С. Хелмсом, В.Н. Ягодиным, А.Б. Беттсом, М. Негусом, на английском языке) и многие другие. Г. Ходжаниязовым были систематизированы и обобщены материалы по фортификации в таких монографиях как 'The military ar-chitecture of Ancient Chorasmia (6th century B.C. - 4th century A.D.)', «Оборонительные сооружения Древнего Хорезма» и «Городище Дэвкескен-Вазир», где определены специфические свойства разных крепостей; заново проанализированы некоторые элементы и проблемы генезиса фортификации; рассмотрены основные этапы разви-тия фортификации Древнего Хорезма; исследованы роль и место хорезмской форти-фикации в развитии оборонительных сооружений древних государств Центральной Азии. Все эти данные свидетельствуют о том, что искусство хорезмской фортифика-ции античного периода развивалось наряду с искусством фортификации Средней Азии, а также о существовании школы по сооружению оборонительных крепостей.

Главное достоинство Г. Хожаниязова как личности и как ученого заключается в том, что, в отличие от многих других коллег, он ощущает себя не отстраненным на-

блюдателем исторических и современных событий, но их заинтересованным участником. Вот почему при всей своей исследовательской любви к древности он, прежде всего, погружен в живую быстротекущую, временами «забывчивую», современность. Именно этим и объясняется, что Г. Хожаниязов широко известен в республике и за ее пределами как талантливый краевед и популяризатор истории, археологии, этнографии. Особенно ярко развернулась эта грань его таланта, когда он работал председателем Республиканского общества охраны исторических и культурных памятников (1990-1994 гг.). Тогда на широкую ногу были поставлены этноархеологические исследования. По его инициативе и при его непосредственном участии стали системно изучаться культовые памятники края, составлен каталог малоизвестных и популярных культово-общественных мест, изданы карты памятников Каракалпакстана с древнейших времен до наших дней, выпущены научно-популярные книги «Священные места Каракалпакстана» (совместно с О.Юсуповым), «Памятные кладбища Каракалпакстана», а также красочные буклеты «Кзыл-кала», «Койкрылган-кала», «Миздакхан» и другие.

Г. Хожаниязов определил существование в республике свыше 400 сот зороастрийских и мусульманских священных могильников и кладбищ, дал их научное описание, снабдив его важными сведениями о религиозных верованиях и символах.

Проведенные Г. Хожаниязовым поисковые работы позволили определить и восстановить места погребения известных деятелей культуры и литературы Каракалпакстана – таких, как Жиен-жрау, Отеш-шайыр (Караузьякский район, 1991 г.), Ережеп-тентек (Чимбайский район, 1992 г.), Мурат-шайх (Караузьякский район, 1992 г.), Ажинияз шайыр (Муйнакский район, 1993 г.) и установить надгробные памятники на месте их захоронения.

Г. Хожаниязов принимает активное участие в деятельности культурно-просветительских учреждений республики. Так, он долгие годы сотрудничал с основателем музея искусств И.В. Савицким и совместно проводил раскопки в Кзыл-кала, Джампык-кала и других античных и средневековых памятниках края, собирая коллекции для музея. Почти два десятка лет он сотрудничает с Государственным краеведческим музеем республики, принимая активное участие в создании экспозиции по археологии Каракалпакстана.

Г. Хожаниязов является автором и консультантом ряда документальных фильмов, снятых творческими коллективами «Каракалпакфильма» и «Узбектелефильма» об исторических и культурных памятниках республики – таких, как «По дорогам Амира Темура в Приаралье» (1996 г.), «Миздакхан», «Прикосновение к вечности» (2006 г.), «Золотое наследие» (2006 г.), «Гульдурсун» (2009 г.), «Акшахан-кала: в поисках столицы» (2009 г.).

Во время работы в качестве руководителя общества охраны исторических и культурных памятников (1990-1994 гг.), он активно участвовал в общественных делах Республики Каракалпакстан. В частности, в организации и проведении научно-теоретической конференции под названием «Ходжейли – древний город Каракалпакстана» (1995 г.). Являлся членом редакционной коллегии журналов «Арал кызлары», «Санъат/Art/Искусство», в данное время является членом редакционной коллегии ведущих научных и научно-популярных журналов Каракалпакстана: «Вестник» ККО АН РУз., «Амударья», «Вестник» КГУ им. Бердаха, «Tamaddun piri» и т.д. С 2010 года является членом редакционной коллегии газеты «Народно слово».

Одновременно с научной, научно-популяризаторской и полевой изыскательской работой Г. Хожаниязов читает лекции и спецкурсы по практической и теоретической археологии для студентов Нукусского педагогического института, Каракалпакского государственного университета, руководит студенческими выпускными работами, магистерскими и кандидатскими диссертациями. Им написаны учебно-методические пособия «Археологическая и этнографическая полевая практика» (2004 г.), «Историческое краеведение» (2001 г.). Он воспитал целое поколение специалистов по истории древнего и средневекового Хорезма и создал целую школу исследователей археологии Приаралья. Можно сказать, Г. Хожаниязов создал свою методику раскопок, анализа и расшифровки летописи, глубоко спрятанной под песчаными барханами и развалинами древних крепостей и курганов. Неслучайно качество и методический уровень проводившихся раскопок Г. Хожаниязовым на городище Акшахан профессор Р. Сулайманов назвал образцовыми и достойными быть включенными в учебники.

Г. Хожаниязов известен и как общественный деятель: интересы народа и науки он защищает на государственном уровне. Он депутат Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан и член Сената Оли Мажлиса Республики Узбекистан.

За выдающиеся заслуги перед отечественной исторической наукой Г. Хожаниязов был награжден орденом «Мехнат шухрати» и удостоен самого высокого звания Родины – Героя Узбекистана.

Гайратдин Хожаниязович полон новых планов и замыслов, ближайшие из них – подготовка к открытию двадцать пятого юбилейного сезона и организация Международной конференции ученых, посвященной двадцатипятилетию работы Каракалпакско-австралийской археологической экспедиции на городище Акшахан и Ташкырман-тепе. Впереди еще огромная работа и большие сенсационные открытия.

Отмечая знаменательный юбилей, друзья и коллеги Гайратдина Хожаниязовича желают ему долгих-долгих лет доброго здоровья, терпения историка и оптимизма археолога, неиссякаемой энергии, глубоких и широкомасштабных раскопок.

**А. Искандерова и редколлегия
журнала «Археология Узбекистана»**

**РУСТАМУ
ХАМИДОВИЧУ
СУЛЕЙМАНОВУ
80 ЛЕТ**

**80th ANNIVERSARY
OF DR. RUSTAM
SULEYMANOV**

Известный археолог, доктор исторических наук, профессор Рустам Хамидович Сулейманов родился в 1939 г. в г. Ташкенте. После окончания средней школы в 1957 году поступил на кафедру археологии Среднеазиатского Государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана) который окончил в 1962 г.

После окончания университета Р.Х. Сулейманов поступил лаборантом в

Институт истории и археологии АН Узбекистана, в отдел археологии под руководством известного ученого академика Я. Гулямова.

В этот период молодой исследователь имел возможность работать на археологических объектах самых различных эпох как в Узбекистане, так и за ее пределами. Участие в разведочных маршрутах и раскопках памятников различных эпох, от каменного века до средневековья, расположенных в самых разнообразных географических условиях, послужили для молодого исследователя солидной школой полевой практики.

Определяющим фактором в его дальнейшей судьбе стало знакомство с известным советским археологом и антропологом проф. М.М. Герасимовым при совместных раскопках работ гота Оби-Рахмат в 1963 г. В этом же году Р.Х. Сулейманов поступает в аспирантуру под руководством М.М. Герасимова со специализацией по каменному веку. Раскопки двух летних полевых сезонов гота Оби-Рахмат, десятиметровая толща культурных отложений которого содержала гомогенную индустрию леваллуа-мустьерского облика, дали интересные результаты. Тщательная методика изучения стратиграфии культурных отложений гота позволила исследователю разделить их на двадцать один культурный слой, а классификация обширной коллекции каменных изделий привела молодого специалиста к выводу о том, что каменная индустрия гота Оби-Рахмат фиксирует уникальное явление развития культуры эпохи палеолита – процесс перехода от среднепалеолитической технологии обработки камня к верхнепалеолитической. Это был важнейший рубеж в истории человека, с которым связано появление современного типа человека.

Подробный сравнительный анализ индустрии Оби-Рахмата и сопоставление его материалов с другими палеолитическими стоянками Средней Азии привел Р.Х. Сулейманова к выводу о существовании в предгорной и среднегорной зоне Средней Азии в эпоху последнего оледенения локальной средне-палеолитической культуры, которая была названа Оби-Рахматской.

Результаты его исследований были опубликованы в 1972 г. отдельной монографией: Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент: Фан. 1972. При обосновании своих выводов автор успешно применил методы математической статистики: Грот Оби-Рахмат и опыт математико-статистического изучения обирахматской культуры. АКД. Ташкент, 1968.

Позже известный специалист по палеолиту Центральной Азии Дэвис сообщал, что книга Р.Х. Сулейманова была рекомендована ему как лучший образец статистического анализа каменной индустрии первобытного человека. До сих пор вспоминается оценка труда Р.Х. Сулейманова, данная всемирно известным специалистом П.И. Борисковским: *«Советская и мировая наука до сих пор методичку изучения эпохи каменного века заимствовала у французских археологов. Но благодаря трудам Р.Х. Сулейманова советская наука обогнала французскую на десять лет»*

Раскопки грота Оби-Рахмат, возобновленные в 1998 г., не только подтвердили основные положения книги Р.Х. Сулейманова, но в 2003 г. привели к новой находке костей человека из XVI слоя. Консилиум палеоантропологов, археологов, палеозоологов пришел к заключению, что для морфологических особенностей черепа человека Оби-Рахмата характерны как особенности современного типа человека, так и более архаичные, характерные для неандертальца. Это вполне согласовалось с переходной фазой и материальной культурой грота Оби-Рахмат.

Открытие в Самарканде, в 1970 г. Института археологии Академии наук Узбекистана привело к расширению археологических исследований в республике.

Исследования института привели к открытию памятников целых эпох и ряда новых археологических культур на территории Узбекистана. В этот период Рустам Хамидович некоторое время работает директором музея Афрасиаба, затем заведующим отделом Института археологии.

Р.Х. Сулейманов, как вполне сложившийся исследователь, организует масштабные полевые работы по исследованию памятников эпохи античности, к тому времени очень слабо изученных. Основные исследовательские работы Рустама Хамидовича последних десятилетий XX в. были проведены в Каршинском оазисе, где отмечалась наибольшая сохранность руин древних городов и поселений.

Была составлена карта археологических памятников Каршинского оазиса, дана периодизация их обживания. Центральным объектом раскопочных работ было городище Еркурган – древнейший столичный центр оазиса, обживавшегося с IX-VII вв. до н.э. по VI в.н.э. Многолетние раскопки большого коллектива археологов под руководством Р.Х. Сулейманова впервые позволили приоткрыть завесу неизвестности и осветить все доступные археологу особенности культуры южной Согдианы эпохи античности.

Были изучены особенности градостроительства, фортификации, архитектуры и монументального искусства (L'architecture monumentale d' Erkurgan. Paris. UNESCO. 1988). При раскопках были вскрыты и изучены дворец правителей, городской храм, зороастрийская дахма и мавзолей правителей города. Раскапывались кварталы гончаров и металлургов.

В специальных стратиграфических раскопах были получены важные материалы по хронологии и периодизации жизни города. Были получены большие коллекции гончарной посуды, а также терракотовых статуэток различных божеств, что дало возможность проследить эволюцию гончарного дела с VII в. до н.э. по VII в. н.э. (М.Х. Исамиддинов, Р.Х. Сулейманов. *Еркурган (стратиграфия и периодизация)*. Ташкент: Фан. 1984).

В фундаментальной публикации материалов многолетних раскопок городища Еркурган Р.Х. Сулейманов, анализируя архитектуру, монументальное искусство, ритуальный реквизит обрядов, осуществлявшихся в городском храме, мавзолее и дахме Еркургана, убедительно восстанавливает картину развития идеологических представлений жителей древнего Нахшаба (Сулейманов Р.Х. *Древний Нахшеб (проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. - VII в. н.э.)*. Ташкент: Фан. 2000). Автор приходит к выводу о том, что в Согдиане и Бактрии IX-IV вв. до н.э. формируется ритуальная практика раннего зороастризма. После похода Александра зороастризм теряет свое монопольное положение на Ближнем и Среднем Востоке, развиваются синкретические культы греко-иранских божеств [см. ст. *Зороастрийская дахма Еркургана (1988 г.)*, *Дахма Еркургана (1989 г.)*].

Значителен вклад Р.Х. Сулейманова в организацию науки. С 1970 года до переезда в Ташкент он возглавляет отдел античности Института археологии. В 1987-1993 гг. Р.Х. Сулейманов работал директором Института археологии АН РУз и внес ряд новшеств для улучшения его работы. В частности, были открыты региональные отделения. Началось широкое сотрудничество с зарубежными странами.

Научные труды Р.Х. Сулейманова признаны за рубежом. В 1995 г. Германский Археологический Институт избрал его своим член-корреспондентом. А в Узбекистане его заслуги признаны уже давно. Еще в 1985 г. он в составе группы ученых стал Лауреатом Государственной премии им. Беруни, а в 1997 г. был награжден орденом «Дустлик», в 2008 удостоен звания «Заслуженный деятель науки».

В последние годы исследовательские работы Р.Х. Сулейманова ознаменовались открытием уникальных памятников эпохи палеолита - таких как грот Ангилак, где были обнаружены метатарсальная кость ноги человека и первобытная живопись на скалах Сийпанташ эпохи мезолита и неолита.

Р.Х. Сулейманов автор более 150 научных публикаций, из них около 10 монографий.

Уже более 10 лет Р.Х. Сулейманов работает в должности заведующего кафедрой и профессора кафедры археологии Национального университета, передавая свои знания и богатый опыт молодому поколению археологов. Под его руководством защищены ряд кандидатских диссертаций, его приглашали в качестве официального оппонента кандидатских и докторских диссертаций Специализированных Советов Алматы, Москвы, Новосибирска и других городов.

Поздравляем Рустама Хамидовича с 80-летним юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, новых творческих успехов.

Б.Х. Матбабаев, М. Хасанов